

2024

Volume 18

No 2 (68)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2024

Том 18

№ 2 (68)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Формат 240×170. Объем 186 с. Тираж 32 экз. Заказ № 24092. Дата выхода в свет 30.06.2024. Цена свободная. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)

А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)

А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)

В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)

Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)

А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)

С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)

В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)

Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)

П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Danilov E. S.

Concerning Minor Roman Gods: Molae Martis170

Vorobyov I. Yu.

The ruler cult in the Ptolemaic army: the thiasos βασιλισται (III–I BC)178

Koltsov M. V.

Herbert Morrison: the making of a politician190

Mordzilovich A. A.

The Christian Trade Union Movement in the Weimar Republic
according to Apostolic Nuncio Eugenio Pacelli's Assessments202

Naumov A. O., Naumova A. Yu.

Cornflower Revolution of 2006 in Belarus in modern scientific discourse208

Ryabinina N. V., Grebennik M. V.

Modern Western Sovietology on the problem of child homelessness
in the USSR in the 1920s - 1930s218

LAW

Lushnikov A. M.

Between law and economics: about the scientific heritage of R. A. Posner....228

Tarusina N. N.

On the value orientations of the Russian version of human rights.....242

Lushnikova M. V.

Legal regulation of the monetary system of the Russian Federation
in the digital economy: financial and legal problems.....256

Oganesyan R. G.

Ostap Bender and the criminal code of the RSFSR 1926. Part I.....270

Zohrabyan N. Yu.

Introgenic crimes: issues of criminalization and criminal liability280

PSYCHOLOGY

Karpov A. A., Chudakova T. L.

Personal Factors of Preference of “Dangerous” and “Safe” Types
of Professional Activity290

Sakovskaya O. N.

Resistance to uncertainty and the degree of actual feeling
of loneliness as factors of adaptation of a first-year student to study
at a university298

Kashapov M. M.

The Role of Acculturation in the Realization of Constructive Conflict.....306

Ilyushichev V. D., Chistopolskaya A. V., Kuritsyn A. A.

Cognitive markers of the uncanny valley effect318

Tokareva V. B.

Features of the relationship between the representative system
of perception and reflexivity among modern youth.....328

Rusanova L. S.

An integrated approach to the quality assessment of special
conditions for children with special educational needs336

ИСТОРИЯ

Данилов Е. С.

К вопросу о роли «малых богов» в древнеримском пантеоне: Molae Martis.....170

Воробьев И. Ю.

Кульτ правителя в птолемеевской армии: φιας βασιλισταί (III–I вв. до н. э.).....178

Кольцов М. В.

Герберт Моррисон: становление политика190

Мордзилович А. А.

Христианское профсоюзное движение Веймарской республики в оценках апостольского нунция Эудженио Пачелли202

Наумов А. О., Наумова А. Ю.

«Васильковская революция» 2006 г. в Белоруссии в современном научном дискурсе.....208

Рябинина Н. В., Гребенник М. В.

Современная западная советология о проблеме детской беспризорности в СССР 1920–1930-х гг.218

ПРАВО

Лушников А. М.

Между правом и экономикой: о научном наследии Р. А. Познера.....228

Тарусина Н. Н.

О ценностных ориентирах российской версии прав человека242

Лушникова М. В.

Правовое регулирование денежной системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики: финансово-правовые проблемы.....256

Оганесян Р. Г.

Остап Бендер и уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I.....270

Зограбян Н. Ю.

Ятрогенные преступления: вопросы криминализации и уголовной ответственности280

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. А., Чудакова Т. Л.

Личностные детерминанты предпочтения «опасных» и «безопасных» видов профессиональной деятельности290

Саковская О. Н.

Устойчивость к неопределенности и степень актуального ощущения одиночества как факторы адаптации студента-первокурсника к обучению в вузе298

Кашапов М. М.

Роль аккультурации в реализации конструктивной конфликтности.....306

Илюшичев В. Д., Чистопольская А. В., Курицын А. А.

Когнитивные маркеры эффекта «Зловещей Долины»318

Токарева В. Б.

Особенности взаимосвязи репрезентативной системы восприятия и рефлексивности у современной молодежи.....328

Русанова Л. С.

Комплексный подход к экспертизе качества специальных условий для детей с особыми образовательными потребностями.....336

Concerning Minor Roman Gods: *Molae Martis*

E. S. Danilov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-170-177

Research article
Full text in Russian

The article discusses the need for differentiation of Major and Minor Gods in the Roman pantheon. The focus is on the entourage of the Roman god Mars, which is traditionally considered among the minor deities. The author proposes several hypotheses regarding the so-called *Molae*: about the originally peaceful, protective nature of their functions; about their connection with agricultural cult and early incorporation into the cult of Mars.

Keywords: antiquity; religion; pantheon; Mars; *Molae*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Danilov, Evgeniy S. | E-mail: explorator@list.ru
Cand. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University ("Priority 2030" programme at Yaroslavl State University, project GL-2023-2).

К вопросу о роли «малых богов» в древнеримском пантеоне: *Molae Martis*

Е. С. Данилов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-170-177
УДК 94(37)+292

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье поднимается вопрос о целесообразности выделения в античном пантеоне больших и малых богов. Обращается внимание на окружение римского бога Марса, которое традиционно причисляется к малым сверхъестественным существам. Относительно так называемых *Molae* делается ряд предположений: о первоначально мирном, защитном, характере их функций; об их связи с сельскохозяйственной деятельностью и о раннем подчинении Марсу.

Ключевые слова: античность; религия; пантеон; Марс; Мола

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилов, Евгений Сергеевич | E-mail: explorator@list.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

Финансирование: ЯрГУ (Программа «Приоритет 2030» ЯрГУ, проект GL-2023-2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье»).

В рассуждениях ряда авторов о религиозных установлениях классической древности делается попытка выстроить чёткую иерархию богов, поделить их на так называемых великих и малых. Такие взгляды были присущи Г. Буасье [1, р. 285]. Характерны они и для некоторых современных исследователей, например Дж. Шайда, который видит в совокупности больших и малых богов нормальное функционирование политеизма [2, р. 154]. Как нам следует воспринимать такое деление, что за ним скрывается? Различия в авторитете, возрасте, росте, силе, влиянии? Отражение социальной иерархии людей? На эти вопросы не существует однозначного ответа. Вероятно, было бы точнее говорить о больших и малых культах или культовых практиках [3, с. 44], не пытаясь сравнивать сакральную мощь богов.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография Е. С. Голубцовой под названием «Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв.». Она обратила внимание на категорию божеств, о которых ничего неизвестно, кроме названия общин, чьими покровителями они являлись [4, с. 20 и далее]. Их имена в текстах votivных стел, как правило, занимают последние позиции после имен Зевса, Геры, Афины и тому подобных. По данному, чисто формальному, признаку они могут быть причислены к «малым богам», хотя автор книги это выражение не использовала. Лишь в отношении нимф она писала о божествах меньшего «масштаба» [4, с. 41] и отмечала, что сельское население Анатолии, не отказываясь от своих исконных божеств, присоединяло к ним и богов античных [4, с. 29].

В посвяtitельных надписях античные боги занимали первые места: их культ имел общегосударственный характер. Замыкали священный список теонимов имена хранителей и покровителей локальных общин. Один из основных критериев приобщения богов к главным или малым (младшим) – это территориальный признак. Принцип территориальности стал основным в последней книге Е. С. Голубцовой «Община, племя, народность в античную эпоху» [5]. Насколько он применим к религии квиритов?

В отношении древнеримской религии приведём высказывание этнографа С. А. Токарева. «Многочисленные *dii minores* римского пантеона никогда не были покровителями каких-либо общин. В большинстве своём они являются не чем иным, как олицетворением различных сторон человеческой деятельности, которым они покровительствовали» [6, с. 428]. Позволим себе осторожное допущение, что в глазах верующего человека, в том числе римского гражданина, все боги равны, но делают они разномасштабные дела, имеют отдельные зоны ответственности, которые иногда пересекаются. Представление о богах трансформируется, когда они меняют свою изначальную локализацию, перемещаются в пространстве, оказываются вне привычной зоны поклонения.

В «Аттических ночах» Авла Геллия присутствует несколько пассажей, посвящённых Марсу, одному из древнейших богов Италии: о священных копьях, жертвоприношениях (IV.6, XVI.6.7), его имени (V.12.5), супруге (XIII.23.11–19). Привлекает внимание отрывок с упоминанием «*Moles Martis*» (XIII.23.2). Римский антиквар процитировал фрагмент молитвы из жреческих книг («Индигитаменть»), содержащей воззвание к малоизвестным спутникам таких глубоководных божеств, как Сатурн, Нептун, Квирин, Вулкан, Юнона и Марс. Более восьми существей входят в свиту шести богов в качестве жён (*Salacia Neptuni*, *Hora Quirini*, *Maia Volcani*, *Neries Martis*) либо аллегорий с туманными функциями (*Lua Saturni*, *Virites Quirini*, *Heries Iunonis*, *Molae Martis*). Попытаемся приоткрыть завесу тайны над последними из перечисленных прозопопей, или, по крайней мере, сузить круг вопросов относительно них.

Т. Моммзен, Г. Виссова, Г. Экстелл трактовали *Molae* как прислужниц или олицетворения Марса [7, р. 637; 8, р. 135; 9, р. 54]. К. Латте [10, р. 55] за-

метил, что интересующий нас теоним является заимствованием греческого выражения μάλος Ἄρης (ср. Ном. II. II. 401). Против такого калькирования выступал Ж. Дюмезиль [11, р. 217, п. 2]. По Дж. Рольфу следует, что Мола – это тяжелый труд войны или ратное дело, т. е. некая черта, природа Марса, его детище, дочь [12, р. 525]. И. Л. Маяк отзывалась о Молах как о субстанциях, близких к нуменам (numen – божественная природа, сила, воля), и, учитывая значения самого слова «moles», склонялась к мысли о «побудительной силе Марса к войне» [13, с. 266]. А. Г. Грушевой считает Moles «персонификацией армии, уничтожающей всё на своём пути» [14, с. 119, сн. 177]. Это мнение близко к точке зрения В. И. Базанова [15, Р. 12]. Ф. Маркатти [16, р. 8] вслед за М. Торелли [17, р. 99, п. 95] относит Moles Martis к практике перевозки и укладки оружия или военной добычи (spolia hostium) во время триумфального шествия.

Не исключено, что под «moles» стоит понимать бедствие, опасности войны, которые следовало ритуально отвратить. В пору, когда Марс не отождествлялся с Аресом и считался покровителем полей и стад, нужно было молить об их невредимости (molaе – жернова, мельницы / mola – мука). Но как давно связаны Moles с Марсом? Сомнение по поводу семейных отношений указанных божеств высказывал Фриц Миленц [18]. Допустим, что Молы не сразу оказались в тени отца Ромула и даже имели свою долгую историю. Возможно, другие зависимые от Марса боги тоже изначально обладали автономией.

Что мы знаем об окружении Марса? В том же отрывке Авла Геллия фигурирует Нериена или Нерио, жена бога. Писатель отметил, что это имя является сабинским и обозначает «доблесть» или «смелость». Nerio, продолжает Геллий, проявляется как сила, могущество, величие Марса (XIII. 23. 7-10). В своих размышлениях об этой богине автор опирался на авторитет Варрона, Плавта (Truc. 514), Гнея Геллия, Лициния Имбрекса (Fr. 15 Peter), Квинта Энния (Ann. 99 Skutsch) и Сервия Клавдия. А. И. Немировский рассматривал Nerio, приданную Марсу и отождествленную с Афродитой, как богиню из разряда Virites-Nerienes [19, с. 42]. Е. М. Штаерман писала о Луе, Майе и Нерио как о самостоятельных божествах с неясной природой. Она предположила, что эти богини не играли особой роли в народной религии, хотя и составляли пары с более известными богами. Брак Нерио с Марсом виделся ей свидетельством того, что римлянам не были чужды представления о супружеских связях божеств и что они не всегда заимствовали их из греческой мифологии. Если бы тот же Плавт основывался на ней, он бы сделал Венеру женой или, скорее, любовницей Марса, как то было принято у более поздних авторов, полностью отождествлявших греческих богов с римскими. Нерио же в греческой мифологии аналога не имеет, а Арес не имел законной жены. Можно полагать, заключает Елена Михайловна, что представления о браках богов имелись в народе издавна, понтифики же только оформили связи разных богов по каким-то своим особым законам, малопонятным широкой публике [20, с. 105].

Другая спутница Марса – богиня Беллона. Храм в ее честь был возведен Аппием Клавдием Цеком ок. 290 г. до н. э. (Liv. X. 19. 17, 21; Ovid. Fast. VI. 199–208). Если Нериена могла считаться олицетворением качеств, необходимых для начала сражения, то Беллона, как кажется, была своеобразной квинтэссенцией битвы, воплощением войны (*bellum*). Её представляли кровавой (Ovid. Meth. V. 155–156), грознолицой (Petr. Sat. 124), свирепой (Lucan. Phars. I. 566), вооруженной бичом (Verg. Aen. VIII. 703). Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., во время битвы с латинами у Капуи обрек врагов и себя в жертву богам, произнеся имена Януса, Юпитера, Марса, Квирина и Беллоны (Liv. VIII. 9. 6).

Богиня появляется на монетах. Так, в землях бруттиев она фигурирует на чеканке III в. до н. э. с копьем, щитом и, что характерно, плугом (SNG Cop. 1655). В данном случае с ней на аверсе соседствует Геракл. В другом варианте вместо Геракла появляется Арес в коринфском шлеме, на месте же плуга – лира (SNG Cop. 1645). Данные атрибуты не поддаются однозначной интерпретации, но плуг явно указывает на связь с земледельческим трудом и может являться признаком близости к культу плодородия. Возможно, плуг является лишь символом римской колонизации, которой подверглась южная Италия после Второй Пунической войны. В греческой мифологии Беллона отождествляется с Энио (Hom. Il. V. 333, 592). Любопытно, что в Команах Понтийских, согласно Страбону, жречество святилища Энио по своему достоинству превосходило служителей культа Зевса Дакийского (Strabo XII. 2. 3, 6). Здесь речь идёт не о том, что Энио почиталась выше Зевса, хотя и это не исключено, а о неравнозначности культов, ведь религиозное служение в этих двух поселениях имело разное материальное обеспечение. Верховный жрец Энио или Ма, как её называли в указанной местности [21, с. 231–245], происходил из царского рода, имел доходы с большого участка земли и более 6 тысяч храмовых рабов в подчинении.

Дискордия, повторяющая черты греческой Эриды, символизирует распрю или раздор (I Mith. Vat. III. 5. 1). Она в большей степени является поэтическим персонажем (Flac. Argon. II. 204; Verg. Aen. VIII. 702). Павор и Паллор отождествлялись с близнецами Деймосом и Фобосом, персонифицирующими ужас и страх. Святилища в их честь были учреждены ещё Туллом Гостилием во время войны с Вейями и Фиденями (Liv. I. 27. 7). По одной из версий указанные сущности присутствует на аверсе серебряных денариев Луция Гостилия Сасерны (48 г. до н. э.) в виде бородатого мужчины (RRC. 448/2) и женщины с длинными растрепанными волосами (RRC. 448/3) соответственно. Как двух отроков с мечами описывал Страх и Ужас Апулей, сделав их оруженосцами бранолюбивой Минервы (Apul. Met. X. 31). В период торжества христианства подобные божества воспринимались как пустые аллегории или бестелесные силы, противостоящие добродетелям (Prud. Psych. I. 464; Claud. VI Cons. 322, Nupt. 81). Арнобий Старший писал с пренебрежением следующее: «Вы считаете умными... тех, кто чтут... Паворов и Беллон, а мы, предавшие себя Богу, <...> признаемся глупыми». И в дру-

гом месте: «Мы не будем в настоящем месте говорить о <...> Беллонах, Дискордиях <...> и безмолвно обойдём молчанием прочие недоброжелательные божества» (Arn. Adv. nat. I. 28, III. 26).

Отметим также отпрыска Ареса, которому не нашлось аналога среди спутников Марса. Это Эниалий, некогда самостоятельное божество микенской эпохи (Hom. II. XIII. 519, XXII. 132), чей статус был понижен до эпитета, означающего «Воинственный» (Joseph. A.J. I. 119; Paus. V. 18. 5). Тем не менее сабиняне и латины, как кажется, отождествляли его с Квирином (Dionys. Hall. Ant. Rom. II. 48. 2; Plut. Rom. 29). Энио, Эниалий, Арес, Афина Воительница и другие боги выступают как свидетели в клятве афинских эфебов (Lucurg. Leocrat. 77). Четвертый договор с Карфагеном римляне утвердили клятвой во имя Марса и Эниалия (Polyb. III. 25. 7).

Наконец, Летус, или Морс, как олицетворение смерти нередко оказывается в компании Марса. У Стация в «Фиваиде» она с ликом кровавым при оружьи сидит, завершая перечень сонма неистовств: Порыв, Ужас, Гнев, Страх, Засады, Раздор, Угрозы, Доблесть, Исступленье (Stat. Theb. VII. 47-53). Кроме того, есть ещё Стенания, Ярость и Бегство (X. 556-559). Наконец, связаны с Марсом Пик, бог полей и лесов (Arn. Adv. nat. V. 1, 2), и Робиго, предотвращавшая болезни злаковых растений (Tert. De spect. 5).

Конечно, пользовались популярностью и ритуальной поддержкой те спутники Марса, которые могли вдохновить на подвиги и не отвращали своей условно деструктивной энергией (Arn. Adv. nat. IV. 1). Таковыми были Виртус и Хонос. Храм Чести появился вблизи холма Целий в 233 г. до н. э. после победы над лигурами (Cic. Nat. deor. II. 61). В 208 г. он был отреставрирован и дополнен святилищем Доблести (Liv. XXV. 40. 3, XXIX. 11. 13; Plut. Marc. 28). Отдельный храм Виртус был построен на Капитолии в 101 г. до н. э., когда подверглись разгрому кимвры и тевтоны. Оба бога могли изображаться как в виде юношей, так и женщин. В рамках их почитания устраивались игры (Inscr. It. XIII. 2, 42: ludi Honor et Virtus).

Кроме того, Фест упоминает Геру Мартею, которая почиталась в глубокой древности при получении наследства. Она была ещё одной сопровождающей Марса с неясными функциями (Ennius. Ann. 111 Warmington; Fest. 89 s.v. Herem Marteam). Л. Преллер считал её богиней любви, похожей на Венеру, проводя сопоставление с Heries Iunonis и Hersilia [22, S. 304]. Гера Юноны этимологически может быть связана с глаголом hortor (побуждать, склонять). Сабинянка Герсилия была женой Ромула, а позднее отождествлялась с Нора Квирина (Ovid. Meth. XIV. 829-851).

Как могло проявляться благочестие в отношении спутников Марса? Например, Арга и Опис, женщины, прибывшие из страны гипербореев на Делос вместе с Аполлоном и Артемидой, упоминались в гимне, им собирались священные дары, на их могилах рассыпался пепел от бёдер жертвенных животных. Однако они не достигли уровня божеств (Hdt. IV. 35). Стало быть, почитание окружения Марса могло быть меньшим, если не большим, т. е. сопровождаться сооружением храмов и даже формированием отдель-

ных жреческих коллегий. В отношении Мол это маловероятно. Они оставались под сенью aedes Martis и его слугителей, фламинов.

В Риме о Молах вспоминали в связи дедикацией храма Марса Ультора, которая состоялась во 2 г. до н. э. Нас не должен смущать откровенно милитаризированный посыл этой культовой постройки, заключающийся в напоминании о мести убийцам Гая Юлия Цезаря и гордости по поводу возвращения штандартов Марка Лициния Красса (RGDA. XXI. 1-2, XXII. 2, XXIX. 2; Suet. Aug. 29. 2; Dio Cass. LIV. 8. 3, LV. 10. 1-9). Храм в первую очередь подчеркивал благочестие заказчика, Октавиана Августа. Принцепс старался следовать традициям, возрождать старые религиозные церемонии, возвращать из забвения богов.

Если предположить, что все спутники Марса имели строго определенную функцию или, по крайней мере, разделялись по сфере деятельности, то Молы, скорее, относились к той группе, которая не нападает, а защищает. Они стали частью свиты Марса в архаический период, когда он ещё не слился с Аресом, и поэтому деятельность богинь Мол наверняка лежала в относительно мирном русле. Их суппликация приходилась на 12 мая (CIL. X. 8375, 16 = ILS. 108). Основные священнодействия в честь Марса справляли в марте и октябре, т. е. в конце и начале сезона военных действий. В мае чествовали Флору, Благоую Богиню, Диану [23, P. 116–123, 261–262, 270]. Указанные богини так или иначе отвечали за плодородие, а во время Лемурий, которые по календарю пересекались со сроком Supplicatio Molibus Martis, следовало умиловить духов мертвых. В адрес Мол могла произноситься obsecratio, молитва о помиловании и отвращении бедствия.

Мирная деятельность не исключает военные функции. Например, фригийский бог Мен, так подробно описанный той же Е. С. Голубцовой, был не только сельскохозяйственным божеством, но и воителем, защитником общинников от различных опасностей. Это отображалось в его атрибутах [4, с. 33]. Подобный двойной подход мог быть характерен для одной отдельно взятой деревни (комы).

Подчинённое положение «малых богов» нередко ограничивалось определенным временным промежутком. Наверняка существовали полноценные divi, выросшие из эпиклез. Вполне возможно, что некоторые имена, прозвища, в том числе и загадочные Молы, связанные с классическим римским пантеоном, скрывают следы обратного процесса, сакральной деградации. Они, вероятно, должны напоминать о существовании архаичных божеств, потерявших когда-то свою самостоятельность и вошедших в орбиту влияния капитолийских небожителей. Дальнейший тщательный анализ указанных процессов может прояснить место и роль многих условно «второстепенных» нуменов, которым поклонялись обитатели Апеннинского полуострова.

Ссылки

1. Boissier G. La religion romaine, d'Auguste aux Antonins. Paris: Hachette, 1874. Т. 1. 451 p.

2. Scheid J. *La religion des Romains*. 4-e éd. Paris: Armand Colin, 2019. 224 p.
 3. Белоусов А. В. *Греческая и римская религия новозаветной эпохи: учебно-методическое пособие к курсу «Религиозное окружение раннего христианства»*. М.: Изд-во МГУ, 2019. 152 с.
 4. Голубцова Е. С. *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв.* М.: Наука, 1977. 238 с.
 5. Голубцова Е. С. *Община, племя, народность в античную эпоху*. М.: Наука, 1998. 253 с.
 6. Токарев С. А. *Религия в истории народов мира*. 4-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 576 с.
 7. Mommsen Th. *Das Augustische Festverzeichnis von Cumae* // *Hermes*. 1882. Bd. 17. H. 4. S. 631–643.
 8. Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1902. 534 S.
 9. Axtell H. L. *The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1907. 98 p.
 10. Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1960. 444 S.
 11. Dumézil G. *La religion romaine archaïque, suivi d'un appendice sur la religion des Étrusques*. 2-e édition corrigée. Paris: Payot, 1974. 700 p.
 12. *The Attic Nights of Aulus Gellius / With an english transl. by J. C. Rolfe*. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons, 1927. Vol. 2. 532 p.
 13. Маяк И. Л. *Римские боги в сочинении Авла Геллия* // *Вестник древней истории*. 1988. № 1. С. 263–272.
 14. Авл Геллий. *Аттические ночи*. Книги XI–XX / пер. А. Г. Грушевой, О. Ю. Бойцова, А. Я. Тыжов; под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. СПб.: Гуманитарная академия, 2008. 448 с.
 15. Basanoff V. *Le conflit «Pater» et «Eques» chez Tite Live (esquisse d'une recherche)* // *École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire 1947–1948*. 1946. P. 3–23.
 16. Marcattili F. *Moles Martis, il turpe sepulcrum di Tarpea e la Luna dell'Arx* // *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 2011. CXII. P. 7–30.
 17. Torelli M. *Lavinio e Roma: riti iniziatici e matrimonio tra archeologia e storia*. Roma: Quasar, 1984. 264 p.
 18. Mielentz F. *Moles* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVI. Hb. 31 / W. Kroll, K. Witte (Hg.). Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 1933. Sp. 2.
 19. Немировский А. И. *Идеология и культура раннего Рима*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 209 с.
 20. Штаерман Е. М. *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.: Наука, 1987. 320 с.
 21. Сапрыкин С. Ю. *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
 22. Preller L. *Römische Mythologie*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung (K. Reimer), 1858. 820 S.
 23. Scullard H. H. *Festivals and ceremonies of the Roman Republic*. London: Thames and Hudson, 1981. 288 p.
-

The ruler cult in the Ptolemaic army: the thiasos βασιλισται̃ (III–I BC)

I. Yu. Vorobyov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-178-189

Research article
Full text in Russian

The article deals with the thiasos of the basilistai (βασιλισται̃), a cult community that revered the Ptolemaic dynasty. According to the unanimous opinion of researchers, the main role in this association was played by the soldiers and officers of the Ptolemaic army. The paucity and fragmentary preservation of sources determine the main difficulties for a comprehensive study of this religious organization. The author of the article, having summarized the source material, including new epigraphic finds from Lycian Limira, makes an attempt to determine the characteristic features of the community of the basilistai, expresses his point of view on the problem of the chronological framework of the existence of thiasos, and also suggests what could serve as a prototype - an organization that influenced the formation of a religious associations.

Keywords: cult; army; epigraphy; basilistai; Ptolemies; Hellenism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vorobyov, Ivan Yu. | E-mail: prozaivana@mail.ru
| Postgraduate

Культ правителя в птолемеевской армии: фиас βασιλισταί (III–I вв. до н. э.)

И. Ю. Воробьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-178-189
УДК 94(38).08

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается фиа́с базилистов (βασιλισταί) – культовое общество, почитавшее династию Птолемеев. По единодушному мнению исследователей, главную роль в этой ассоциации играли воины и офицеры птолемеевской армии. Немногочисленность и фрагментарная сохранность источников определяют основные трудности для комплексного изучения этой религиозной организации. Автор статьи, обобщив источниковый материал, включив новые эпиграфические находки из ликийской Лимиры, предпринимает попытку определить характерные черты сообщества базилистов, высказывает свою точку зрения на проблему хронологических рамок существования фиа́са, а также предполагает, что могло послужить прообразом – организацией, оказавшей влияние на формирование религиозной ассоциации.

Ключевые слова: культ; армия; эпиграфика; базилисты; Птолеми; эллинизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьев, Иван Юрьевич | E-mail: prozaivana@mail.ru
Аспирант

В эллинистический период культ правителя существовал в рамках не только полисных институтов, но и частных религиозных ассоциаций, специализировавшихся на почитании царских династий или отдельных ее представителей: исследователям известны сообщества в честь Филетера (OGIS 311), Митридата VI Евпатора (OGIS 367), атталистов, почитавших Атталидов (SIG 3071, OGIS 325, OGIS 326), базилистов, поклонявшихся Птолемеем. Эти объединения были аналогичны сообществам, посвященным традиционным (афродисиасты, дионисиасты, посейдониасты и др.) и «новым» для своей эпохи богам (сарапиасты, исиасты, анубиасты и др.) и обозначались в источниках рядом синонимичных понятий: синод (ἡ σύνοδος), фиа́с (ὁ θίασος) и койнон (τό κοινόν). Изначально такие коллективы объединяло почитание богов негосударственных культов, например Диониса [1, с. 201–202].

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Данная статья посвящена фиасу базилистов (βασιλισταί), в функционировании которого главную роль играли воины и офицеры птолемеевской армии. Античная литература не содержит свидетельств об этом религиозном сообществе (как и о прочих религиозных объединениях в честь эллинистического правителя), а немногочисленные эпиграфические памятники и папирусы определили тенденцию в зарубежной и отечественной историографии: преимущественно краткое упоминание о существовании коллегии базилистов [2, р. 129; 3, р. 137; 4, р. 120; 5, р. 34], наряду с атталистами и евпатористами [6, р. 279; 7, р. 279; 8, р. 263; 9, с. 108; 10, с. 327]. Однако в отдельных случаях базилистам уделяется больше внимания, например, при изучении роли гимнасия в деятельности частных ассоциаций в Египте [11, р. 51–52], религиозной жизни на Кипре [12, р. 151–154] и птолемеевской армии [13, р. 280–290].

Немногочисленная источниковая база медленно, но пополняется: в 2015 [14] и 2021 гг. [15] эпиграфист М. Вёррле опубликовал два фрагмента стелы из ликийской Лимиры. Тем не менее ряд исследовательских проблем при изучении фиаса базилистов по-прежнему нуждается в решении: хронологические рамки существования, обстоятельства возникновения и исчезновения сообщества, границы его географического распространения, вероятное влияние царской власти на функционирование ассоциации, взаимодействие базилистов с прочими культовыми объединениями и т. п. Окончательно разрешить перечисленные вопросы на данный момент не представляется возможным, но, рассмотрев все источники, упоминающие базилистов, мы попытаемся дать общую характеристику фиасу, отметив особенности культового сообщества, а также обозначим возможное время его возникновения.

Самое раннее упоминание базилистов зафиксировано в надписи, найденной на территории святилища египетских богов на о. Фера. Текст гласит, что Диокл и базилисты посвятили Сарапису, Исиде, Анубису сокровищницу (IG XII. 3 443. сткк. 1–2: Διοκλῆς καὶ οἱ Βασι[λ]ισταὶ τὸν θησαυρὸν Σαράπι Ἴσι Ἄνουβι). Диокл считается офицером гарнизона и главой ферских базилистов [16, р. 108], а упоминание Сараписа, Исиды, Анубиса свидетельствует о влиянии египетских культов и их связи с почитанием Птолемеев [17]. Большинство исследователей датируют надпись первой половиной III в. (здесь и далее до н. э.) [14, S. 297; 16, р. 108; 18, р. 88–89], но важно помнить, что первое упоминание гарнизона на острове (IG XII. 3 320) относится к прилб. 265 г. [19, р. 14], что оправданно считать датой начала деятельности фиаса на Фере при Птолемею II Филадельфе (282–246 гг.), но не временем возникновения базилистов как таковых. Самое раннее посвящение (246–243 гг. [20, S. 75]) царю от базилистов из неизвестного района Египта адресовано Птолемею III (246–221 гг.), Беренике II и богам Диоскурам (I.Varsovie 44. сткк. 1–3: [β]ασ[ι]λ εἰ [Π]τολεμαίωι καὶ βασιλίσσηι Βερενίκηι καὶ Διοσκούροις). Инициаторами выступили синбазилисты и диоскуриасты (Ibid. сткк. 6–7: οἱ Σ[υ]νβασιλισταὶ καὶ Διοσκουριασταὶ), объединенные в одну организацию с одним жрецом «под по-

кровительство Диоскуров» [21, p. 126]. Дедиканты отдают доходы от аренды помещений (Ibid. стк. 5: ἀλό τῶν οἰκημάτων) на ежемесячные жертвы (Ibid. сткк. 3–4: τὰς θυσίας τὰς κατὰ μῆνα γινομένης) царской чете и богам.

Последним обнаруженным источником о базилистах являются фрагменты стелы, найденные в ликийской Лимире в 2011 г. (фрагмент В) и 2019 г. (фрагмент А). Плохая сохранность части В во многом осложняла анализ и датировку стелы: так в статье 2015 г. М. Вёррле датировал надпись приблизительно (втор. пол. III в. – 197 г.), отметив лишь вероятный внешнеполитический контекст – IV Сирийскую войну (219–217 гг.) [14, P. 300] Однако находка и публикации части А в 2021 г. скорректировала и дополнила выводы о базилистах. Текст стелы датируется 199 г. при Птолемею V (204–180 гг.) и фиксирует частноправовой договор: командир акрополя Менилл передает в дар фиасу базилистов (τῷ θιάσῳ τῶν βασιλιστῶν) виноградники и необходимый инвентарь на следующих условиях: на доходы с виноградников базилисты должны приносить жертву царю Птолемею на алтаре, устраивать шествие (θυσιάσουσιν βασι[λ]εῖ Πτολεμαίῳ ἄγοντες πομπὴν καὶ θῦμα ἱερεῖον ὑκὸ[ν] ἐπὶ τοῦ ἀποδεδειγμένου βωμοῦ) и совершать жертвоприношение на могиле Менилла ежегодно на празднике в честь Геракла [15, p. 213]. Последнее свидетельствует о том, что обряды на могиле должны были иметь тесную связь с гарнизонным гимнасием [15, p. 241]. Таковую связь гимнасия и сообщества базилистов в Египте ранее предполагал и М. К. Д. Паганини [11, p. 51].

Упоминается руководящая должность в фиасе: брабевт ([β]ραβευτής) [15, P. 213], ответственный за уход за гробницей Менилла. Поручая базилистам заботу о своей могиле, командир крепости прочно связывал свою фигуру с отправлением культа царя [15, p. 230]. В договоре указывается, что во время военных действий базилисты могут не приносить жертвы, но после войны они обязуются это сделать ([οἱ] ἐ[πι] στρατία ἀπόντε[ς ἀς]ήμιοι ἔστωσαν, λυθ[έ]ντος δὲ τοῦ πολέμου συντελε[ί]τωσα[ν] τὰς θυσίας) [15, p. 215]. М. Вёррле пишет о найденном в Лимире посвящении Сарапису от фиаса сарапиастов (Σαράπι νας. Χοιρίνος καὶ ὁ θιάσος τῶν Σαραπιαστῶν) и предполагает, что базилисты и почитатели Сараписа были так же взаимосвязаны, как и в вышерассмотренной надписи с о. Фера. В Хойрине, руководителе сообщества, он усматривает иностранного наемника [15, p. 242–243]. Тем не менее почитание египетских богов в рамках фиасов само по себе могло содержать и почитание царей [23, p. 265] без непосредственного участия базилистов.

Следующее упоминание базилистов (143–142 гг.) мы находим в посвящении с о. Сетис в Верхнем Египте. Герод, архисоматофилак и стратег, и базилисты, «собирающиеся в храме Диониса», (OGIS 130. сткк. 5–6: οἱ συνάγοντες ἐν Σήτει τῇ τοῦ Διονύσου νήσῳ βασιλισταὶ) за Птолемея VIII (145–116 гг.) и его жену, «богов Эвергетов» и их детей (Ibid. сткк. 1–3: ὑπὲρ βασιλέως Πτολεμαίου καὶ βασιλίσσης Κλεοπάτρας τῆς ἀδελφῆς, θεῶν Εὐεργετῶν, καὶ τῶν τέκνων) посвятили ряду божеств средства на жертвоприношения и возлияния, проводимые в синоде ежемесячно в определенные дни (Ibid. сткк. 12–15: πρὸς τὰς θυσίας καὶ σπονδὰς τὰς ἐσομένας ἐν τῇ συνόδῳ... τοῦ μηνὸς ἐκάστου... εἰσηνεγμένα χρήματα).

Упоминаются должности, существовавшие в синоде: простат (возможно, занимавший и должность космета [11, р. 51]) и жрец, по которым велось летоисчисление на о. Сетис (Ibid. сткк. 15–17: ἐπὶ Παλίου τοῦ Ἀμμωνίου προστάτου καὶ Διονυσίου τοῦ Απολλωνίου ἱερέως τῆς συνόδου). Греко-египетские имена божеств (Ibid. сткк. 7–10) и членов синода (Ibid, сткк. 18–44) явственно свидетельствуют о непосредственном участии египтян в деятельности сообщества базилистов [4, р. 120; 24, с. 189–190].

Демотический текст папируса, посвященный учету вина в Эдфу в 132/131 г., фиксирует в списке религиозных сообществ вероятный перевод наименования фиаса базилистов на древнеегипетский язык, которое М. Шентулейт читает как $\text{ḫ}^{\text{3}} \text{swn.t Pr}^{-\text{3}} (?) \text{n}^{\text{3}} \text{rmt.w ḫ}^{\text{3}}$ [...], принадлежность сообщества царю она лишь предполагает: «Kultgenossenschaft des Pharaos(?) die Männer...» [25, р. 22]. В свою очередь, Э. Монсон дополняет строку следующим образом: $\text{ḫ}^{\text{3}} \text{swn.t pr}^{-\text{3}} \text{n}^{\text{3}} \text{rmt.w ḫt}$ и переводит ее как «the royal association of cavalrymen» [26, р. 48]. При верности такого восстановления мы фиксируем единственное на данный момент упоминание кавалерии (вероятные $\text{k}^{\text{3}}\text{t}^{\text{3}}\text{w}^{\text{3}}$) среди базилистов (по всей видимости, состав фиаса целиком соответствовал кавалерийской части). В ныне утерянной надписи (SB I 1106), датированной при бл. II–I вв. [27, р. 42], из нижнеегипетского Себеннита военные чествуют офицера и жреца царского культа. А. Г. Сейс работал с текстом плохой сохранности и прочел одну из должностей чествуемого как архибулефт (Ibid. стк. 2). Э. Вант Даг пересматривает такое чтение: вместо ἀρχιβουλευτήν он восстанавливает ἀρχιβασιλιστήν [28, р. 432]. Данное прочтение не было безоговорочно принято в научной среде, но оно до сих пор остается в сфере внимания исследователей [29, р. 197; 30, р. 147]. Возможную аналогию коллегиальной должности архибасилиста можно усмотреть в должности архифиасита (ἀρχιφιασίτης), являвшейся руководящей и эпонимной должностью у беритских посеидониастов [31, с. 18].

Более определенно о должностях внутри сообщества свидетельствует судебное решение на папирусе 119 г. из Фив: в начальном списке имен фигурирует Сесоосис, «сотник усердных(?) филобасилистов» (UPZ II 161. стк. 4: Σεσοόσιος ρ' φιλοβασιλιστῶν προθύμων), вероятно совмещающий одноименные должности в армии и в фиасе, подобно тому как это было в I в. в ассоциации, состоящей из аполлонийцев гарнизона Гермополя и «ктистов», где фигурируют начальники сотни и пятидесяти воинов (Hermopolis Magna 5. сткк. 105, 108–111). Филобасилисты упоминаются и в адресовании личного письма 103 г. из Пафириса, направленного Патету и Пахрату (HGV SB 20. 14728. verso, сткк. 1–2: Πατήτι καὶ Π[αχράτι] φιλοβασιλισταῖς). И хотя филобасилистами названы только двое, можно предполагать, что упоминаемые в письме остальные воины (Ibid. recto, сткк. 3–4, verso, стк. 2: ἄλλοις στρατιώταις) также входят в сообщество. Адресант говорит о назначении простата бога Нехтфаравта (Ibid. recto, сткк. 9–10), обожествленного птолемеевского военачальника [32, р. 17], почитатели которого, вероятно, осуществляли совместную деятельность с филобасилистами [13, р. 287].

Исследователи отмечают активность базилистов во II в., в ходе династических конфликтов Птолемеев [13, р. 287], и увеличение роли египтян в фиасе [33, р. 228–229]. К. Вандроп видит в филобазилистах ассоциацию, состоящую прежде всего из местных египтян, которых царская администрация повышала в социальном статусе (приписывая их к категориям «персов» и «македонян») для обеспечения лояльности и усиления контроля над Верхним Египтом [34, р. 134]. О существовании базилистов на Кипре свидетельствуют две плохо сохранившиеся надписи. От одной (из святилища Афродиты в Старом Пафосе) сохранилось целиком только одно слово (ABS A 56 [1961] 39, 105. стк. 2: Βασιλιστῶν), а потому не представляется возможным как-либо судить о ее содержании. Приблизительная датировка (105–88 гг.) [35, р. 39] дает основание утверждать, что базилисты существовали и в течение I в. Вторая надпись (из Лапетоса) с широким диапазоном датировки (III–I вв.) не информативна: упоминаются базилисты, но не ясен контекст (Peristianes, Gen. Hist. 945,34. стк. 9: Βασιλισταῖς). Вероятно, говорится об обеспечении маслом (Ibid. стк. 8) гимнасия для агонов или тренировок, тем самым подтверждается тесная связь фиаса с гимнасием, о которой речь шла ранее.

Рассмотрев все имеющиеся на данный момент источники, мы можем отметить, что лишь один из них – лимирская стела подробно сообщает о деятельности ликийских базилистов. Однако акцент сделан не на культе царя, а на учреждении посмертного почитания командира гарнизона, занимающего руководящую должность в фиасе. Потому многие вопросы, в частности об особенностях организации ассоциации, остаются открытыми: источники не содержат информации о необычных должностях или об уникальном устройстве. Тем не менее следует предполагать существование региональных отличий – их возможные следы можно заметить в различном обозначении сообщества и самих должностей внутри фиаса. Очевидно, что один человек мог совмещать сразу несколько должностей в рамках религиозного объединения [11, р. 52–53]. О степени распространения базилистов наглядно свидетельствует широкая география источников: Египет, Малая Азия, о. Кипр, Эгеида. Отсутствие источников из левантийских владений Птолемеев (Финикия, Палестина, Келесирия) и из Киренаики тем не менее не дает оснований утверждать о существовании причин, которые препятствовали бы отправлению культа царя птолемеевскими гарнизонами в рамках фиасов.

Как нам кажется, важнейшим вопросом является время и обстоятельства появления и исчезновения базилистов. Если существование базилистов в гарнизонах за пределами Египта ограничивается очевидным пределом прямого контроля династии над регионом/полисом (потому удивительно, что имеется обстоятельная надпись 199 г. из Лимиры – всего лишь за два года до установления селевкидского контроля над полисом и, соответственно, окончания деятельности фиаса), то начало и конец деятельности сообщества в метрополии представляет наибольший интерес. Сравнительно про-

стым в нем является определение верхней границей деятельности фиаса, чье существование было в прямой зависимости от института армии (в организационном плане) и монархии, чьи представители были объектами культового почитания. Этой границей может быть втор. пол. I в., а точнее – после 30 г., когда птолемеевская армия перестает существовать, но ее воины и офицеры все еще остаются как «социально-этническая реальность» [36, р. 214]. Объединения уже бывших военных, осуществлявшие культовые практики, продолжают функционировать, как минимум, десятилетие [37, р. 54] после окончательного подчинения Египта Римскому государству.

О нижней границе рассуждать сложнее, так как безоговорочно соотнести возникновение религиозной ассоциации с деятельностью определенного царя проблематично. В частности, соглашаясь с датировкой ферского посвящения (перв. пол. III в.) – самого раннего источника, упоминающего фиас, мы будем рассматривать данный период как наиболее вероятный для появления базилистов. Это время правления Птолемея I Сотера (305/4–282 г.) и его сына Птолемея II. Фигура Птолемея I как правителя, при котором возникли базилисты, по нашему мнению, менее предпочтительна по нескольким причинам. В его идеологической политике был сделан упор на фигуру Александра Великого (336–323 г.), которому Птолемей приходился в пропагандистском нарративе истинным преемником и кровным родственником [38, с. 161–162]. Он обладал собственным культовым почитанием, которое было как полисного, так и частного характера (Diod. XX.100.3–4; OGIS 43; IG XII. 7 506; SEG XX 389), но выглядело менее ярко по сравнению с прижизненными куклами его преемников (по У. М. Эллису Птолемей I не был заинтересован в нем и даже «сопротивлялся» такой тенденции [39, р. 55]). Вероятное (по мнению А. Ханиотиса [40, р. 148]), прижизненное почитание Птолемея I в армии, зафиксированное в частных посвящениях (OGIS 17, OGIS 18), не дает оснований уверенно предполагать существование базилистов в птолемеевской армии. Предпочтительнее считать, что *βασιλισται* появились именно в период правления Птолемея II: мы, бесспорно (т. к. указан статус дедикантов), фиксируем примерно во втор. пол. 270-х гг. культовые почести правителю от военно-политической элиты – флотоводца Калликрата в столичном регионе (SB I 429) и от офицера и воинов гарнизона в Верхнем Египте (SB I 1104).

Второй важный момент имеет прямое отношение ко времени появления фиаса – прообраза, чей организационный опыт был заимствован базилистами. Такая религиозная ассоциация имела прямое отношение не только к культу значимого и популярного божества, но и к идеологической политике Птолемея, без которой появление базилистов не имело бы смысла. Таким институтом могли быть техниты Диониса – крупная и широко известная эллинистическому миру структура, занимавшаяся организацией почитания Диониса в эпоху эллинизма, что косвенно можно подтвердить и примерами других культовых сообществ, сложившихся позднее базилистов и, безусловно, перенявших их опыт. Так, о коллегии атталистов сравнительно много известно:

время появления [9, с. 107], имя учредителя, а также организационная основа – артисты, члены организации технитов Диониса [10, с. 323–324]. Единственная надпись, упоминающая евпатористов (OGIS 367. сткк. 1–3: βασιλεὺς Μιθραδάτης Εὐπάτωρ τοῖς ἀπὸ τοῦ γυμνασίου Εὐπаторισταῖς), имеет над строкой с именем Митридата VI три буквы ΜΝΔ, расшифровываемые как μ(έγας) ν(έος) Δ(ιόνυσος) [41, р. 576], значимую эпиклесу «Дионис» Митридат принял ок. 102–101 гг. [7, с. 95].

Кажется логичным предполагать связь базилистов с организацией, почитавшей Диониса. Данное божество имело важное значение в идеологии Птолемеев, которые последовательно связывали свою династию с этим персонажем. Хотя иконографическая связь Александра, Птолемея I и Диониса видна на монетных выпусках сатрапа, а потом и царя Птолемея I [42, р. 105–106], наиболее отчетливо отождествление Птолемеев с Дионисом фиксируется именно с 270-х гг. при Птолемее II (Athen. 196. fr. 30c, 205. e-f; Theocr. Idyl. XVII. 112–113). Династия вела происхождение от этого божества (OGIS 54. сткк. 4–5) и порой прямо ассоциировала себя с ним (Clem. Protr. IV.54.37; SB IV 7455; Luc. Cal. 16). При Птолемее II техниты Диониса и «богов Адельфов» (OGIS 50. стк. 2; OGIS 51. стк. 2) активно действовали в Птолемаиде Фиваидской, осуществляя и чествование военных, занимающих и магистратскую должность (OGIS 51. сткк. 2–3).

Однако акцент на фигуре Диониса можно видеть лишь в одной уже указанной ранее надписи, где упоминаются базилисты (OGIS 130. сткк. 5–6). Хотя и существует мнение, что именно пассивность Птолемея II как военачальника продуцировала популярность в царской пропаганде «наименее воинственного» из греческих богов [43, р. 107], было бы чрезмерно категоричным отрицать возможную связь армейского почитания царя и его дионисийского образа. Птолемею IV Филопатору (222–205 гг.), последовательному почитателю Диониса [44, р. 149–156], это не помешало непосредственно участвовать в битве при Рафии в 217 г. (Polyb. V.85.8), а самому Дионису быть божеством, которому могли молиться воины (SEG XXXIX 1334; VIII 714) и чей образ мог иметь военные коннотации, например поход в Индию, которому подражал Александр (Arr. An. V.2.1).

У. Вилькен предполагал более позднее время появления фиаса базилистов и связывал его с деятельностью Птолемея III в идеологической сфере, а именно – с созданием декретов [22, S. 158–159]. Однако в текстах Александрийского (243 г.), Канопского (238 г.) декретов нет упоминания о базилистах (OGIS 56 I, [20, S. 69]). На фоне социально-экономического кризиса в царстве деятельность в 240–230-х гг. греческих синодов стоит расценивать как ответ Птолемеев египтянам на отказ в сакральной легитимности династии [45, с. 212–213]. Такой вопрос в армейских институтах не мог стоять в принципе (где доля египтян была незначительной на тот момент). Однако начало вовлечения египтян в деятельность базилистов, которое отчетливо фиксируется во II в, могло быть именно после синодов Птолемея III, направленных на сплочение всех подданных через династический культ [46, с. 231, 234].

Общеизвестна военная коннотация образа почитаемой Арсиной II Филадельфы в птолемеевском флоте как морской покровительницы – именно этот аспект обожествленной царицы пропагандировался в годы царствования Птолемея II [47, с. 80–81]. Можно ли соотнести почитание Арсиной военными моряками и деятельность базилистов? Предполагать, что в состав базилистов входили моряки, можно, но проблематично: базилисты отчетливо предстают в источниках воинами гарнизонов, а не моряками (*ναῦται*) или морской пехотой (*ἐπιβάται*). Участие военных моряков в отправлении культа Арсиной видится в деятельности прочих фиасов, например исиастов или афродисиастов, которые почитали богинь, отождествляемых с Арсиной. Косвенно это подтверждают родосские афродисиасты и аполлониасты (IRhodM 18. сткк. 23, 26) в І в., являвшиеся военными моряками [48, с. 112–113], также мы ранее отмечали вероятное участие военных-сарапиастов в культе птолемеевского царя.

Деятельность базилистов в птолемеевских владениях (как в центральном, так и в периферийных районах государства) полностью соответствовала насущной потребности царской администрации, а именно интеграции гарнизонов (иностранного элемента для полисного мышления греков и ощутимого бремени для египтян [49, с. 224–225]) в социально-культурное пространство гражданских общин, чему способствовало отправление культа царя базилистами совместно с местными религиозными сообществами, в ходе которого участники открыто проявляли лояльность династии. Но главной функцией культа царя в рамках фиаса определено являлось укрепление авторитета Птолемея в собственной армии через универсальную установку, необходимую монархии: офицеры и воины почитали царя, своего высшего начальника и непосредственного работодателя. Сообщество базилистов в глобальном плане соответствовало армейской организационной структуре: воины – рядовые фиасоты, подчиненные армейским офицерам, обладавшим должностями в фиасе, и царь – центральная культовая фигура (ведь возглавляли фиасы сами боги [50, с. 35]).

Ссылки

1. Фролов Э. Д. Религиозные союзы // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 201–216.
2. Bagnall R. The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden: Brill, 1976. 286 p.
3. Caneva S. G. Ritual Intercession in the Ptolemaic Kingdom: A Survey of Grammar, Semantics and Agency // *Erga-Logoi*. 2016. Vol. 4, № 2. P. 117–154.
4. Walbank F. W. The Hellenistic World. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 288 p.
5. Grabowski T. The Cult of the Ptolemies in the Aegean in the 3rd Century BC // *Electrum*. 2014. Vol. 21. P. 21–41.
6. Tarn W. W. Hellenistic Civilisation. London: Edward Arnold & Co., 1927. 312 p.

7. Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва;Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
 8. Le Guen B. *Kraton, Son of Zotichos: Artists' Associations and Monarchic Power in the Hellenistic Period* // *The Greek Theatre and Festivals: Documentary Studies* / ed. P. Wilson. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 246–278.
 9. Климов О. Ю. Коллегия атталистов в Пергаме // *Вестник древней истории*. 1986. № 4. С. 102–109.
 10. Климов О. Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 400 с.
 11. Paganini M. C. D. The gymnasium as 'lieu de sociabilité' in Ptolemaic Egypt: the role of private associations // *Topoi*. 2015. Vol. 20, Iss. 1. P. 47–58.
 12. Papantoniou G. Religion and Social Transformations in Cyprus From the Cypriot Basileis to the Hellenistic Strategos / *Mnemosyne Supplement 347*, Leiden–Boston: Brill, 2012. 604 p.
 13. Fischer-Bovet C. *Army and Society in Ptolemaic Egypt (Armies of the Ancient World)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 447 p.
 14. Wörrle M. Die ptolemäische Garnison auf der Burg von Limyra im Licht einer neuen Inschrift // *Turm und Tor: Siedlungsstrukturen in Lykien und benachbarten Kulturlandschaften: Akten des Gedenkkolloquiums für Thomas Marksteiner in Wien, November 2012* / eds. B. Brandt, S. Ladstätter, B. Yener-Marksteiner. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2015. S. 291–303.
 15. Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens XIII: Die Weinbergstiftung eines ptolemäischen Burgkommandanten von Limyra // *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2021. Bd. 51. S. 211–256.
 16. Chaniotis A. Foreign Soldiers – Native Girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons // *Army and Power in the Ancient World* / eds. A. Chaniotis, P. Ducrey. Stuttgart: Steiner, 2002. P. 99–113.
 17. Fassa E. Sarapis, Isis, and the Ptolemies in Private Dedications: The Hyperstyle and the Double Dedications // *Kernos*. 2015. № 28. P. 133–153. URL: <https://journals.openedition.org/kernos/2333#ftn23>
 18. *Sylloge inscriptionum religionis Isiacaе et Sarapiacaе* // *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten* / Ed. L. Vidman. Berlin: Verlag Walter de Gruyter & Co, 1969. Vol. 28. 373 p.
 19. Cherry J. F., Davis J. L. The Ptolemaic Base at Koressos on Keos // *The Annual of the British School at Athens*. London: British School at Athens, 1991. Vol. 86. P. 9–28.
 20. Pfeiffer S. *Griechische und lateinische Inschriften zum Ptolemäerreich und zur römischen Provinz Aegyptus*. Berlin–Münster: LIT Verlag, 2015. 376 S.
 21. Łajtar A., Twardecki A. *Catalogue des inscriptions grecques du Musée National de Varsovie* / *The Journal of Juristic Papyrology*. Suppl. 2. Warsaw: Fundacja im. Rafała Taubenschlaga, 2003. 400 p.
 22. Wilcken U. *Archiv für Papyrusforschung und Verwandte Gebiete*. Leipzig: Teubner, 1909. Bd. 5. 452 S.
 23. Fraser P. M. *Ptolemaic Alexandria*. Oxford: The Clarendon Press, 1972. Vol. I. 812 p.
-

-
24. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 386 с.
25. Schentuleit M. Aus der Buchhaltung des Weinmagazins im Edfu-Tempel: Der demotische P. Carlsberg 409. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2006. Bd. 1. 560 S.
26. Monson A. Political and Sacred Animals: Religious Associations in Greco-Roman Egypt // Private Associations and Jewish Communities in the Hellenistic and Roman Cities. Supplements to the Journal for the Study of Judaism. Leiden; Boston: Brill, 2019. Vol. 191. P. 37–57.
27. Ghisellini E. Ritratti privati greci nell'Egitto tolemaico / Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Suppl. 11. Florence: All'Insegna del Giglio, 2022. 244 p.
28. Supplementum Epigraphicum Graecum / Vol. XXXIV. 1984. Leiden: Brill, 1987. 553 p.
29. Kloppenborg J. S. Greco-Roman Associations: Texts, translations and commentary / Volume III: Ptolemaic and Early Roman Egypt. Berlin–Boston, De Gruyter, 2020. 740 p.
30. Fischer-Bovet C. Soldiers in the Epigraphy of Ptolemaic Egypt // The Epigraphy of Ptolemaic Egypt / Eds. A. Bowman, C. Crowther. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 127–158.
31. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.) / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1977. 310 с.
32. Kallimani V. Religious Associations in Ptolemaic Egypt: The Evidence in the Greek Language / Diss. PhD. Athens-Wittenberg: National and Kapodistrian University of Athens; Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 2021. 145 p.
33. Lumbroso G. Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides. Turin: Imprimerie Royale, 1870. 374 p.
34. Vandorpe K. The Ptolemaic Army in Upper Egypt (2nd-1st centuries B.C.) // L'armée en Égypte aux époques perse, ptolémaïque et romaine. Genève: Droz, 2014. P. 105–135.
35. Mitford T. B. The Hellenistic Inscriptions of Old Paphos // The Annual of the British School at Athens. London: British School at Athens. 1961. Vol. 56. P. 1–41.
36. Łajtar A. Ptolemaic Soldiers under the Romans: A Note on the Dedication of an Parches (ZPE 87, 1991, 53–55) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1992. Bd. 94. P. 213–216.
37. Bernand E. Dédicace d'un ilarque (18 av.J.C.) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1991. Bd. 87. P. 53–55.
38. Ладынин И. А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: СПбГУ, 2004. Вып. 3. С. 145–184.
39. Ellis W. M. Ptolemy of Egypt. New York: Routledge, 2005. 144 p.
40. Chaniotis A. War in the Hellenistic World: a Social and Cultural History. Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 308 p.
41. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum / Ed. W. Dittenberger. Lipsiae: Hirzel, 1903. Vol. I. 658 p.
-

42. Caneva S. G. Ptolemy I: Politics, Religion and the Transition to Hellenistic Egypt // Ptolemy I Soter: A Self-Made Man / Ed. by T. Howe. Oxford: Oxbow Books, 2018. P. 88–127.

43. Hazzard R. A. Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto: University of Toronto Press, 2000. 300 p.

44. Tondriau J. Les Thiases dionysiaques royaux de la cour ptolémaïque // Chronique d'Égypte. 1946. Vol. 21, Iss. 41. P. 149–171.

45. Ладынин И. А. Голова статуи Птолемея V из собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина и проблема «египтизации» царской власти Птолемеев в конце III – начале II вв. до н. э. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. Вып. 2. С. 206–220.

46. Ладынин И. А. Оформление культа богов-Эвергетов. в птолемеевском Египте в 240–230-е гг. до н. э. и его египетские коннотации // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: СПбГУ, 2005. Вып. 4. С. 226–239.

47. Ладынин И. А., Попова Е. А. Египетская подвеска, найденная на городище Чайка (Северо-Западный Крым), и посмертное обожествление Арсиной II Филადельфы // Вестник древней истории. 2010. № 2. С. 71–85.

48. Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX–VII вв. до н. э.). Л.: ЛГУ, 1951. 339 с.

49. Басалова Н. С. Проблема обеспечения жильем воинов птолемеевской армии в эллинистическом Египте // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 223–226.

50. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией: монография. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 288 с.

Список сокращений

ABSA – Annual of the British School at Athens

CIG – Corpus Inscriptionum Graecarum

IG – Inscriptiones Graecae

IRhodM – Nuova sillage epigrafica di Rodi e Cos, ed. A. Maiuri.

I.Varsovie – Catalogue des inscriptions grecques du Musée national de Varsovie

Hermoupolis Magna – Bernand, A. Inscriptions grecques d'Hermoupolis Magna

HGV SB – Heidelberger Gesamtverzeichnis der griechischen Papyrusurkunden Ägyptens

OGIS – Orientis Graeci Inscriptiones Selectae

Peristianes, Gen. Hist. – Peristianes I.K. Γενική Ιστορία της νήσου Κύπρον / Leukosia, Cyprus, 1910.

SB – Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum

UPZ – Urkunden der Ptolemäerzeit

Herbert Morrison: the making of a politician

M. V. Koltsov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-190-201

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the early stages of the political biography of Herbert Morrison, a British politician and one of the most prominent representatives of the Labour Party in its entire history. The author tells about the origin, family, education and the formation of socio-political views of the future leader of the Labor Party. Further, the development of Morrison's political career is consistently characterized, including his work in the party and municipal bodies of London, in the House of Commons, in the British government (1929-1931), as well as Leader of the London County Council (1934-1940).

Keywords: Herbert Morrison; Great Britain; Labour Party; The House of Commons; London County Council

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koltsov, Mikhail V. | E-mail: votan-mk@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Герберт Моррисон: становление политика

М. В. Кольцов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-190-201
УДК 94(410)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена ранним этапам политической биографии Герберта Моррисона – британского политика и одного из виднейших представителей Лейбористской партии в её истории. В центре внимания автора – семья, образование и условия формирования общественно-политических взглядов будущего лейбористского деятеля. Последовательно характеризуется развитие политической карьеры Г. Моррисона, включая его работу в партийных и лондонских муниципальных органах, в Палате общин, в британском правительстве (1929–1931 гг.), а также в качестве лидера Совета Лондонского графства (1934–1940).

Ключевые слова: Герберт Моррисон; Великобритания; Лейбористская партия; Палата общин; Совет Лондонского графства

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольцов, Михаил Вячеславович | E-mail: votan-mk@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

Мы уже обращались к политической биографии Герберта Стэнли Моррисона (1888–1965) – видного британского политика первой половины XX в., одного из лидеров Лейбористской партии, министра и заместителя премьер-министра в правительствах Р. Макдональда (1929–1931), У. Черчилля (1940–1945) и К. Эттли (1945–1951) [1–3]. В рамках данной статьи рассмотрим ранние этапы его карьеры вплоть до 1940 г.

Г. Моррисон родился 3 января 1888 г. в небогатой семье лондонских кокни, проживавших на Ферндейл-роуд в Брикстоне – районе боро Ламбет. Его отец – Генри Моррисон, чьи предки приехали в Лондон из Шотландии, служил полицейским констеблем, а мать – Присцилла Лайон, родившая мужу семерых детей, из которых Герберт или Берт, как его звали

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

в юные годы, был самым младшим, работала прислугой в столичных больницах и пансионах. Отец зарабатывал 30 шиллингов в неделю, был властным человеком с тяжёлым характером, завсегдаем местного паба. О матери, ушедшей из жизни достаточно рано, Г. Моррисон высказывался в своих мемуарах с большой теплотой, называя её «полной, приятной на вид женщиной», которая превосходно готовила: «Наша еда было простой, но мы не знали, что значит быть по-настоящему голодными» [4, р. 16].

Уже на третий день своей жизни маленький Герберт полностью ослеп на правый глаз из-за инфекции, занесенной при родах. Трагическое обстоятельство не могло не сказаться на его дальнейшей судьбе. Г. Моррисон вспоминал, что в школьные годы не мог не чувствовать себя изгоем, поскольку физический недостаток не позволял ему участвовать в активных играх, а сверстники дразнили его одноглазым [4, р. 19], что не мешало будущему политику получать школьное образование (школа на Стокуэлл-роуд, затем школа Святого Андрея Англиканской церкви на Лингэм-стрит) и предаваться своему любимому занятию – чтению книг. Во время учёбы, делился Г. Моррисон в мемуарах, он читал всё, что могло попасть в руки: от поэтических сочинений из школьной библиотеки до дешёвых изданий для викторианских подростков. В школе Святого Андрея у Герберта состоялся первый опыт публичного выступления: он был выбран оратором для произнесения официальной речи в день празднования победы в Трафальгарской битве.

В 1902 г. после окончания школы 14-летний Герберт начинает работать в продовольственной лавке своего старшего брата Гарри, а затем нанимается в местный филиал компании «Уолтон, Хассел и Порт», торговавшей бакалеей и спиртным. Юный работник, получая семь шиллингов в неделю, выполнял функции мальчика на побегушках, разнося по домам заказы покупателей. Проявив себя в глазах работодателя с положительной стороны, он был переведён на должность помощника (в его функции входило взвешивание и расфасовка товаров и поддержание чистоты) в другой магазин компании, расположенный в лондонском районе Пимлико.

Обитая в комнате прямо над лавкой, Г. Моррисон проводил свободное от работы время за любимым занятием – чтением, посещал театры, а в возрасте 16 лет впервые заинтересовался политикой. Он намеревался найти причины трудного положения (бедность, неустроенность, злоупотребление алкоголем), в котором, по его мнению, находилась значительная часть английского рабочего класса [5, р. 10].

Он любил слушать выступления лондонских уличных ораторов на Ардвилл-роуд напротив ратуши Ламбета. Один из таких ораторов, по фамилии Корниш, был ярым поборником трезвости. Он смог своим красноречием и энергией, с которой бичевал пагубность пьянства, пробудить в Г. Моррисоне первый интерес к социальным вопросам. Второй выступавший зарабатывал чем-то вроде предсказаний будущего на основе френо-

логии, уже в то время считавшейся псевдонаукой. Всего за шесть пенсов он осмотрел голову юноши, обнаружил у него «шишку интеллекта» и дал будущему политику лучший, по словам самого Г. Моррисона, совет в его жизни. Оратор порекомендовал ему продолжать самообразование и читать правильные книги: «Если ты будешь тратить своё время правильно, у тебя будет великое будущее. Ты – идеалист. И по своему уму можешь однажды стать премьер-министром» [5, р. 11]. Г. Моррисон последовал совету и продолжил усиленно восполнять пробелы в своём скудном образовании.

Как он впоследствии писал в мемуарах, «чтение стало моим дальнейшим образованием» [4, р. 26]. Он увлечённо читает труды Т. Маколея, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Кропоткина, К. Каутского, фабианцев, других известных авторов левого толка. Ему нравились исторические сочинения, особенно по истории Лондона и его самоуправления. Он даже пытался освоить по учебникам основы нескольких иностранных языков, включая русский, но здесь его пыл к новым знаниям быстро охладел.

Интерес к социально-политическим вопросам приводит Г. Моррисона в Брикстоновский дискуссионный форум, участники которого собирались по воскресениям, слушали доклады своих или приглашённых лекторов и жарко спорили по широкому спектру проблем – от сексуальных отношений до критики «Капитала» К. Маркса. Здесь будущий политик уже позиционировал себя как убеждённого социалиста, что и побудило его в октябре 1906 г. вступить в Независимую рабочую партию (НРП). Однако, посчитав её не слишком социалистической, в июле 1907 г. он переходит в Социал-демократическую федерацию (СДФ). Обе организации были участниками создания в 1900 г. Комитета рабочего представительства, преобразованного в 1906 г. в Лейбористскую партию Великобритании (ЛПВ).

В январе 1907 г. умерла мать Герберта Присцилла. Это обстоятельство, а также новая работа оператором телефонного коммутатора в пивоваренной компании «Уайтбрид» заставили Г. Моррисона вернуться в дом родителей. Здесь его ждало непонимание и ссоры с отцом, который как закоренелый тори крайне негативно относился к увлечению сына левыми идеями. Гнев отца мог вызвать и красный галстук на сыне, и полученное им приглашение, начинающееся словами «Дорогой товарищ» [5, р. 17]. В конце концов, Герберт решил покинуть родительский дом навсегда.

Работа в пивоваренной компании, приносившая по 30 шиллингов в неделю, оставляла гораздо больше свободного времени для занятия общественно-политической деятельностью. Г. Моррисон выступает на собраниях дискуссионного форума, пресс-секретарём которого был избран в конце 1908 г., митингах и других публичных собраниях, а с 1909 г. начинает публиковаться в социалистической печати (первым стал еженедельник СДФ «Джастис»).

В начале своего участия в СДФ Г. Моррисон был сторонником марксизма, разделял его базовые положения о необходимости экспроприации экспроприаторов, общественной собственности на средства производства и рево-

люционном пути достижения целей. Однако со временем он стал тяготиться сектантством СДФ, нежеланием партии участвовать в парламентской борьбе. Он писал: «Я должен признаться, что моя верность СДФ была недолгой. Будучи добровольным и заинтересованным учеником Маркса, я был съят по горло чрезмерным преклонением перед этим человеком и отношением лидеров СДФ к тому, что он был пророком, а его книга сродни Библии в том, что касается изложения истины. Повторяющиеся упоминания Гайдмана¹ о его дружбе с Марксом были одновременно скучными и подозрительными» [4, p. 40].

В 1910 г. Г. Моррисон вернулся в НРП, что стало отражением трансформации его взглядов под влиянием идей Рамсея Макдональда (в тот период секретаря ЛПВ), делавшего ставку исключительно на парламентские методы борьбы. Карьера молодого политика пошла в гору: он становится председателем отделений НРП и Национального профсоюза клерков в Брикстоне, а затем – замом секретаря Комитета по представительству лейбористов в Ламбете (его первая должность в ЛПВ). Г. Моррисон ведёт активную оргработу по привлечению новых участников в свои отделения, выступает как публичный агитатор на улицах Южного Лондона, оттачивая своё ораторское мастерство и умение держаться перед аудиторией. Во время одного из таких выступлений он знакомится с Клементом Эттли, своим будущим многолетним соратником и соперником по партии.

Проявленные организаторские способности привели Г. Моррисона на пост секретаря Федерации НРП юго-западного Лондона, ответственного за координацию работы местных отделений партии. Он занимается устройством собраний и демонстраций, печатается, а также организует в 1911 г. публичные дебаты (первые между Х. Беллоком и Р. Макдональдом, а вторые – между Б. Шоу и Г. К. Честертоном) [4, p. 53]. Получает развитие и давний интерес Г. Моррисона к городскому самоуправлению Лондона, организации и проблемам его коммунального хозяйства. В ноябре 1912 в возрасте 24 лет он выдвигает свою кандидатуру от округа Воксхолл на выборах в муниципальный совет своего родного района Ламбет, но терпит, по его собственным словам, «ужасную неудачу», набрав 1117 голосов и заняв последнее место [6, p. 184].

Начало Первой мировой войны Г. Моррисон, в то время уже работник лейбористской ежедневной газеты «Дейли ситизен» (1912–1915), встретил негативно, опубликовав несколько антивоенных статей. Выступление политика на одном из организованных НРП митингов, в котором он под негодующие крики аудитории назвал участие Великобритании в войне неправильным, чуть было не закончилось применением к нему физического насилия. Хотя своего пенсне он всё-таки лишился. Отношение к войне Г. Моррисон объяснял не только характерным ему и многим его соратникам по НРП пацифистским настроениям, но и «неприятием тирании русского царизма»,

¹ Генри Гайдман (1842–1921) – создатель и руководитель СДФ в 1881–1911 гг.

с которым Великобритания оказалась по одну сторону конфликта, и что воспринималось в социалистических кругах как «преднамеренная поддержка царских репрессий» [4, р. 62].

Спустя двадцать лет, рассуждая о причине начала конфликта, политик отмечал, что мировая война разразилась не потому, что какое-либо правительство в то время сознательно хотело большой войны ради неё самой. Это был совокупный и неизбежный итог всей структуры довоенной цивилизации, результат неспособности правительств каким-либо адекватным образом контролировать свою экономическую жизнь и свои международные отношения. «Экономическая и международная анархия породили империализм и политику силы, и все это, благодаря балансу сил и гонке вооружений, закончилось, и должно было закончиться, великой войной, в которой обе стороны более или менее справедливо полагали, что они защищают себя» [7, р. 6].

После закрытия «Дейли ситизен» в 1915 г. Г. Моррисон был избран секретарём Лейбористской партии Лондона (ЛПЛ), созданной в 1914 г. для объединения на столичном уровне действовавших здесь профсоюзных и партийных организаций, включая Женскую лигу труда, НРП, Британскую социалистическую партию, Фабианское общество и т. д. Получая 1 фунт стерлингов в неделю, молодой секретарь работал над развитием структуры ЛПЛ, отвечал за подготовку её ежемесячного циркуляра и готовился к первым послевоенным муниципальным выборам. Однако введение в 1916 г. в Великобритании всеобщей воинской обязанности внесло свои коррективы в планы Г. Моррисона: по идеологическим соображениям он в 1917 г. не явился по повестке на призывной пункт, хотя совершенно очевидно, что по причине физического недостатка его должны были признать негодным к строевой службе. Тем не менее за свою неявку Г. Моррисон подвергся суду военного трибунала по отказу от воинской службы по соображениям совести, который направил его на сельскохозяйственные работы в город Летчурт в графстве Хартфордшир. Здесь на вечере народных танцев он встретил свою первую жену Маргарет Кент, с которой сочетался браком в марте 1919 г.

После окончания войны и возвращения в Лондон Г. Моррисон посвятил себя подготовке ЛПЛ к муниципальным выборам, состоявшимся 1 ноября 1919 г. По их итогам лейбористы смогли взять под контроль муниципальные советы нескольких лондонских районов, включая Хакни. Личная неудача ждёт Г. Моррисона в мае 1920 г., когда он попытался поучаствовать в довыборах от округа Северный Саутуарк в Совет Лондонского графства – орган столичного самоуправления, который существовал в период 1889–1965 гг. и чья власть распространялась тогда на территорию современного Внутреннего Лондона. Однако в том же году лейбористское большинство в муниципальном совете Хакни избирает Г. Моррисона мэром этого района (1920–1921). Во время недолгого пребывания на этой должно-

сти он подвергался критике локальной прессы и за свое неместное происхождение, и за свой внешний вид с неизменным коричневым твидовым костюмом, красным галстуком и пренебрежением к мэрской мантии [5, р. 45]. В качестве мэра Хакни он принимал королеву Марию и принца Уэльского, которые прибыли на открытие приюта Армии спасения. Внимание Г. Моррисона к проблеме безработицы побудило его вместе с делегацией лейбористских мэров добиться встречи с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем и изложить ему свои предложения по решению данного вопроса [4, р. 85].

Получила дальнейшее развитие и партийная карьера Г. Моррисона: в 1920 г. он впервые был избран членом Национального исполнительного комитета ЛПВ (за редким исключением он переизбирался ежегодно на протяжении тридцати трёх лет). После этого он прекратил свою работу в структуре НРП, сосредоточившись на карьере в ЛПВ. Регулярно участвуя в ежегодных партийных конференциях, Г. Моррисон проявил себя как критик действий парламентской фракции ЛПВ и убеждённый противник союза лейбористов как на местном, так и на национальном уровне с недавно созданной Коммунистической партией Великобритании.

В качестве секретаря ЛПЛ Г. Моррисон проделывал гигантский объём работы, связанный с развитием аппарата управления, ростом численности, увеличением финансирования, партийной агитацией и пропагандой. Будучи настоящим фанатом своего дела и трудоголиком, он занимался созданием курсов ораторского мастерства, юридической службы, консультировавшей простых горожан по вопросам их прав, молодёжной секции и даже хороших, драматических и спортивных обществ, аффилированных с ЛПЛ. Кроме того, он редактировал ежемесячник ЛПЛ (сначала это был «Лондон лейбор кроникл», а затем «Лондон ньюс»), писал статьи для лейбористских, социалистических и профсоюзных изданий, а также отвечал за подготовку предвыборных программ и манифестов для лондонских муниципальных выборов.

На выборах в Совет Лондонского графства 2 марта 1922 г. Г. Моррисона наконец-то ждал успех: он занимает первое место в районе Восточный Вулвич, набрав 9046 голосов [6, р. 22]. Следует отметить, что и на последующих выборах 1925 г. и 1928 г. он также баллотировался от данного округа и вновь с успехом для себя. Впервые оказавшись депутатом Совета Лондонского графства, Г. Моррисон в 1923 г. стал главным кнудом, а в 1925 г. лидером лейбористской фракции, являвшейся тогда оппозицией правящего консервативного большинства (или муниципальных реформаторов, как они официально именовались).

6 декабря 1923 г. Г. Моррисон был впервые избран в Палату общин: в лондонском избирательном округе Южный Хакни он получил 9578 голосов (на 2821 больше, чем основной конкурент) [5, р. 105]. На выборы, по итогам которых лейбористы сформировали своё первое в истории правительство во главе с Р. Макдональдом, Г. Моррисон шёл под лозунгами борьбы с без-

работицей в национальных масштабах, заявляя о необходимости организации общественных работ, установления минимума оплаты труда, введения налога на накопленные состояния свыше пяти тысяч фунтов стерлингов. Однако недолгое пребывание Г. Моррисона в Палате общин в основном запомнилось его неудачной первой парламентской речью, встреченной насмешками со стороны депутатов-консерваторов. Сам выступавший охарактеризовал её как «худшую речь, которую я когда-либо произносил в Палате Общин» [4, р. 95].

На досрочных выборах 29 октября 1924 г. Г. Моррисона ждало поражение: в Южном Хакни он занял лишь второе место, уступив кандидату от либералов, и свою партийную неудачу объяснял последствием публикации так называемого «письма Зиновьева» за четыре дня до голосования [4, р. 109].

Вторая половина 1920-х гг. в жизни Г. Моррисона была посвящена его дальнейшей работе в партийных (секретарь ЛПЛ и член Национального исполнительного комитета ЛПВ) и муниципальных (Совет Лондонского графства) структурах. Он совершает зарубежные поездки в качестве делегата международных конгрессов социалистов, а также для знакомства с устройством муниципального управления в Германии и Австрии.

Благодаря опыту работы и знаниям Г. Моррисон в конце 1920-х гг. считался в ЛПВ главным специалистом по развитию лондонского самоуправления, городского транспорта, электроснабжения и других коммунальных служб. Поэтому вполне закономерным выглядело его назначение на должность министра транспорта во втором лейбористском правительстве Р. Макдональда, сформированного по итогам парламентских выборов 30 мая 1929 г. (Г. Моррисон вновь победил в округе Южный Хакни, получив 15590 голосов). Назначение на министерский пост повлекло за собой неизбежное сокращение прежних обязанностей: Г. Моррисон остался почётным секретарём ЛПЛ, но фактическую работу стал выполнять другой человек. Одновременно он покинул пост лидера лейбористов в Совете Лондонского графства, хотя по-прежнему продолжал посещать его заседания.

Самым большим успехом Г. Моррисона как министра стала разработка и принятие в 1930 г. закона о дорожном движении (Road Traffic Act 1930), который заменял собой многие давно устаревшие постановления, касавшиеся автотранспорта. Закон состоял из пяти основных частей, которые касались еще и вопросов его классификации, лицензирования, страхования и управления. В первом разделе весь моторный транспорт подразделялся на семь категорий, в соответствии с чем определялись условия выдачи прав на вождение, отменялось давно устаревшее скоростное ограничение в 20 миль в час для автомобилей, вводились более строгие наказания за опасное вождение, устанавливался максимальный срок непрерывного нахождения за рулём для водителей грузовиков и автобусов и т. п. Вторая часть была посвящена обеспечению защиты (путем обязательного страхования) от рисков третьих лиц, возникающих в результате использования автотранс-

портных средств. Третья часть объявляла о введении нового свода правил дорожного движения и расширении полномочий местных властей по регулированию автодвижения. В четвертом разделе отменялся старый принцип лицензирования общественного транспорта местными органами власти. Взамен вводился институт назначаемых министерством дорожных комиссаров, которым передавались полномочия по регулированию, лицензированию, тарификации и маршрутизации общественного транспорта. И, наконец, пятая часть закона 1930 г. разрешала местным властям, уже обладавшим полномочиями по управлению электротранспортом (трамваями), заниматься управлением и автобусным транспортом, как это делали до этого только частные компании, без необходимости обращаться в Парламент за частным законопроектом [8].

Ещё более революционным был законопроект, предложенный Г. Моррисоном: он, будучи ещё депутатом муниципального совета, активно выступал за необходимость реформы транспортной системы Лондона. Разработанный министерством законопроект предусматривал обобществление (с компенсацией бывшим владельцам) и объединение всего лондонского городского и пригородного транспорта с последующей передачей под управление государственной структуры – Совета лондонского пассажирского транспорта (London Passenger Transport Board). К сожалению, до завершения работы лейбористского кабинета в августе 1931 г. законопроект успел пройти только процедуру обсуждения в профильном комитете Палаты общин. В связи с этим закон был принят и вступил в силу уже при втором Национальном правительстве Р. Макдональда в 1933 г. Согласно закону о лондонском пассажирском транспорте (London Passenger Transport Act 1933) 92 транспортных и сопутствующих предприятия Лондона переходили под контроль Совета, состоящего из семи человек во главе с председателем. Весь городской транспорт (автобусы, трамваи, троллейбусы, поезда метрополитена) был одинаково окрашен в красный цвет, а пригородный – в зелёный. Кроме того, название «Underground», ранее использовавшееся лишь частично, теперь было официально распространено на все линии лондонского метро [9].

Успешная работа Г. Моррисона в качестве министра транспорта была высоко оценена соратниками и политическими оппонентами. Поэтому закономерным выглядело предложение, сделанное ему в марте 1931 г. Р. Макдональдом, войти в состав кабинета министров, органа более узкого по составу, чем правительство. Но уже в августе 1931 г. в силу социально-экономических проблем, порождённых кризисом 1929 г., лейбористское правительство решило подать в отставку. Однако на аудиенции у Георга V Р. Макдональд неожиданно для своих коллег принял предложение короля возглавить Национальное правительство и вскоре покинул ЛПВ. Это решение премьер-министра было воспринято Г. Моррисоном как предательство. Он даже перевернул лицом к стене портрет бывшего кумира, который висел в его кабинете в Совете Лондонского графства [5, p. 169]. Разочарование дей-

ствиями Р. Макдональда было усугублено и личным поражением: он не смог переизбраться на выборах 27 октября 1931 г. и вновь был вынужден покинуть Палату общин.

После этого Г. Моррисон возвращается к фактическому выполнению функций секретаря ЛППЛ. Он уже не был депутатом (или советником, как официально именовалась эта должность) Совета Лондонского графства, но оставался его олдерменом. В феврале 1932 г. он попытался вновь стать лидером лейбористской фракции в Совете, но проиграл конкуренту с разницей в один голос. И только через год ему удалось вернуться к лидерству со второй попытки. Уменьшение объёма практической работы в 1932–1933 гг. позволило Г. Моррисону обратиться к теоретическим изысканиям. В серии своих статей и книге «Социализм и транспорт» он рассуждал о необходимости реорганизации промышленности страны на социалистической основе, под которой понимал общественную коллективную собственность на средства производства. В промышленности необходимо устранить расточительную конкуренцию. Например, все формы и виды транспорта должны быть подчинены Национальной транспортной корпорации, которая вместе с подобными структурами в других отраслях будет находиться под управлением Общего экономического консультативного совета. В его состав должны будут войти представители от всех сфер промышленности, потребителей, профсоюзов и государства [5, р. 183]. Участие Г. Моррисона в политическом подкомитете исполкома ЛППВ позволяло ему активно продвигать свои взгляды и влиять на формирование основ партийной программы, что в конечном итоге и определит политику лейбористского правительства по широкой национализации в 1945–1951 гг.

В августе 1933 г. Г. Моррисон в ходе двухнедельной поездки посетил СССР, где побывал в Москве и Ленинграде. Его отношение к Советскому Союзу и коммунизму было неоднозначным. В своих мемуарах он вспоминал, что лейбористы горячо приветствовали Февральскую революцию, покончившую с ненавистным им царизмом. Однако Керенский, который для многих был «символом русской свободы», оказался неподходящим для сложного искусства управления в революционной ситуации, проиграв «безжалостным и высокодисциплинированным коммунистам» во главе с Лениным и Троцким. «Они были созданы для того, чтобы уничтожить свободу и парламентское правление. Большевики были полны решимости навязать режим, который они называли диктатурой пролетариата, но который многие... называли диктатурой коммунистического секретариата» [4, р. 67].

Свои впечатления от поездки в СССР Г. Моррисон изложил в серии газетных статей. С одной стороны, его, без сомнения, привлекала советская система общественной собственности и планирования, которая, как он полагал, поборола безработицу и повысила уровень жизни. С другой – он отметил для себя привычку советских граждан при общении с ним постоянно оборачиваться, проверяя, не слышит ли кто-то их разговор.

Г. Моррисон с удивлением вспоминал, что во время экскурсии в ленинградский музей революции он не обнаружил никакой информации об участии Троцкого в революционных событиях, а на вопрос об этом он услышал от советского экскурсовода, что Троцкий ничего не сделал для победы революции [4, р. 123]. Тем не менее Г. Моррисон считал, что, если бы перед ним встал выбор между фашизмом и коммунизмом, он выбрал бы последний. И хотя оба они являются политическими диктатурами, цель коммунизма – освобождение народа от эксплуатации капитализмом и землевладением [5, р. 254].

Следующий период карьеры политика вновь оказался связан с Советом Лондонского графства: 8 марта 1934 г. возглавляемые Г. Моррисоном лейбористы впервые одержали победу на выборах, получив 51 % голосов избирателей и правящее большинство (69 депутатов и 11 олдерменов) [5, р. 190]. Этот успех был закреплён и на следующих выборах в марте 1937 г.: лейбористы вновь получили более 50 % голосов и 83 места в Совете (75 депутатов и 8 олдерменов) [5, р. 210]. Правящее большинство позволяло контролировать должность Лидера Совета, которым на протяжении 1934–1940 гг. был Г. Моррисон. Среди его достижений на этом посту следует упомянуть, во-первых, увеличение финансирования системы городского здравоохранения и образования (ремонт и переоснащение старых больниц и школ, а также строительство новых). Во-вторых, успешное завершение длительной эпопеи вокруг реконструкции лондонского моста Ватерлоо: в 1937 г. Совет с большим трудом добился от правительства выделения 400 тысяч фунтов стерлингов на его перестройку. В-третьих, по личному предложению Г. Моррисона вокруг Лондона был создан так называемый «Зелёный пояс», который должен был играть роль городских лёгких. На средства Совета власти лондонских пригородов приобретали земли с лесопарковыми зонами, которые теперь охранялись от городской застройки. И, наконец, большое внимание Совет уделял развитию столичной системы гражданской обороны, что имело важные последствия в преддверии новой войны. Примечательно, что годы лидерства в Совете Лондонского графства сам политик называл самым счастливым периодом в своей жизни [4, р. 157].

На парламентских выборах 14 ноября 1935 г. Г. Моррисон одерживает победу (15830 голосов – на 5 тысяч больше, чем у оппонента) в своем округе Южный Хакни и вновь оказывается в Палате общин. Возросшие амбиции политика побудили принять участие в борьбе за лидерство в ЛПВ. Однако в ходе двухтурового голосования, в котором принимали участие члены парламентской фракции и Исполкома, он уступает первенство К. Эттли, на тот момент исполнявшего обязанности лидера. После поражения раздосадованный Г. Моррисон отказывается бороться и за пост заместителя главы партии. Причины своей неудачи политик видел в плохом знакомстве с членами лейбористской фракции, а также в решении тех депутатов, которые голосовали в первом туре за А. Гринвуда, отдать свои голоса во вто-

ром туре К. Эттли, а не ему [5, р. 240]. Характеризуя итоги борьбы за партийное лидерство 1935 г., один из историографов ЛПВ отмечал, что в глазах некоторых депутатов Г. Моррисон был слишком связан с Лондоном, другие считали его чересчур сговорчивым по отношению к бизнесу и среднему классу, третьи испытывали страх перед появлением доминирующего лидера. Таким образом, партия предпочла посредственность непритязательного К. Эттли таланту Г. Моррисона, хотя последствия этой ошибки не были полностью очевидны до 1950 г. [10, р. 241].

3 сентября 1939 г. Г. Моррисон, как и вся лейбористская фракция, высказался за объявление войны нацистской Германии. После падения кабинета Н. Чемберлена в мае 1940 г. глава нового Военного правительства У. Черчилль в переговорах с К. Эттли назвал Г. Моррисона среди тех членов ЛПВ, кого бы он хотел видеть в составе своего правительства.

Таким образом, за сорок лет XX в. Г. Моррисон проделал гигантский путь от малообразованного поздневикторианского подростка, работавшего в бакалейных лавках, до видного партийного функционера, многолетнего главу крупнейшего регионального подразделения ЛПВ и политика национального масштаба, которому ещё предстоит сыграть важную роль в управлении страной в военные и послевоенные годы.

Ссылки

1. Кольцов М. В. Герберт Моррисон: этапы политической карьеры // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 20–25.
2. Кольцов М. В. Деятельность Герберта Моррисона в годы Второй мировой войны // Герои и антигерои в мировой истории: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции, 9 июня 2017 г. Ярославль: Филигрань, 2017. С. 240–249.
3. Кольцов М. В. Герберт Моррисон в правительствах Великобритании (1945–1951 гг.) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 584–595. DOI 10.18255/1996-5648-2022-4-584-611
4. Morrison H. An Autobiography by Lord Morrison of Lambeth. L.: Odhams Press Limited, 1960. 336 p.
5. Donoghue B., Jones G. W. Herbert Morrison: Portrait of a Politician. L.: Phoenix Press, 2001. XXXVIII, 696 p.
6. Willis A., Woolard J. Twentieth Century Local Election Results. Vol. 1: Elections Results for the London County Council 1889–1961 and for the London Metropolitan Boroughs 1900–1928. Plymouth, 2000. XIV, 316 p.
7. Morrison H. A New Start with the League of Nations // Problems of Peace: The League and the Future of the Collective System. N. Y.: Oxford University Press, 1937. P. 5–27.
8. Road Traffic Act 1930. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1930/43/pdfs/ukpga_19300043_en.pdf (дата обращения: 02.06.2023).
9. London Passenger transport Act 1933. URL: http://www.railwaysarchive.co.uk/documents/HMG_Act1933.pdf (дата обращения: 02.06.2023).
10. Pugh M. Speak for Britain! A New History of the Labour Party. L.: The Bodley Head, 2010. XXII, 464 p.

The Christian Trade Union Movement in the Weimar Republic according to Apostolic Nuncio Eugenio Pacelli's Assessments

A. A. Mordzilovich¹

¹St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-202-207

Research article
Full text in Russian

This article focuses on the opinions of Eugenio Pacelli, the Apostolic Nuncio in Germany, regarding the German Christian labor movement in the 1920s. During the Weimar Republic, there were two types of organizations for Catholic workers: the interconfessional Christian Trade Unions and the Catholic Workers' Associations. In his reports to Rome, Pacelli mainly emphasized the Church's loss of contact with workers, as well as the spread of «misconceptions» regarding economic theory among them. In comparison to the Catholic Workers' Associations, the Christian unions seemed more «moderate and reasonable» to the Nuncio, as he believed that the latter were more susceptible to radicalization.

Keywords: Eugenio Pacelli; Pius XII; Weimar Republic; trade unions; Christian labor movement; Catholicism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mordzilovich, Anna A. | E-mail: annamordzilovich@gmail.com
Postgraduate

Христианское профсоюзное движение Веймарской республики в оценках апостольского нунция Эудженио Пачелли

А. А. Мордзилович¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-202-207
УДК 94(430).085

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена взглядам апостольского нунция в Германии Эудженио Пачелли на немецкие католические профсоюзные организации в 1920-е гг. Интересы рабочих-католиков представляли два вида объединений — межконфессиональные христианские профсоюзы и католические ассоциации рабочих. В своих донесениях в Рим Пачелли главным образом констатировал утрату Церковью контакта с рабочими, а также распространение среди них «заблуждений» в вопросах экономической теории. Христианские профсоюзы в сравнении с католическими ассоциациями рабочих представлялись нунцию более «умеренными и разумными», поскольку последние были в большей степени подвержены «радикализации».

Ключевые слова: Эудженио Пачелли; Пий XII; Веймарская республика; профсоюзы; христианское рабочее движение; католицизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мордзилович, Анна Андреевна | E-mail: annamordzilovich@gmail.com
Аспирант

Эудженио Пачелли, будущий папа римский Пий XII (1939–1958 гг.), в апреле 1917 г. получил назначение на должность апостольского нунция в Баварии, а в июне 1920 г. — во всей Германии. В регулярных донесениях в Рим он характеризовал не только религиозную, но и общественно-политическую ситуацию в Веймарской республике, и рабочий вопрос занимал в его отчетах далеко не последнее место. Известно, что и после избрания Пий XII уделял большое внимание дальнейшему развитию католического социального учения, основы которого были заложены еще Львом XIII в энциклике «*Reverum Novarum*» (1891 г.). Изучение оценки, которую дает Пачелли дея-

тельности немецких профсоюзов в 1920-е гг., позволяет углубить представления об истоках его позиции по проблемам рабочего класса.

В Германии 1920-х гг. защиту интересов католических рабочих осуществляли два типа профсоюзных организаций — христианские профсоюзы (*christliche Gewerkschaften*) и католические союзы рабочих (*katholische Arbeitervereine*). Они возникли в 1880–1890-е гг. и развивались параллельно друг другу. Первые носили межконфессиональный характер и объединяли как католиков, так и протестантов; вторые были «чисто» католическими по своему составу. Различалась и сфера их деятельности: если христианские профсоюзы занимались в основном решением материальных проблем рабочих и урегулированием конфликтных ситуаций с работодателями, то католические ассоциации традиционно были нацелены на образование и религиозное воспитание пролетариата. Кроме того, их позиции расходились по вопросу о забастовках. В сравнении с католическими ассоциациями рабочих, которые принципиально отвергали забастовки как инструмент борьбы пролетариата за улучшение своего положения, христианские профсоюзы их допускали, хоть и считали крайней мерой, приемлемой в том случае, если защитить интересы рабочих иначе нельзя.

Христианские профсоюзы имели тесные связи с партией Центра, Немецкой народной партией или Немецкой национальной народной партией (в зависимости от конфессиональной принадлежности участников) и в 1919 г. объединяли в своих рядах примерно 1 млн чел. [1, с. 240]. Католические ассоциации рабочих были не столь многочисленны: в 1914 г. они насчитывали 500 тыс. членов, а после войны постоянно терпели убыль в численности участников [2, р. 124].

Столкновение двух принципов организации объединений для рабочих было неизбежным и получило название «профсоюзного спора» (*Gewerkschaftsstreit*), для разрешения которого потребовалось вмешательство самого папы. В 1912 г. энциклика «*Singulari quadam*» заявила о недопустимости создания межконфессиональных профсоюзов, поскольку сотрудничество с протестантами таило в себе «серьезные опасности для целостности веры наших людей и должного повиновения заповедям и предписаниям Католической церкви» [3]. Участие католиков в христианских профсоюзах допускалось только при одновременном членстве в католических ассоциациях рабочих и соблюдении этими организациями учения Церкви и решений церковных властей.

В 1920-е гг. беспокойство Рима вызывало уже не столько сотрудничество протестантов и католиков в христианских профсоюзах, сколько потеря Католической церковью контакта с рабочим классом. Еще в первой инструкции нунцию в Баварии от 1916 г. государственный секретарь Святого Престола, кардинал Пьетро Гаспарри, с тревогой отмечал, что баварские рабочие «легко поддаются соблазну» социалистической пропаганды и «известно, как исправить этот досадный факт» [4, р. 35]. В скором времени подобные высказывания появились и в донесениях Пачелли, который в 1919 г.

писал о необходимости следить за новыми опасными тенденциями в обществе, все чаще проявляющимися под влиянием революционных потрясений и социалистических идей среди католического населения, в том числе среди священников [5].

В самом деле, в это время продолжают активные поиски компромисса между социализмом и католицизмом: в 1919 г. был создан Союз христианских социалистов в Вюрцбурге, в 1920 г. — Христианско-социальная партия, в 1928 г. — Союз католических социалистов Германии в Кельне. И хотя их реальный политический вес был сомнителен, появление подобных организаций не могло не вызывать беспокойства у Церкви. Христианский социализм казался ей опасным заигрыванием с марксизмом, которое может увести верующих не в то русло. О принципиальной несовместимости христианства и социализма говорила и энциклика «*Rerum Novarum*».

Нунций также признавал, что успех социалистической и коммунистической пропаганды в католической среде был в немалой степени обусловлен хронической безработицей, обесцениванием денег, огромной пропастью между бедными и богатыми, «особенно между теми, кто потерял все или многое из-за войны и инфляции, и нуворишами (*die Neureichen*)» [6].

Наконец, оттоку католиков в неконфессиональные профсоюзы способствовал сохранявшийся раскол в христианском рабочем движении. Вместо того чтобы выступать единым фронтом в деле защиты интересов трудящихся, католические ассоциации рабочих и христианские профсоюзы конкурировали друг с другом, а их лидеры — Йозеф Йоос и Адам Штегервальд — соперничали на выборах председателя партии Центра в 1928 г. (в итоге был избран прелат Людвиг Каас).

Христианские профсоюзы, по мнению Пачелли, были «самыми умеренными и разумными среди немецких профсоюзов» [7, р. 171]. Их лидерам приходилось считаться с мнением национальных рабочих организаций протестантов, где антисоциалистические настроения были выражены резче, чем в католической среде [8, р. 129]. Как утверждают исследователи, «в мире труда Адам Штегервальд и Немецкий союз профсоюзов¹ представляли собой явно правый элемент, поддерживавший парламентскую демократию скорее из практических, а не из твердых идеологических соображений» [9, р. 164]. Деятельность христианских профсоюзов «стремительно эволюционировала вправо даже по отношению к либеральным партиям» [10, с. 340].

Однако нунций критиковал их за излишне пристрастную защиту экономических интересов рабочих в ущерб другим слоям населения и за требования социального законодательства, которое, по его мнению, ставило рабочего в полную зависимость от помощи государства [7, р. 171].

¹ Немецкий союз профсоюзов (*Deutscher Gewerkschaftsbund, DGB*) — зонтичная организация, созданная в 1919 г. для объединения христианских и националистически ориентированных профсоюзов. В 1919–1929 гг. председателем союза был Адам Штегервальд. Организация прекратила свое существование в 1933 г.

Наконец, Пачелли писал, что экономические вопросы подлежат суждению Церкви, поскольку затрагивают законы нравственности. Но если в католических ассоциациях рабочих духовенство традиционно играло руководящую роль, то межконфессиональные профсоюзы стремились, напротив, сохранять независимость от церковных властей [11].

О католических ассоциациях Пачелли отзывался сдержанно. С одной стороны, он признавал, что они, как и христианские профсоюзы, приносят определенную пользу, поскольку не позволяют рабочим-католикам пасть «жертвами социалистических и коммунистических организаций». С другой стороны, в них чаще возникали «радикальные течения»: «Между прочим, в католическом лагере высказывались опасные или, по крайней мере, двусмысленные идеи: например, что капитализм аморален по своей сути, что Церковь на протяжении столетий позволяла развиваться неправильному представлению о частной собственности и что поэтому теперь необходимо его изменить, и т. д.» [7, р. 171].

Действительно, по замечанию немецкого историка Хельги Гребинг, именно католические ассоциации рабочих являлись левым крылом несоциалистического рабочего движения в Веймарской республике [2, р. 189]. Так, на страницах *Westdeutsche Arbeiterzeitung*, печатного органа западногерманских католических ассоциаций, появлялись статьи, осуждающие междоусобные войны профсоюзов: рабочим-католикам, коммунистам и социалистам следует объединиться на основе религиозного и политического плюрализма и совместными усилиями решать экономические вопросы. Хотя такая позиция не вызывала одобрение Йооса, поскольку она как будто ставила материальные потребности рабочих выше религиозных ценностей, тем не менее подобные предложения обычно высказывались именно в среде католических ассоциаций, а не христианских профсоюзов [9, р. 174].

Нунций считал свидетельством радикализации западногерманских католических ассоциаций рабочих их позицию по вопросу об экспроприации княжеской собственности, о чем разгорелся спор в немецком обществе в 1926 г. Проведение референдума по инициативе социал-демократов и коммунистов было встречено ими с большим одобрением, в то время как христианские профсоюзы колебались. Католические ассоциации рабочих призвали своих членов участвовать в голосовании, хотя партия Центра и Церковь высказались категорически против. Как заявил Йоос, многие собственники считают само собой разумеющимся, что земельные владения сосредоточены в руках небольшой группы людей, не имеющих никаких обязательств перед другими. Именно все большая политическая ориентация католических капиталистов «вправо», по его мнению, подталкивала рабочих-католиков «влево» [8, р. 113–114].

Хотя результаты референдума 26 июня 1926 г. о безвозмездном отчуждении княжеского имущества в итоге были признаны недействительными, поскольку в нем приняло участие меньше половины избирателей, Пачелли считал его весьма показательным. Позиция католических ассоциаций

продемонстрировала, «насколько расшатано само понятие собственности во многих католических рабочих кругах» [12].

В целом, с точки зрения нунция, ни христианские профсоюзы, ни католические ассоциации рабочих на практике не противоречили установкам «*Regum Novarum*». В некоторых случаях их деятели допускали «ложные или неуместные высказывания», но это он объяснял «чрезвычайно тяжелой экономической ситуацией последних лет» [11].

Подводя итог, можно отметить, что Пачелли в большей степени симпатизировал христианским профсоюзам (правому крылу христианского рабочего движения), чем католическим ассоциациям рабочих (левому крылу), хотя и признавал заслуги последних. Однако и в том и другом случае он, похоже, чувствовал нехватку контроля со стороны Церкви, которая приводила к распространению «ошибочных» экономических идей среди рабочих. Не исключено, что именно этот опыт наблюдений за жизнью общественных организаций Веймарской республики повлиял на решение нунция поддержать идею Пия XI о распространении «Католического действия» на Германию.

Ссылки

1. Шупляк П. А. Профсоюзы в политической системе Веймарской республики в Германии // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэд. У. К. Коршук [і інш.]. Мінск: БДУ, 2010. С. 237–254.
2. Grebing H. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: ein Überblick. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1975. 320 p.
3. Pius X. *Singulari Quadam*. URL: https://www.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_24091912_singulari-quadam.html.
4. Wolf H. *Papst und Teufel: Die Archive des Vatikan und das Dritte Reich*. München: Verlag C.H. Beck, 2008. 360 p.
5. Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 01. Juni 1919. URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/2056.
6. Pacelli, Eugenio an Merry del Val, Raffaele vom 19. November 1928. URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/16316.
7. Pacelli E. *Die Lage der Kirche in Deutschland 1929* / bearb. v. H. Wolf, K. Unterburger. Paderborn [u. a.]: Ferdinand Schöningh, 2006. 289 p.
8. Weichlein S. *Sozialmilieus und politische Kultur in der Weimarer Republik: Lebenswelt, Vereinskultur, Politik in Hessen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. 404 p.
9. Misner P. *Catholic Labor Movements in Europe: Social Thought and Action, 1914–1965*. Washington, DC: Catholic University of America Press, 2015. 341 p.
10. Ночвина Б. А., Старикова Н. В. Веймарская демократия и левый интернационализм: кризис идентичности // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–2. С. 335–344.
11. Pacelli, Eugenio an Sbarretti, Donato Raffaele vom 11. Dezember 1929. URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/14710.
12. Pacelli, Eugenio an Borgongini-Duca, Francesco vom 30. August 1926. URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/18563.

Cornflower Revolution of 2006 in Belarus in modern scientific discourse

A. O. Naumov¹, A. Yu. Naumova²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

²Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-208-217

Research article
Full text in Russian

The article examines the current state of historiography of the Color Revolution in Belarus in 2006. These sources are replications of Western and domestic scientists on this topic. The main concepts and approaches of North American, European, Belarusian and Russian specialists are considered, problematic positions in the study of the phenomenon of this Color Revolution in the post-Soviet space and ways to solve them are indicated. In the course of the analysis of scientific articles and monographs, the authors come to the conclusion that at the moment there are still a number of unexplored aspects in the scientific discourse regarding the unsuccessful coup d'état in the Republic of Belarus, and therefore there is a need for a comprehensive and systematic study of this event.

Keywords: Color Revolutions; historiography; Cornflower Revolution; Jeans Revolution; Belarus; Lukashenko

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Naumov, Aleksandr O. | E-mail: naumovao@my.msu.ru
D. Sc. (History), Professor

Naumova, Anastasiya Yu. | E-mail: naumova.au@rggu.ru
Cand. Sc. (History)

«Васильковская революция» 2006 г. в Белоруссии в современном научном дискурсе

А. О. Наумов¹, А. Ю. Наумова²

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Институт евразийских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-208-217

УДК 93/94: 323.276

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье изучается современное состояние историографии «васильковской революции» в Белоруссии 2006 г. Источниками выступают публикации западных и отечественных ученых по данной теме. Рассматриваются основные концепции и подходы североамериканских, европейских, белорусских и российских специалистов, указываются проблемные позиции в изучении феномена этой «цветной революции» на постсоветском пространстве и пути их решения. В ходе проведенного анализа научных статей и монографий авторы приходят к выводу, что в настоящий момент в научном дискурсе все еще присутствует немало «белых пятен» в отношении неудачного государственного переворота в Республике Беларусь, в связи с чем существует необходимость проведения комплексного и системного исследования данного события.

Ключевые слова: цветные революции; историография; васильковская революция; джинсовая революция; Белоруссия; Лукашенко

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наумов, Александр Олегович | E-mail: naumovao@my.msu.ru
Доктор исторических наук, профессор
факультета государственного управления

Наумова, Анастасия Юрьевна | E-mail: naumova.au@rggu.ru
Кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник

«Цветная революция» – это государственный переворот, антиконституционный захват власти с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы» [1, с. 3]. Первая «цветная революция» состоялась осенью 2000 г. в Югославии. В 2003–2005 гг. по схожим лекалам были осуществлены операции по демонтажу политических режимов в Грузии, Украине и Киргизии. В 2006 г., однако, победоносному шествию «цветных революций» на постсоветском пространстве был нанесен чувствительный удар. Попытка государственного переворота в Белоруссии полностью провалилась, что не позволило в полной мере реализоваться плану коллективного Запада по созданию вокруг России пояса недружественных государств.

Поражение западных политтехнологов и доморощенной оппозиции имело важное геополитическое значение для постсоветского пространства в целом и членов Союзного государства России и Белоруссии в частности. Тем не менее на сегодняшний день ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не было предпринято полноценного анализа этой «цветной революции». В немногочисленных работах российских и белорусских авторов данный сюжет встречается лишь в контексте изучения иных вопросов; в западных исследованиях он рассматривается чуть более детально, но исключительно через призму политологических концепций (политической транзитологии, «электоральных революций», волн демократизации и т. д.), что в известной мере их обедняет. Историография вопроса и вовсе остается «белым пятном» в современном научном дискурсе. Предлагаемая статья призвана ликвидировать данный пробел.

Зарубежные ученые, как правило, начинают рассматривать феномен неудавшейся «цветной революции» в Белоруссии еще со времени избрания А. Лукашенко президентом страны в середине 1990-х гг. Отмечается, что в первые годы своего правления он сосредоточился на консолидации власти путем установления личного контроля над всеми ключевыми государственными институтами, создания эффективного аппарата безопасности и подавлении оппозиционных настроений. «Тем не менее, – вынуждена признать немецкий эксперт Дж. Герлах, – опросы общественного мнения показывали, что Лукашенко оставался популярным. Это происходило главным образом потому, что он воспринимался как успешный борец с коррупцией, обеспечивавший людям определенный уровень жизни благодаря относительному экономическому успеху, чему способствовали специальные сделки с российскими поставщиками энергии по ценам ниже рыночных» [2, р. 21]. В начале нулевых годов XXI в., как подчеркивает американско-белорусский исследователь В. Силицкий, Лукашенко санкционировал резкое повышение заработной платы в государственном секторе и предпринял новые шаги по ослаблению политической оппозиции. Были ужесточены положения о наказании за несанкционированные уличные протесты, усилен

контроль за деятельностью т. н. независимых неправительственных организаций и средств массовой информации [3, р. 91–92].

В ходе президентских выборов 2001 г. белорусская оппозиция попыталась осуществить «цветную революцию», опираясь на успешный опыт свержения С. Милошевича в Сербии, однако потерпела фиаско. В итоге даже западные авторы, открыто симпатизирующие оппонентам Лукашенко, отмечают, что оппозиционеры начали сомневаться в собственных силах. Более того, поражение привело к поиску «козла отпущения» внутри протестного лагеря, а публичные обвинения журналистов и недовольных активистов в растрате средств на продвижение т. н. программ в поддержку демократии еще более усугубили положение противников правящего режима [3, р. 90–91].

В октябре 2004 г. в Республике Беларусь состоялись парламентские выборы и конституционный референдум, закончившиеся победой правящего режима. А. Лукашенко получил возможность вновь баллотироваться на пост президента страны. Разумеется, результаты были немедленно подвергнуты критике со стороны оппозиции, которая при поддержке западных кураторов призвала своих сторонников выйти на улицы. Эти протесты, однако, собрали не более пяти тысяч человек и были оперативно разогнаны милицией. «Общее представление о том, что Лукашенко выиграет любое голосование, – с сожалением констатирует Силицкий, – осталось неизменным» [3, р. 93].

Всего через несколько недель на Украине началась активная фаза «оранжевой революции», завершившаяся победой оппозиции. Британский эксперт по постсоветскому пространству У. Маркус отмечает, что в отличие от «революции роз» в Грузии 2003 г. «оранжевая революция» в соседней стране вызвала серьезное беспокойство в Минске [4, р. 122]. Силицкий пишет, что Лукашенко сразу же предупредил свое ближайшее окружение, что «современные политические методы и слабоуправляемая страна чреватые серьезными последствиями», и заявил о необходимости противостоять любым попыткам копирования украинского сценария, которые он назвал «бандитскими актами» [3, р. 94]. С англоязычными авторами солидарен отечественный исследователь А. С. Трифонов, который указывает, что Лукашенко после победы украинского «майдана» незамедлительно принял меры по усилению своей власти, ужесточению контроля за деятельностью СМИ и НПО, дестабилизации политических противников [5, с. 187–188]. «Действия по предотвращению “оранжевой заразы” в Беларуси были хорошо просчитаны и тщательно доведены до конца, что превратило заявление Лукашенко о том, что “в Беларуси не будет революции роз, апельсинов или бананов”, в категорический императив для правительства действовать оперативно и полностью контролировать ситуацию» [6, р. 45], – заключает британский исследователь Е. Коростелева.

Главой администрации президента был назначен В. Шейман, который с момента вступления в должность неоднократно заявлял, что его цель – «консолидировать системы власти, унифицировать командную структуру и избежать ситуаций, подобных тем, которые произошли к югу от границы» [3, р. 94–95]. В условиях приближавшихся президентских выборов в стране были укреплены силовые структуры, предательство в рядах которых сыграло огромную роль в победе «цветных революций» в Сербии, Грузии и на Украине.

Особое внимание западные авторы уделяют деятельности Комитета Государственной Безопасности Республики Беларусь, отмечая, что в декабре 2005 г. он опубликовал «Аналитический отчет о цветных революциях: возможный сценарий для Беларуси», подготовленный для распространения в национальном парламенте и содержащий подробную информацию о «цветных революциях» на постсоветском пространстве и методах борьбы с ними [6, р. 46].

Третьи в истории независимой Белоруссии президентские выборы были назначены на 19 марта 2006 г., на четыре месяца раньше ожидаемой даты. По оценке У. Маркус это было сделано, дабы дать оппозиции меньше времени для проведения предвыборной кампании [4, р. 122]. В выборах смогли принять участие действующий президент А. Лукашенко, председатель Либерально-демократической партии С. Гайдукевич, глава коалиционной оппозиции А. Милинкевич и лидер Социал-демократической партии А. Козулин.

Политические оппоненты Лукашенко представляли собой довольно оригинальный феномен, который стал объектом пристального внимания как западных, так и отечественных специалистов. Так, по мнению белорусского специалиста А. Стром, оппозицию на протяжении второй половины 1990–2000-х гг. характеризовал ряд специфических признаков: отсутствие единого координационного центра, неспособность к консолидации и выражению интегрированной позиции по большинству вопросов, зашкаливающие личные амбиции лидеров, преобладание «внутриопозиционных разборок» над деятельностью по мобилизации электората, превалирование в рамках избирательных кампаний шаблонных схем деятельности, нежелание учиться на собственных ошибках стратегического характера, наконец, замыкание на самой себе и отрыв от реальной политики [7, с. 67–70].

Непосредственно персонам, стоявшим во главе антилукашенковского движения, в историографии также уделено немало внимания. «Уроженец Гродно, физик по образованию, – характеризует А. Милинкевича российский автор И. С. Борзова, – уже в годы учебы и дальнейшей преподавательской деятельности был ориентирован на Запад и завязал там немало контактов». Второй претендент на пост президента – А. Козулин, в отличие от Милинкевича, по словам исследователя, уверял избирателей, что в случае его победы Минск продолжит развитие тесных взаимоотно-

шений с Москвой [8, с. 74–75]. Как пишет Герлах, его изначально даже по-дозревали в том, что он являлся псевдокандидатом от правящего режима, чья роль заключалась в отвлечении голосов от Милинкевича, однако в итоге он оказался жестким критиком Лукашенко [2, р. 21]. Стром отмечает, что для привлечения внимания к собственной персоне бывший ректор Белорусского государственного университета вел себя дерзко, а порой просто агрессивно, регулярно создавая разного рода скандальные информационные поводы (опубликовал провокационные карикатуры в газете «Згода», устроил драку при попытке зарегистрироваться участником III Всебелорусского собрания, демонстративно разбил портрет действующего президента в милицейском участке и т. п.) [7, с. 69]. По мнению канадского ученого А. Марплз, в то время как Козулин был готов противостоять властям посредством актов прямой конфронтации, Милинкевич проводил значительное время за пределами страны, особенно часто посещая европейские столицы. Такая тактика, по мнению специалиста, могла бы принести дивиденды в долгосрочной перспективе, но непосредственно в ходе избирательной кампании отвлекала его от ключевой задачи работы с электоратом [9, р. 357–358].

Достоин упоминания, что западные авторы практически не уделяют внимания роли внешнего фактора в белорусских событиях, фактора, без которого ни одна «цветная революция» не только не могла победить, но даже начаться. Русскоязычные же авторы подчеркивают, что страны Запада оказывали белорусской оппозиции значительную организационную, моральную и финансовую (исчислявшуюся миллионами долларов) поддержку [8, с. 131]. Вашингтон заявлял о необходимости проведения «свободных и справедливых выборов», а госсекретарь США К. Райс прямо называла Республику Беларусь «последним форпостом тирании». Брюссель поддерживал противников Лукашенко, заранее провоцируя выступления против правящего режима в случае «мошеннических выборов», спонсировал средства массовой информации с антиправительственной повесткой, активно работал с оппозиционно настроенной молодежью [5, с. 189; 10, с. 131].

В целом, несмотря на определенную разобщенность, отсутствие единой согласованной платформы, личное соперничество между Козулиным и Милинкевичем, оппозиционные силы в 2006 г. были более сплоченными, чем в ходе предыдущих электоральных циклов, и при этом традиционно могли рассчитывать на солидную поддержку из-за рубежа. По мнению Борзовой, предвыборная кампания 2006 г. вообще стала наиболее успешным этапом в истории деятельности белорусской оппозиции, так как в этот раз противникам Лукашенко удалось придать предвыборной кампании серьезный общественный резонанс [8, с. 74]. Данный факт подчеркивают и западные исследователи, отмечая, что в 2006 г. Лукашенко впервые столкнулся с относительно единой оппозицией [2, р. 21].

Однако правящий режим был готов к схватке за власть. Наблюдатели от оппозиции были почти полностью исключены из избирательных комиссий на всех уровнях. Прозападные НПО и СМИ подверглись усиленному давлению. Незадолго до голосования глава КГБ выступил с заявлениями, связывавшими оппозицию и поддерживавших ее неправительственные организации с терроризмом и намерением насильственного захвата власти. Как пишет Маркус, «людей предупредили, чтобы они следили за “благосостоянием” своих детей; и это было предупреждение, направленное на то, чтобы родители удерживали молодежь от политической активности на стороне оппозиции» [4, p. 122].

Прошедшие 19 марта президентские выборы завершились уже в первом туре полной победой Лукашенко, получившим более 80 % голосов граждан Белоруссии. Как отмечает американский ученый П. Амброзио, международные наблюдатели и зарубежные правительства резко раскритиковали «честность голосования почти всеобщим хором осуждения» [11, p. 426] (отметим, что делегация наблюдателей от СНГ сочла процедуру голосования удовлетворительной). Не дожидаясь оглашения официальных результатов, оппозиция, следуя шаблонной схеме осуществления «цветных революций» в 2000–2005 гг., заранее отказалась их признавать и попыталась организовать широкомасштабные акции протеста.

Е. Коростелева так описывает начало «васильковой революции»: «В ночь выборов, несмотря на плохую погоду, на Октябрьской площади в центре Минска собралась толпа численностью от 10 до 35 тысяч человек, чтобы выразить протест против фальсификации результатов выборов, протестовать против кампании запугивания, развязанной властями накануне мероприятия, продемонстрировать свое недовольство режимом». Исследователь считает, что эти события сделали президентские выборы 2006 г. в Беларуси «весьма экстраординарными». «Экстраординарность» заключалась в том, что антиправительственным молодежным движениям удалось организовать некое подобие украинского «майдана» [12, p. 213].

Белорусский «майдан», однако, продлился меньше недели. 25 марта ОМОН разогнал антиправительственную демонстрацию, разрушил созданный сразу после голосования палаточный городок, арестовал его лидеров, а заодно и кандидата от оппозиции А. Козулина. «Васильковая революция» бесславно завершилась, едва успев начаться.

Почему же, в отличие от «бульдозерной революции», «революции роз», «оранжевой революции» и «тюльпановой революции» «васильковую революцию» постиг коллапс? Отечественные и зарубежные специалисты дают приблизительно одни и те же ответы на этот вопрос. По мнению Маркуса, например, ситуация в Белоруссии отличалась от успешных кейсов по целому ряду параметров: в стране был выше уровень политических репрессий; режим Лукашенко в гораздо большей степени препятствовал деятельности независимых СМИ; оппозиция была не очень сплоченной, а ее материаль-

ная поддержка весьма ограниченной; наконец, Лукашенко действительно пользовался поддержкой самых разных слоев населения страны [4, р. 118].

Д. Марплз, в свою очередь, убежден, что внутривластная ситуация в Белоруссии весной 2006 г. не соответствовала целому ряду критериев ранее осуществленных «цветных революций». В Белоруссии, по его мнению, функционировал не полуавтократический, а полноценный автократический режим, который «значительно приблизился к откровенной диктатуре с очень ограниченными возможностями оппозиции»; популярность действующего президента была на самом высоком уровне; оппозиция не была достаточно сильной, единой и организованной [9, р. 362–363].

Отечественный исследователь С. Г. Сергеев в этой связи абсолютно справедливо замечает, что благодаря превентивным действиям правящего режима оппозиционные структуры так и не смогли обыграть тему фальсификации результатов выборов, организовав экзит-полы или параллельный подсчет голосов, что стало триггером для начала активной фазы операций по смене режимов в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии [13, с. 192]. Не смогла оппозиция рассчитывать и на поддержку средств массовой информации, особенно в деле донесения до общественности фактов о якобы сфальсифицированных результатах голосования и организации собственной протестной активности в этой связи. В отличие от соседней Украины, где СМИ сыграли важнейшую роль в «оранжевой революции», в Республике Беларусь правящий режим сумел вовремя ликвидировать данную угрозу [9, р. 362–363]. Не сработала ставка оппозиции и на ударную силу предыдущих «цветных революций» – антиправительственные молодежные и студенческие организации. И. С. Борзова отмечает, что в качестве тарана правящего режима организаторы «васильковской революции» планировали использовать движение «Зубр» [8, с. 75]. Однако к этому времени оно, по меткому замечанию О. Николаенко, превратилось в «старое, измученное животное» [14, р. 153], и ни ему, ни другим молодежным группировкам так и не удалось «раскачать» белорусскую молодежь и студенчество на массовые противоправные действия [10, с. 130].

В этой связи Марплз признает, что именно малочисленность протестов обусловила невозможность победы «цветной революции» в Белоруссии в 2006 г. Попытка свержения Лукашенко, по его мнению, не могла закончиться успехом и еще по одной фундаментальной причине – монолитности правящего режима, особенно его силового блока. В руководстве правоохранительных органов не существовало разногласий в вопросе подавления протестов. «Спецназ реагировал осторожно, когда был на виду (Октябрьская площадь), – резюмирует Марплз, – и безжалостно, когда его не было видно» [9, р. 363].

В отличие от своего украинского коллеги, как верно указывает А. С. Трифонов, президент Лукашенко для эффективного разгона протестующих действительно без колебаний реализовал право государства на применение

легитимного насилия, подавив протесты в зародыше. В целом провал «цветной революции» в Республике Беларусь предопределил целый ряд факторов, среди которых он выделяет разрозненность и дезорганизованность оппозиции; эффективные превентивные меры, принятые правящим режимом, в том числе на основе изучения опыта уже состоявшихся «цветных революций» на постсоветском пространстве; решительное использование легитимного насилия в отношении протестующих [5, с. 189]. Отечественный автор С. Г. Давыдов также акцентирует внимание на том, что Лукашенко и его окружение извлекли необходимые уроки из уже состоявшихся «цветных революций» и вопреки ожиданиям оппонентов со стороны внешнего контура продемонстрировали мощный запас прочности режима [10, с. 130]. При этом, как очень тонко замечает Борзова, сам президент «воспринимался большей частью белорусского общества как самый популярный политик, мудрый государственный деятель и защитник национальных интересов всего государства и простых граждан в частности» [8, с. 75].

На наш взгляд, «васильковая революция» провалилась из-за двух фундаментальных причин. Во-первых, в Белоруссии отсутствовали эффективные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для массового народного недовольства и тем более для смены власти. Во-вторых, сам правящий режим предпринял все необходимые меры для купирования протестной активности и не позволил отработанным в ходе предыдущих «цветных революций» сценариям реализоваться в Белоруссии. Наконец, нельзя обойти вниманием и фактор личности самого белорусского президента, показавшего себя в непростой ситуации в качестве настоящего лидера и государственника. Возможно, как пишет известный западный исследователь вопроса М. Бейссингер, А. Лукашенко порой и прибегал к «кафкианским ограничениям» [15, р. 269], что позволило предотвратить самое негативное для Белоруссии развитие событий и не пойти по гибельному пути своего южного соседа.

В заключение следует сказать, что «васильковая революция» (или, как ее именуют на Западе, «джинсовая революция») занимает особое место в многогранном феномене «цветных революций», которые прокатились по странам Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии в начале XXI в. Она не раз становилась объектом изучения в западной и отечественной историографии, но многие научные сюжеты, связанные с событиями 2006 г. в Белоруссии, все еще ждут своего исследователя.

Ссылки

1. Наумов А. О. «Цветные революции». Москва: Кучково поле, 2023. 496 с.
2. Gerlach J. Color Revolutions in Eurasia. New York: Springer, 2014. 61 p.
3. Silitski V. Preempting Democracy: The Case of Belarus // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16, No 4. P. 83–97.

4. Markus U. Belarus // *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures* / ed. by D. Ó Beachain, A. Polese. London: Routledge, 2010. P. 118–135.

5. Трифонов А. С. «Революции» в Украине (2004) и Республике Беларусь: сравнительный анализ // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 10-2 (48). С. 185–191.

6. Korosteleva E. Questioning democracy promotion: Belarus' response to the 'colour revolutions' // *Democratization*. 2012. Vol. 19, No 1. P. 37–59.

7. Стром А. Амбиции – и больше ничего: политическая оппозиция в Беларуси: участие в президентских избирательных кампаниях // *Беларуская думка*. 2013. № 10. С. 66–70.

8. Борзова И. С. Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX–начала XXI века // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. Т. 1, № 4. С. 72–76.

9. Marples D. Color Revolutions: The Belarus Case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. No 39. P. 351–364.

10. Давыдов С. Г. Оппозиционные объединения молодежи в современной Белоруссии // *Современная научная мысль*. 2014. № 6. С. 128–134.

11. Ambrosio T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution // *Demokratizatsiya*. 2006. Vol. 14, No 3. P. 407–434.

12. Korosteleva E. Was There a Quiet Revolution? Belarus After the 2006 Presidential Election // *Rethinking the "Coloured Revolutions"* / ed. By D. Lane, S. White. Abingdon: Routledge, 2010. P. 212–234.

13. Сергеев С. Г. Выборы президента Республики Беларусь в контексте международных избирательных стандартов: правовой и политический аспекты // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2006. Т. 2, № 4. С. 185–193.

14. Nikolayenko O. *Youth Movements and Elections in Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 270 p.

15. Beissinger M. *The Revolutionary City. Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. New Jersey: Princeton University Press, 2022. 592 p.

Modern Western Sovietology on the problem of child homelessness in the USSR in the 1920s – 1930s

N. V. Ryabinina¹, M. V. Grebennik¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-218-227

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the main works of modern Western historians considering the problem of child homelessness in the USSR of the 1920s-1930s. The classification of foreign studies depending on the object of study is proposed. Highlights the main provisions of the works concerning these problems, as well as the specific features of the methodology of the authors. As a result of the analysis, the strengths and weaknesses of Western Sovietology on the studied problems were highlighted, and a conclusion was made about the complementarity of Russian and foreign studies on this topic.

Keywords: USSR; homelessness; childhood; social policy; historiography; sovietology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ryabinina, Natalia V. | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Grebennik, Mikhail V. | E-mail: grebennik.mihail@mail.ru
Graduate

Современная западная советология о проблеме детской беспризорности в СССР 1920–1930-х гг.

Н. В. Рябина¹, М. В. Гребенник¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-218-227
УДК 930

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются основные работы современных западных историков, рассматривающих проблему детской беспризорности в СССР 1920-х – 1930-х годов. Предложена классификация зарубежных исследований в зависимости от объекта изучения. Выделяются основные положения работ, касающиеся обозначенных вопросов, а также специфические особенности методологии авторов. В результате проведенного анализа были выделены сильные и слабые стороны западной советологии применительно к изучаемой проблематике, сделан вывод о взаимодополняемости отечественных и зарубежных исследований по теме.

Ключевые слова: СССР; беспризорность; детство; социальная политика; историография; советология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябина, Наталья Валерьяновна | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Гребенник, Михаил Викторович | E-mail: grebennik.mihail@mail.ru
Магистрант

Отечественная историческая наука долгое время развивалась в отрыве от мировой. Современные российские авторы знакомы с накопленным к началу нынешнего столетия объемом иностранных исследований. Однако используется данный опыт зарубежных коллег нечасто, возможно в силу все еще существующего предвзятого отношения к западной советологии.

История семьи и детства – неотъемлемая часть мировой системы гуманитарного знания – как самостоятельное направление исследований оформилась сравнительно недавно [1, с. 27]. Отечественная традиция изучения

проблемы долгое время строилась на принципе «государство – субъект, дети – объект». Такой подход отчасти был оправдан: многие письменные источники по теме напрямую связаны с деятельностью советских государственных и партийных органов. Однако по мере того как развивались методы исторического исследования, становилось ясно, что проблему детской беспризорности нельзя рассматривать исключительно через призму официальных документов. Анализ указанной проблемы требует от историка комплексного подхода через использование материалов периодической печати, художественной литературы, письменных источников личного происхождения и устных свидетельств.

На необходимость изучения истории детства с применением максимально широкого круга материалов первыми обратили внимание западные учёные. Филипп Арьес – французский историк, которого принято относить ко второму поколению школы Анналов, – в 1960 г. опубликовал монографию «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке». Она положила начало новой традиции научного анализа [2]. Детство стало самостоятельной категорией исторического изучения: исследователи начали рассматривать детей как самостоятельных участников общественной жизни, имеющих свои интересы, культуру и даже язык. В российскую науку такой подход приходит с большим опозданием: работа Ф. Арьеса была переведена на русский язык лишь в 1999 г. [3].

Ряд зарубежных исследований, так или иначе затрагивавших обозначенную проблему, вышел в 1950–1980-е гг. Они основывались на достаточно ограниченной источниковой базе, доступной западным советологам. Наиболее значимые труды, анализирующие детскую беспризорность в СССР, стали выходить после 1991 г., в связи с «архивной и историографической революцией» [4, с. 13], когда у зарубежных авторов появился полноценный доступ к российским архивам.

Можно условно выделить три группы исследований по указанной проблематике. Первая включает в себя работы, в которых детская беспризорность рассматривается в контексте изменений советской семейной политики, а борьба с аномалией выступает в качестве государственной функции социальной защиты граждан. Авторы, труды которых можно отнести ко второй группе, делают акцент на репрессивном характере мероприятий, проводимых в Советском Союзе с целью ликвидации проблемы. Особое внимание уделяется системе мест заключения для несовершеннолетних правонарушителей. Объектом изучения в третьей группе исследований является советское детство – особенности повседневности в переломное время. Историки стараются рассмотреть основные черты жизни детей Страны Советов, проанализировать, как на процесс взросления влияли государство и семья.

Одной из первых на проблему детской беспризорности в контексте советской социальной политики обратила внимание профессор Университета Карнеги – Меллона (США) Уэнди Голдман. В своей монографии «Женщи-

на, государство и революция...» изучаемой аномалии она посвятила главу «Первое отступление: Беспризорность и общественное воспитание детей» («The first retreat: Besprizornost' and socialized child rearing») [5, p. 59–100]. Прослеживая политику властей, автор указывает на ее неоднозначность, выделяет периоды, в рамках которых подходы к решению проблемы беспризорности существенно отличались. В исследовании приводится идея об «отступлении» («retreat») от гуманных основ работы с детьми, что наиболее ярко проявилось в 1930-е годы. Это было также «отступление» от первоначальной политики, практиковавшейся в 1917 – первой половине 1920-х годов, когда решение проблемы беспризорности мыслилось исключительно посредством системы детских домов. В условиях появления «застойной беспризорности» («chronic besprizornost'») и роста детской преступности советской власти пришлось вернуться к идее семейного воспитания. В качестве признаков «возврата» автор называет закрытие части детских домов и принятие в 1926 г. поправок к Семейному кодексу, разрешавших усыновление [5, p. 99–100].

Работа У. Голдман прежде всего посвящена анализу положения женщины в Советском Союзе. «Женский» и «детский» вопросы в концепции автора тесно переплетены друг с другом и с социальной политикой государства. Автор приходит к выводу, что в 1925–1926 гг. «семья была возрождена как “решение проблемы беспризорности”, потому что это был единственный институт, которой мог накормить, одеть и социализировать ребенка практически без затрат государства» [5, p. 100].

Под другим углом на советскую социальную политику смотрит американская исследовательница Мария Гальмарини. В своей диссертации «Право на помощь...» 2012 г. [6] и основанной на ней монографии 2016 г. [7] она рассматривает, каким образом «девиантные» граждане вписывались в советскую систему отношений между обществом и государством [8, с. 395]. Одной из анализируемых автором категорий населения становятся «морально-дефективные» дети. Отношение к ним формировала специальная наука – дефектология. Опираясь на значительную теоретическую базу, она «позволяла выводить “трудных детей” из области карательного полицейского надзора и обосновывала необходимость государственной помощи таким детям» [8, с. 396].

Однако в 1930-е гг. отношение к «девиантным» гражданам Советской Республики меняется. Лидеры государства объявляют, что в СССР созданы все условия для счастливой жизни. «Физические, гендерные и поведенческие отклонения» стали считаться лишь следствием «отсутствия у отдельных граждан моральных устоев и нежелания обеспечивать себя самостоятельно» [7, p. 175]. М. Гальмарини цитирует «партийного идеолога» А. А. Жданова, объявившего в августе 1936 г. о «ликвидации» такой категории населения, как «трудновоспитуемые» дети [7, p. 174], и приходит к выводу, что во второй половине 1930-х гг. власть перестала разбираться в причи-

нах правонарушений несовершеннолетних: дети с особенностями развития, и те, кто пошёл на преступления по социально-экономическим причинам, оказывались в учреждениях, подведомственных НКВД, где им не оказывалось ни педагогической, ни медицинской помощи [7, p. 172].

Обратим внимание на термин «активисты» («activists»), используемый М. Гальмарини. Так автор называет специалистов, занимавшихся работой с «девиантными» гражданами [7, p. 11]. В монографии им посвящена третья глава [7, p. 79–114]. М. Гальмарини отмечает двойственную роль «активистов» в социальной сфере. С одной стороны, они воспринимали помощь как средство достижения порядка в обществе и контроля над ним. Нередко такие установки воплощались в жизнь методом принуждения и даже физического насилия [7, p. 9]. С другой стороны, по мнению многих «активистов», помощь была невозможна без чёткого представления о человеческом достоинстве и должна была соответствовать высокому стандарту прав личности при социалистическом режиме [7, p. 9].

Одним из самых ярких «активистов», которые работали с «морально-дефективными» детьми, М. Гальмарини-Кабала называет Василия Исидоровича Куфаева [7, p. 169].

Отличительной особенностью послевоенной зарубежной историографии стал интерес к феномену сталинизма и советской репрессивной модели, частью которой являлась система борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Подобные акценты сохраняются и у современных исследователей. В работе американского автора Энн Эпплбаум «ГУЛАГ. Путь к Большому террору», изданной в 2003 г. [9] и переведённой на русский язык в 2006 г. [10], представлена глава «Женщины и дети» [10, с. 294–316]. Автор подчеркивает, что в 1930-е гг. значительное число детей оказывалось в детских домах после ареста родителей. Некоторые дети рождались уже в исправительно-трудовых лагерях. Спорно звучит утверждение Э. Эпплбаум о том, что в городские детские дома они обычно попадали в двухлетнем возрасте [10, с. 308].

Наиболее интересен поднятый автором вопрос об адаптации таких детей к условиям детских учреждений. Э. Эпплбаум указывает на плачевное состояние многих детдомов в изучаемый период и неоднородность состава воспитанников [10, с. 309]. Так, Владимиру Глебову (сыну Льва Каменева) пришлось приспособливаться к жизни в специальном детдоме в западной Сибири, где он был вынужден перенимать «привычки шпаны» [10, с. 310]. Четырнадцатилетнему Петру Якиру повезло еще меньше: его обвинили «в организации анархической конной банды...» [10, с. 313], за что он был направлен в тюрьму, а оттуда – в исправительный лагерь на пять лет [10, с. 313].

Анализируя источниковую базу указанных трудов, можно сделать вывод, что набор источников, доступный иностранным авторам, мало отличается от того, чем располагают отечественные исследователи, за исключением архивного материала, представленного у российских авторов

значительно шире. Огромный интерес за рубежом проявляется к сборнику «Дети ГУЛАГа...» (2002 г.) [11]. С дополнениями сборник вышел на английском языке в 2007 г. [12] В подготовке издания участвовала, в частности, профессор истории Университета Нью-Гэмпшира (США) Кэти Фриерсон, которая позднее развила обозначенную тему в работе «Молчание было спасением: советские дети, пережившие сталинский террор и Вторую мировую войну» [13]. Книга состоит из десяти устных историй детей, родители которых были репрессированы. К. Фриерсон разделила собранные материалы на три части: 1) период жизни ребенка до ареста родителя, 2) после ареста, 3) взрослая жизнь [14]. Автор признает, что книга была бы более репрезентативной, если бы она собрала больше интервью или если бы ей удалось собрать их ближе ко времени событий [14]. Тем не менее и в таком виде труд является ценным, особенно если учесть, что устные источники редко используются при разработке темы.

В рамках обозначенной проблемы наиболее интересными представляются специальные работы, посвященные советскому детству. «Брошенным детям» в Советской России посвящена монография профессора Маркеттского университета (США) Алана М. Болла, опубликованная в 1994 г. и не переведённая на русский язык [15]. На фоне более поздних работ данное исследование отличается многосторонностью. В рамках книги автор анализирует причины появления аномалии, государственную политику в отношении беспризорных, быт и культуру таких детей. Само название работы «Но теперь уж душа очерствела...», являющееся переводом строки из песни 1920-х гг., говорит о степени погружения автора в тему.

Благодаря обозначенному подходу, учёному удалось достигнуть высокой степени объективности. А. Болл приходит к выводу, что в значительном росте детской беспризорности в 1918 – начале 1920-х гг. нельзя винить исключительно большевиков: причины появления аномалии были глубже, нежели непродуманная политика социалистического правительства [15, р. 198]. Применительно к 1930-м гг. автор выделяет два аспекта. С одной стороны, политика государства в обозначенный период породила новую, эндогенную, волну беспризорности [15, р. 190]. Она была связана прежде всего с проводимыми в деревне процессами коллективизации и раскулачивания. В условиях экстенсификации труда в годы первых пятилеток обострялась проблема безнадзорности в городах: родители выполняли и перевыполняли планы, а детей воспитывала «улица». С другой стороны, начавшаяся индустриализация создавала большое количество новых рабочих мест, что позволило ликвидировать безработицу, в том числе среди подростков, что отчасти смягчало проблему беспризорности [15, р. 191].

Исследователь обращает внимание на то, что романтизированный образ беспризорных существовал лишь в официальной пропаганде, обыватели воспринимали таких детей как источник опасности. Выпускников детдомов неохотно брали на работу, считали бездельниками и ворами; девушкам,

воспитанным в детских домах, было сложно выйти замуж [15, р. 188]. Сами детдома горожане старались обходить стороной: от энтузиазма в отношении к ним, наблюдавшегося в первые постреволюционные годы, очень скоро не осталось ни следа; их стали «клеить как приюты для отбросов общества» [15, р. 192]. Особо, по мнению автора, следует отметить роль тех советских руководителей, педагогов, журналистов, которые в сложившихся условиях пытались внести посильный вклад в решение данной проблемы [15, р. 199].

Работа профессора Уэст-Честерского университета (США) Л. Киршенбаум «Маленькие товарищи: революционизация детства в Советской России» посвящена в первую очередь детям дошкольного возраста. Однако ценные идеи, касающиеся беспризорности, в ней тоже имеются. Так, по мнению автора, нерешённость «детского вопроса» в Советской России стала одной из причин, тормозящих процесс женской эмансипации [16, р. 1]. Необычно звучит мысль о том, что беспризорников в 1920-е гг. идеализировали, считая их «эмансипированными детьми» [16, р. 143]. Однако в 1930-е гг. стало преобладать представление о социальной опасности таких детей и необходимости усиления ответственности взрослых за поведение несовершеннолетних [16, р. 143–144].

Особого внимания заслуживает исследование профессора русистики Оксфордского университета (Англия) Катрионы Келли «Мир детей: взросление в России», опубликованное в 2007 г. [17]. Проблеме детской беспризорности посвящена вторая часть работы под названием «Дети сами по себе» («Children on their own»), разделённая на четыре главы. В ней К. Келли последовательно анализирует положение детей, оставшихся без попечения родителей, прослеживая изменения на протяжении целого столетия – с 1890 г. до распада Советского Союза [17, р. 157–286]. Третья глава, «Дети государства, 1935–1953 гг.» («Children of the State, 1935–1953») [17, р. 221–257], переведена на русский язык и размещена в Сети в виде отдельной статьи [18].

Можно согласиться с мнением исследователя А. А. Славко в том, что работа ставит новые, пока мало изученные в отечественной историографии проблемы: в частности, вопрос об использовании в Советском Союзе опыта работы с трудными подростками, накопленного в дореволюционной России [4, с. 14]. Не менее ценной является информация относительно положения воспитанников детских домов. Исследовательница отмечает, что в некоторых случаях материальное обеспечение таких детей было лучше, чем у «семейных», а к их плохому поведению относились более лояльно [17, р. 219]. Еще один слабо проработанный в отечественной историографии вопрос, поднятый в исследовании, касается профессиональной деятельности выпускников детских домов. Автор акцентирует внимание на том, что такие юноши и девушки занимались в основном неквалифицированным трудом, несмотря на «утопические заявления о развитии индивидуальных интересов воспитанников» [17, р. 218].

Многие проблемы, затронутые К. Келли, заслуживают отдельного изучения. Как изменялся образ беспризорного ребёнка в официальной пропаганде? [18] Как соотносится положение «детей государства» и «семейных детей» в изучаемый период? [17, р. 218] В чем сходство и различие в воспитании сирот в Советской России и Европе? [17, р. 219] На данные вопросы отечественным и зарубежным исследователям еще предстоит ответить.

Пик интереса зарубежных исследователей к проблеме советской беспризорности прошёл – значительная часть рассмотренных в статье работ вышла в конце 1990-х – 2000-е гг. Однако разработка темы продолжается. Так, в 2023 г. была издана монография профессора государственного университета Кеннесо (США) Б. Б. Горшкова «Темная сторона раннего советского детства 1917–1941» [19]. Автор разделяет взгляды, сложившиеся в эмигрантской литературе, согласно которым советская внутренняя политика считалась неэффективной и даже провальной. По мнению исследователя, именно непродуманный курс большевиков вызвал общую гуманитарную катастрофу, которая ускорила рост сопутствующих проблем, в том числе и беспризорности [19, р. 3]. Более того, меры государства по борьбе с детской бездомностью и голодом часто усугубляли эти бедствия и создавали новые. В книге подчеркивается разница между идеологическими установками, моральными нормами и реально проводимой политикой [19, р. 3–4].

Если «отправную точку» работы нельзя назвать новой, то ряд других идей автора заслуживает внимания. Так, Б. Б. Горшков, проанализировав термин «беспризорный», отмечает, что в советское время он подразумевал именно ребёнка, хотя беспризорные-взрослые, несомненно, существовали [19, р. 4–5]. Сам феномен беспризорности воспринимается автором как динамическое явление: одни дети выросли, другие – находили место в детдомах, третьи – умирали на улицах и, наконец, были дети, которые, наоборот, сбегали из семей или специальных учреждений, пополняя ряды беспризорных [19, р. 5–6].

Очевидно, что при изучении детской беспризорности иностранные авторы недостаточно внимания уделяют терминологии. Определенные проблемы в этой области существуют и в отечественной историографии, например, с разграничением понятий «беспризорность» и «безнадзорность», однако они носят главным образом методологический характер. В зарубежных исследованиях подобные трудности вызваны в первую очередь непониманием социокультурных особенностей Советской России. При анализе общественных инициатив по борьбе с беспризорностью иностранными авторами нередко применяются обозначения «благотворительность» и «филантропия» [15, р. 48, 52, 144]. Однако современники изучаемых событий подобных слов старались избегать. Во многом благодаря проводимой пропаганде, благотворительная деятельность связывалась с прежним строем, воспринималась как унижительная для человеческого достоинства подачка со стороны представителей бывших господствующих классов. Мероприятия по оказанию

помощи нуждающимся со стороны широких слоев населения именовались общественной помощью [20, с. 39–40].

Подводя итоги, отметим, что отечественные и зарубежные исследования по изучаемой теме не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Иностранцы поднимают вопросы, которые в отечественной науке мало изучены. В частности, слабо освещена проблема трансформации образа беспризорного ребёнка в официальной пропаганде и представлении обывателей; недостаточное внимание уделяется поиску связей между решением «женского вопроса» и исследуемой аномалией; фрагментарно изучены судьбы детей, пострадавших от потрясений 1917 г. – 1930-х гг.

В зарубежной литературе более активно используются новые методы исследований. Например, У. Голдман рассмотрела проблему с точки зрения гендерного подхода, М. Гальмарини – на основе интеллектуальной истории. А. Болл и К. Келли, анализируя в своих работах стереотипные представления советских граждан о беспризорных, осветили аномалию с позиции истории ментальности. Примером развития темы в русле устной истории является серия интервью, собранная К. Фриерсон.

В чём-то результаты зарубежных исследований повторяют выводы российских учёных, в чём-то дополняют их, определяя новые векторы для разработки темы. Среди проблем, существующих в западной историографии, можно отметить нередко поверхностное понимание специфики советской действительности и российского менталитета, дефицит источникового, прежде всего архивного материала.

Остаются также слабые звенья в историографии в целом. В частности, значительный пласт художественной литературы про беспризорных остается практически невостребованным. Аномалию продолжают изучать «сверху вниз», и крайне редко научный анализ доходит до последнего звена – самого ребенка, т. е. необходимо более активно использовать микроисторический подход. И, наконец, слабо используются количественные методы, несмотря на обилие статистической информации и массовых источников. Таким образом, только посмотрев на проблему под разными углами, можно будет создать подлинную картину советского прошлого.

Ссылки

1. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни, 1917–1940 гг. М.; СПб.: ИРИ РАН: центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
2. Ariès P. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Librairie Plon, 1960. 503 p.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
4. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2005. 27 с.

5. Goldman W.Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 367 p. URL: <https://archive.org/details/womenstaterevolu0000gold> (accessed 08.05.2023)

6. Galmarini M. *The «right to be helped»: welfare policies and notions of rights at the margins of Soviet society, 1917 – 1950: Dissertation... for the degree of Ph.D. in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana-Champaign, 2012*. 338 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/10201095.pdf> (accessed 08.05.2023)

7. Galmarini-Kabala M. C. *The right to be helped: deviance, entitlement, and the Soviet moral order*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 322 p. URL: <https://www.perlego.com/book/1039003/the-right-to-be-helped-deviance-entitlement-and-the-soviet-moral-order-pdf> (accessed 08.05.2023)

8. Клоц А. Советская система социальной защиты: между эмансипацией и контролем. Galmarini-Kabala M. C. (2017) *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 322 p. IBAN: 978-0-87580-769-0 // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 2. С. 395–398. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/7837> (дата обращения: 17.01.2024).

9. Applebaum A. *Gulag: A history of the Soviet camps*. London [etc.]: Allen Lane: Penguin books, 2003. 610 p.

10. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.

11. Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М.: МФД, 2002. 631 с.

12. *Children of the Gulag*. New Haven; L.: Yale univ. press, 2010. 450 p.

13. Frierson C. A. *Silence was salvation: child survivors of Stalin's terror and World War II in the Soviet Union*. New Haven; L.: Yale univ. press, 2015. 267 p.

14. Bath D. W. Review of *Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union*, by Cathy A. Frierson // *Oral History Review*. 2017. Vol. 44, № 1. P. 136–138. URL: muse.jhu.edu/article/660076 (дата обращения: 13.12.2023).

15. Ball A. M. *And Now My Soul is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley: University of California Press, 1994. 335 p. URL: <https://archive.org/details/andnowmysoulisha00alan> (дата обращения: 10.11.2023).

16. Kirschenbaum L. A. *Small comrades: revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N.Y.; L.: Routledge Falmer, 2001. 232 p.

17. Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale University Press, 2007. 714 p. URL: <https://archive.org/details/childrensworldgr00kell/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 10.11.2023).

18. Келли К. Дети государства, 1935–1953 // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 2. С. 37–68. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html> (дата обращения: 10.11.2023)

19. Gorshkov B. B. *The Dark Side of Early Soviet Childhood, 1917–1941. Children's Tragedy*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2023. 220 p. URL: <https://www.bloomsbury.com/us/dark-side-of-early-soviet-childhood-19171941-9781350098688/> (дата обращения: 10.11.2023).

20. Рябинина Н. В. Социальная пропаганда в Советской России в 1917–1920-е годы: идеи, формы, результаты // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 37–43.

Between law and economics: about the scientific heritage of R. A. Posner

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-228-241

Research article
Full text in Russian

The author analyzes the life and scientific heritage of the famous American lawyer and federal judge R.A. Posner. The emergence of the scientific direction and academic discipline “economic analysis of law” is associated with his name. Attention is drawn to the ideological, theoretical and methodological foundations of this direction, associated with the extension of the basic postulates of neoclassical economic theory to the law. This is partly due to Posner’s ignorance of traditional legal issues of justice and his disdainful attitude towards the rule of law. Significant attention is paid to the evolution of the scientist’s views in the 21st century, which is clearly insufficiently paid attention to in domestic literature, especially economic literature. This evolution went in the direction of revaluing the role of the influence of the free market on economic processes and law enforcement practice, recognizing the more important role of irrational principles in human behavior. It is noted that modern researchers of the problems of interaction between law and economics, including the son of the hero of the article, Eric Posner, adhere to more moderate positions based on the equal interaction of law and economics.

Keywords: R. A. Posner; law; economics; “economic analysis of law”; benefit maximization; justice; legality

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
D. Sc. (Jurisprudence), D. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Между правом и экономикой: о научном наследии Р. А. Познера

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-228-241
УДК 346+340.15

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется жизненный путь и научное наследие известного американского правоведа и федерального судьи Р. А. Познера. С его именем связано возникновение научного направления и учебной дисциплины «Экономический анализ права». Обращено внимание на идейно-теоретические и методологические основы данного направления, сопряженного с распространением на право основных постулатов неоклассической экономической теории. Отчасти с этим связано игнорирование Познером традиционных для правоведения вопросов справедливости и пренебрежительное отношение к законности. Существенное место уделено эволюции взглядов ученого в XXI в., на которую в отечественной литературе, особенно экономической, обращают явно недостаточное внимание. Эта эволюция шла в направлении переоценки роли влияния свободного рынка на экономические процессы и правоприменительную практику, признание более важной роли иррациональных начал в человеческом поведении. Отмечено, что современные исследователи проблем взаимодействия права и экономики, в том числе сын героя статьи Эрик Познер, придерживаются более умеренных позиций, основанных на равноправном взаимодействии права и экономики.

Ключевые слова: Р. А. Познер; право; экономика; «экономический анализ права»; максимизация выгоды; справедливость; законность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович	Е-mail: aclu0909@yandex.ru
	Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Ричард Аллен Познер (род. 11 января 1939 г., Нью-Йорк, США) у многих юристов вызывает весьма противоречивые чувства – от восторга до полного отторжения, причем имеются основания как для первого, так и для второго. Одновременно его относят к числу выдающихся экономистов [1, с.236-237], притом что он считает мнение о своих выдающихся заслугах в этой области слишком преувеличенным, но для себя признает это очень приятным. Широкую известность получило его высказывание в том духе, что он не ученый-экономист и у него нет экономического образования, однако ему интересна эта область и он не стыдится писать о ней. В этой связи и многие профессиональные экономисты находят его подход к экономике весьма своеобразным и проблематичным. Перед нами классическая ситуация в стиле «свой среди чужих, чужой среди своих».

Это не отменяет того, что Познер – самый высококлассный юрист из сторонников «экономического анализа права», собственно, автор этого термина и что именно он внес решающий вклад в формирование данного направления, до сих пор во многом являясь его символом. Более того, многие сторонники этого направления – юристы по образованию и виду профессиональной деятельности – являются только более, а скорее менее удачными подражателями Познеру. Чтобы понять масштабы этой личности, необходимо начать с биографии.

Познер родился в еврейской семье выходцев из Восточной Европы в 1939 г., причем его отец некоторое время был успешным адвокатом, а мать преподавала литературу в школе. Первоначально, не без влияния матери, Ричард выбрал изучение литературы и английского языка в Йельском университете, который окончил в 1959 г. и получил диплом бакалавра филологии (с отличием). С этим связано его хорошее владение пером и профессиональное знание литературы.

Затем было обучение в Школе права Гарвардского университета (в 1962 г. получил диплом бакалавра права (с отличием)), где он был первым по успеваемости на своем курсе и принимал участие в издании «Harvard Law Review». Далее последовала успешная карьера практикующего юриста в государственных органах, причем судьба сводила Познера с неординарными личностями. Так, с 1962 по 1963 гг. он являлся сотрудником канцелярии судьи Верховного суда США У. Бреннана (1907–1997), лидера либерального крыла в судебном корпусе. Почти легендарной стала история о том, как начинающий юрист подготовил проект решения, расходящейся с заданием своего шефа, но которое после обсуждения было принято Верховным судом. Затем Познер занимал пост советника члена Федеральной торговой комиссии Ф. Элмана (1918–1999). Эта работа не принесла ему особого удовлетворения, а впоследствии Познер вообще утверждал, что Федеральная торговая комиссия должна быть упразднена. Начинающий юрист продолжил свою трудовую деятельность в Управле-

нии заместителя министра юстиции США под руководством Т. Маршалла (1908–1993), ставшего затем членом Верховного суда США с 1967 по 1991 гг.

Наконец, в 1968 г. началась педагогическая карьера молодого юриста, принявшего предложение преподавать в Стэнфорде. В 1969 г. он занимает должность старшего преподавателя в Чикагском университете, с которым остается связан до конца своей педагогической карьеры (с 1981 г. – профессор Школы права этого университета по совместительству). Познер выступил подлинным энтузиастом углубленного изучения экономической теории в школах права. Вместе с двумя другими профессорами, Р. Коузом (1910–2013) и Ф. Инстербруком (р. 1948), он сыграл важнейшую роль в этой своеобразной ориентации чикагских студентов-юристов на ценности экономики свободного рынка. Такому однозначному подходу способствовало его знакомство с чикагскими экономистами А. Директором (1901–2004) и Дж. Стиглером (1911–1991), которые оказали на него существенное влияние. Еще более значимо впоследствии было влияние Г. Беккера (1930–2014), главным идеологом «экономического империализма», о котором Познер отзывался с неизменным уважением и даже вел совместный блог. В 2009 г. они подготовили совместное исследование, посвященное широкому кругу проблем от брака до терроризма.

Интерес ученого к либеральной экономической теории был связан и с изменением его политической позиции. Если в начале своей юридической карьеры он считался либералом, то под влиянием ряда факторов, в том числе студенческих волнений 1968 г., Ричард занял более консервативную позицию и стал симпатизировать республиканской партии. Это косвенно отразилось и на его подходах к вопросам дерегулирования экономики, а равно примату экономического подхода к праву.

Кроме того, ученый стал одним из основателей «Journal of Legal Studies» («Журнала правовых исследований») (с 1972 по 1981 – его редактор), вступил в Американскую ассоциацию адвокатов и Американский институт права. В 1972 г. он подготовил свое главное исследование «Экономический анализ права», которое на 2014 г. выдержало 9 изданий.

Наконец, президент США Р. Рейган назначил Познера судьей Апелляционного суда по седьмому округу (Чикаго) в 1981 г. С 1993 по 2000 гг. он был главным судьей этого же суда, оставаясь по совместительству профессором Чикагского университета. Вызывает уважение то, что судебные решения он готовил сам, причем их число очень велико. Более того, Познер был единственным из судей Апелляционного суда, который время от времени добровольно исполнял обязанности судьи первой инстанции в нижестоящих судах, получая специальное назначение на рассмотрение того или иного дела, чтобы не утрачивать связи с текущей судебной практикой. Он всегда оставался верен себе и в Апелляционном суде готовил в среднем около 90 особых мнений в год. Это говорит и о том, что другие

судьи часто принимали не устраивающее Познера решение, да и принятие им в качестве судьи первой инстанции решения нередко отменялись в вышестоящих судебных инстанциях. К тому же он всегда подчеркивал, что для занятия должности федерального судьи необходимо установить предельный возраст в 80 лет (сам от ушел в отставку в 78 лет).

О его авторитете свидетельствует и то, что в 1999 г. Познер был приглашен как частный посредник между сторонами, участвующими в антимонопольном деле «Microsoft». С 2017 г. Познер – судья в отставке, однако первоначально он продолжил заниматься преподаванием и научными исследованиями. В этом же году вышла его последняя крупная работа «Федеральная судебная система: сильные и слабые стороны». В начале 2018 г. у него была диагностирована болезнь Альцгеймера, и с 2021 г. он находился в специализированном учреждении для престарелых.

Его заслуги в области образования и науки получили широкое признание. Познера считают одним из наиболее влиятельных учёных в сфере права (особенно антимонопольного) и экономики, основателем научного направления «экономический анализ права». Вполне закономерно, что его имя выносится в заголовки работ о взаимодействии права и экономики [2].

Познер является автором около 40 книг по юриспруденции, философии и истории права, а также по ряду других вопросов. Число опубликованных им статей составляет свыше 600, причем по огромному кругу актуальных проблем, в том числе связанных с интеллектуальной собственностью, антимонопольным законодательством, уголовным правом, договорным правом, гражданскими правами, а также с наркотиками, расовым вопросом, сексом, гомосексуальностью, однополыми браками, абортами, сексуальным скандалом с участием президента США Б. Клинтона и М. Левински, защитой животных, войной в Ираке, со старением и эвтаназией, СПИДом и др.

«Journal of Legal Studies», одним из создателей которого он был, назвал Познера наиболее цитируемым учёным-правоведом в XX в. (уточним – преимущественно в США). Его работы цитировались 7 981 раз по сравнению с 4 488 цитированием его непримиримого оппонента, американского юриста Р. Дворкина (1931–2013), ставшего вторым. В 1999 г. газета «Нью-Йорк таймс» назвала его в качестве одного из наиболее уважаемых судей в США. Наконец, по результатам опроса журнал «Legal Affairs», проведенного в 2004 г., судья был назван одним из двадцати главных правовых мыслителей США.

В 2005 г. Познер был претендентом на должность судьи Верховного суда США, но не был даже предложен на нее из-за своей «скандальной» позиции по ряду принципиальных проблем. Это его не очень расстроило, т. к., по словам Познера, в его планы и не входило избираться в Верховный суд, причем о действующем составе этого суда он был весьма невы-

сокого мнения. Однако ориентирами для него служил бывший в прошлом судья и председатель этого суда О. У. Холмс (1841–1935) и судья Апелляционного суда Л. Хэнд (1872–1961). Именно последний из них сформулировал в 1947 г. известное «правило Хэнда», согласно которому при внедоговорном причинении вреда виновным признается тот, чьи затраты на возможное предотвращение аварии были меньше, чем вероятность аварии, умноженная на стоимость убытков от аварии. Кроме того, Хэнд впервые использовал математический метод и рациональный анализ затрат и выгод при рассмотрении конкретного дела, которое стало прецедентом и источником деликтного права США. Следовательно, если размер затрат или бремени на предотвращение аварии или иного происшествия является меньше ожидаемых потерь от аварии, сторона должна считаться проявившей небрежность. Такой подход впоследствии широко использовал и наш судья.

Отметим, что в России до начала XXI в. Р. Познер был почти неизвестен, особенно среди юристов. Важное значение для роста популярности американца в нашей стране имела публикация его основной работы «Экономический анализ права» (по изданию 1998 г.) [3–4]. Почти одновременно начали печататься и статьи данного автора [5–7], но особое место занимает выход одной из его основных работ «Рубежи теории права» [8]. При этом специально посвященные ему работы в отечественной литературе весьма редки [9–12], да и отношение отечественных юристов к его подходам в основном критическое или скептическое, причем его известность и сейчас нельзя назвать широкой. Так, Ю. А. Тихомиров, в целом позитивно относящийся к взаимодействию права и экономики, отметил: «Очень устойчивой оказалась трактовка права в рамках парадигмы «базис – надстройка». Своего рода ее продолжением является концепция американского профессора Ричарда Познера об экономическом анализе права» [13, с.192]. Впрочем, отечественные экономисты относятся к нему более позитивно, причем американец стал почти обязательным персонажем в учебниках по истории экономических учений.

Напомним, что более подробно идейную основу и методологию «экономического империализма» мы рассматривали в своих предыдущих исследованиях [14, с. 80–89]. Она связана прежде всего с именем американского экономиста Г. Беккера, причем с Познером они были в целом единомышленники. Стоит согласиться с тем, что «если Беккер открыл путь для экономического анализа, затрагивающего все сферы жизни, то именно Познер подхватил этот подход и направился с ним в самые потаенные уголки права» [2, с. 180]. В самом общем смысле подход Познера заключался в распространении на право экономических неоклассических экономических подходов и «законов», в том числе модели «человека экономического», теории рационального выбора и максимизации выгоды.

Особенностью подхода американского юриста к социальным явлениям было его сближение экономики с естественными науками, и прежде всего с физикой. В обосновании такого сближения Познер опирался на воззрения малоизвестных методологов науки, которые проводили параллели, вплоть до отождествления, между экономической и естественными науками, что можно признать крайним упрощением и даже вульгарностью. Так, он находил много общего между астрономией и экономической теорией, в том числе между стандартной моделью происхождения Вселенной и гипотезой об эффективности общего права. Примечательно, что последнюю гипотезу он считал еще более гипотетической, чем стандартную модель, но именно данная гипотеза «создает последовательную теоретическую основу для будущего» [5, с. 332–333]. Право, насколько можно понять, Познер все-таки не считал естественной наукой, но вот «экономический анализ права» к ней явно тяготел. Нам представляется, что «естественная» экономика, анализирующая гуманитарное право, весьма химерична уже в силу этого странного сочетания.

Философские воззрения американца основаны на прагматизме и утилитаризме (от которого он пытался впоследствии неудачно отрешиваться), однако его юношеский либерализм в более зрелые годы сменился консерватизмом (его традиционно величали «видным консерватором»), который претерпел в начале XXI в. некоторую трансформацию (о ней отдельно). Познер как исследователь первоначально всецело принадлежал к чикагской экономической школе.

Приоритет снижения транзакционных издержек (прежде всего затрат на заключение и исполнение сделок) и экономическая эффективность были для него, как и для экономистов-неоклассиков, абсолютными. Исходя из этого Познер утверждал, что общее право, в том числе уголовное, должно способствовать повышению экономической эффективности, как это делает сам рыночный механизм. Действительно, как полагал американец, добровольные сделки на свободном рынке ведут к увеличению общественного благосостояния, т. к. в противном случае они просто не состоялись бы. Соответственно, право в целом и суды в частности должны подражать рынку и устранять препятствия для свободных сделок. По его мнению, весь смысл существования правовой системы должен сводиться к повышению эффективности договорного права и права собственности, а не к созданию справедливой (в правовом смысле) судебной системы или общей системы гражданских свобод [6, с. 16].

Познер сформулировал ряд других положений, которые практически для любого юриста представляют собой чистую крамолу. Так, правовая система и любой из ее элементов должны рассматриваться не с точки зрения принципа справедливости, а с точки зрения альтернативных затрат и готовности платить. Иными словами, критерием справедливости

и правильности того или иного судебного решения провозглашалось его влияние на экономическую эффективность, которая измеряется приростом национального дохода. По его мнению, общее право пронизано экономической логикой и стремлением к экономической эффективности, причем даже если судьи этого не понимают, то они придерживаются здравого смысла и интуиции. Последние же опираются на то, что справедливость только разновидность этой самой эффективности. Заметим, что это весьма странная трактовка как здравого смысла, так и интуиции, особенно для правоведов.

Широко известно его утверждение, что верховенство закона является случайностью и необязательным элементом правовой идеологии. Характерно, что одна из его основных публикаций именуется «Преодоление закона» (1995 г.). Очевидно, что экономическая целесообразность и практическая польза для него выше законности, что может любого юриста поставить в тупик. Познер был убежден, что у закона нет соответствующих механизмов, обеспечивающих экономическую эффективность. В этой связи при любых сбоях рынка не надо обращаться к законодателям и администраторам: надо просто положиться на общее право (в лице судей) и оно приведет к экономически эффективному результату. Отсюда его откровенное недоверие к законодателям и администраторам (т. к. они действуют в пользу «группы интересов») и желание «преодолеть закон». Такой подход нашего героя сильно контрастирует даже с распространенным толкованием законности в американской юридической науке и диаметрально расходится со взглядами сторонников юридического позитивизма [15].

Бросается в глаза моральный релятивизм и даже скептицизм Познера, его крайний прагматизм (если что-либо сложно предотвратить и контролировать, то надо легализовать) и излишнее увлечение ницшеанством [8, с. 157–164, 185, 197, 223, 339]. Последнее было настолько велико, что американец нередко предполагал, что по тому или иному поводу сказал бы немецкий философ Ф. Ницше. При оценке истории он вообще является едва ли не главным авторитетом.

Высказывания Познера о допустимости применения пыток (в исключительных случаях) и пренебрежительные (до презрительных) отзывы о лицах, отбывающих наказание по решению суда, пикировка с защитниками животных в свое время вызвали неприятие у многих юристов. Кстати, в силу своих вышеназванных скандальных высказываний, он никогда не был членом Верховного суда США (о чем упоминалось выше), но каковым его любят именовать российские поклонники. С именем ученого ассоциируется крайний консерватизм (в т. ч. симпатии к рейгономике (именно Р. Рейган назначил Р. Познера федеральной судьей)), неприятие любых разновидностей социализма, гипертрофированное отношение к рынку и постулирование существования даже «рынка судебных пре-

цедентов», на котором судьи осуществляют их выбор, абсолютизация экономической эффективности даже во внеэкономической сфере и др. Его ненависть к «красным» порой принимала гротескные формы. Например, он утверждал, что «красные» окопались в США даже на университетских кафедрах английского языка и литературы. Естественно, это вызывало вполне ироничные отзывы [16, с. 22]. Свою позицию Р. Познер основывал на усредненных среднестатистических данных, или «гауссиане», призывая ориентироваться на эти усредненные данные всех, включая юристов, игнорируя при этом элементы иррациональности и случайности. Вот как об этом написал экономист и философ Н. Талеб (р.1960), назвавший Познера «судьей» и «плодовитым писателем». «Познер сетует, что госчиновники ничего не смыслят в случайности, и рекомендовал высшим должностным лицам учиться... у экономистов. Поистине, судья Познер пытается спровоцировать катастрофу. Жаль, конечно, что он большую часть времени отдает писательству, а не чтению, но, несмотря на это, мыслитель он пронизательный, глубокий и оригинальный. Просто, как и многие другие..., свято верит, что статистика – «наука», а не обман. Кто столкнется с ним, скажите ему, как все обстоит на самом деле» [17, с. 386]. От себя добавим, что объяснение поведения человека через экономические закономерности, основанные на среднестатистических показателях, явно не ориентир для юридической науки. Любая статистика и вытекающие из этой статистики «экономизированные выводы» только подспорье, но никак не самоцель и тем более не основание для практических решений и даже теоретических выводов. Напомним, что решение суда носит строго индивидуальный характер и связано с наличием оригинальных обстоятельств. Любое «усреднение» в данном случае может иметь самые негативные последствия.

Познер констатировал, что именно «общее право демонстрирует глубокое единство экономического характера». При всем разнообразии подходов в данном случае имеется в виду право, создаваемое судьями через судебные прецеденты. В отношении статутного права он высказывается более осторожно, но в отдельных случаях писал о его необходимости и эффективности. О романо-германской правовой семье, к которой тяготеет российское право, он такого вывода вообще не делал. Однако его мнение на сей счет своеобразно: «Установленное законом или конституционное право, в отличие от общего, с меньшей вероятностью направлено на повышение эффективности, хотя даже эти области права...пронизаны экономическими соображениями и объясняются методами экономического анализа». Здесь же заметим, что и в романо-германской правовой семье этот анализ, соответственно, связан только с ориентацией судей на вынесение наиболее экономически эффективного решения, вытекающего из закона. Кстати, именно в совершенствовании судебного толкования Познер ви-

дит, как можно судить, пути к пониманию и улучшению правовой системы [3, с. 31].

Американский юрист Г. Калабреззи (р.1932) отзывался о коллеге весьма лестно, но противоречиво. Он отнес Познера к тем людям, которые работали под девизом «Проверим мир теорией, и, если мир ущербен, так прямо и скажем!». Именно это и есть, по мнению Калабреззи, лозунг экономического анализа права. Удивительные достижения последнего связывались с одним человеком, а именно с Ричардом Познером, который и преобразовал «право и экономику» в «экономический анализ права» (и стал автором последнего термина). Однако Калабреззи решительно не согласился с таким подходом, выработав другой, экономико-правовой [18, с. 35–38]. Действительно, основываясь на сугубо позитивном подходе к экономике, Познер весьма откровенно писал: «Я интересуюсь прежде всего тем, в какой степени деликтное право подтверждает гипотезу о том, что нормы и институты общего права имеют тенденцию способствовать экономической эффективности» [5, с. 318].

В начале XXI века он несколько скорректировал свои политические взгляды и даже стал более критично относиться к республиканской партии. В одном из интервью Познер прямо заявил, что стал менее консервативным, так как республиканская партия начала глупеть. Да и цель «экономического анализа права» со временем им стала определяться более умеренно: он «...пытается усовершенствовать право, указать на те аспекты действующих или предполагаемых законов, которые могут иметь непреднамеренные или нежелательные последствия, предложить практические реформы» [8, с. 41]. Все-таки «пытается...» и «могут иметь...» предполагают возможную неудачность попытки и то, что законы могут и не иметь нежелательных последствий.

Для нас наиболее важно то, что и его общий экономический подход к праву стал менее жестким. На это явно повлиял экономический кризис 2008–2012 гг., который показал узость чисто экономических трактовок решения всех социальных проблем. В частности, он усомнился в полном рационализме экономического поведения людей и в правильности политики полного невмешательства государства в экономику. В этой связи большой резонанс имели слова Познера, сказанные на лекции для отделения Федералистского студенческого общества в Колумбийском университете 24 ноября 2008 г.: «Кризис – это, прежде всего, и возможно практически полностью последствия решений, принятых частными компаниями в условиях минимального регулирования. Мы видели, что сильно дерегулированный финансовый сектор рушится и, по-видимому, увлекает за собой большую часть всей экономики» [19, с. 20]. Еще более показательными стали его исследования «Провал капитализма: кризис 2008 года и погружение в депрессию» (2009), и «Кризис капиталистической демократии»

(2010). Вынесение в заглавие книги слов «провал» и «кризис» в духе кейнсианства – дело невиданное для раннего Познера.

Стоит отметить, что со сторонниками радикального «экономического анализа права» среди экономистов у Познера наметились разногласия также к началу нашего века. Так, уже американский экономист С. Левитта (р. 1976) и журналист С. Дабнер пришли к сенсационному, по крайней мере для юристов, выводу, что главной причиной роста преступности в США являлся запрет аборт, а уменьшение уровня преступности связано главным образом с тем, что 22 января 1973 г. аборт были разрешены по всей стране после решения Верховного суда США по делу «Роу против Уэйда». Всем остальным причинам, в том числе ужесточению уголовного законодательства, увеличению штата полиции, совершенствованию правоприменительной деятельности и др. отводилось второстепенное значение [20, с.119–148]. Странность, если не сказать больше, данного утверждения мы уже рассматривали ранее [14, с. 179–182]. Невольным критиком такого подхода оказался и Познер. Он утверждал, что дело «Роу против Уэйда» привело к росту числа аборт, но, возможно, не очень значительному, так как доля легальных аборт росла уже в момент рассмотрения этого дела. Кроме того, это дело спровоцировало движение «право на жизнь», которому удалось добиться отмены финансирования аборт из федерального бюджета и запугать врачей, проводящих аборт. Вывод Р. Познера неоднозначен: «И если дело «Роу против Уэйда» привело к увеличению числа аборт, никто не может с уверенностью сказать, хорошо или плохо, что у нас так много аборт» [8, с. 33]. С. Левитта и С. Дабнер, однако, однозначно утверждают, что это хорошо. От себя добавим, что 24 июня 2022 г. Верховный суд США отменил свое же решение 1973 г., установив, что каждый из штатов сам вправе регулировать данный вид общественных отношений. В настоящее время 20 штатов запрещают или ограничивают право на аборт. Стоит ли в этой связи со временем ждать взрыва преступности, является большим вопросом.

Более того, в последние годы Познер стал для экономистов, занимающихся проблемами права, объектом критики как исследователь, игнорирующий полное господство экономики в сфере права. Так, экономист Д. Фридман-младший (р. 1945) в своей книге об экономическом анализе права [21] постоянно использует труды Р. Познера для иллюстрации недостаточно экономического подхода к праву. Таким образом, если юристы, не являющиеся приверженцами «экономического анализа», считают, что Р. Познер является отступником от основных постулатов права и «слишком экономистом», то для Д. Фридмана и ему подобным он «слишком юрист».

Британский историк Н. Фергюсон (р. 1964), империалист во всех своих проявлениях, в том числе «экономических», не остановился на познеровской критике закона и путях его преодоления, а прямо заявил, что ро-

мано-германская правовая семья и законы являются едва ли не главной причиной разрушения современных институтов и гибели государств [22, с. 93–126]. Примечательно, что он обошелся без ссылок на работы нашего героя, который в своей критике так далеко все-таки не заходил.

Еще раз подчеркнем, что своеобразный подход Познера к праву смущает целый ряд ведущих экономистов, причем по разным причинам. Так, Г. Уинтер (р. 1960) прямо заявил об ограниченности «экономического анализа права» для вынесения судебных решений, причем преимущественно отдельными видами имущественных споров. По его мнению, «это означает не то, что суды должны проявлять интерес к задаче перемещения ресурсов туда, где ценность их использования наиболее высока, а лишь то, что подобная задача может вызывать законный интерес в делах, связанных с правом собственности». Этот же автор привел примеры, когда частная собственность по соглашению приобреталась в муниципальную собственность Нью-Йорка. Оказалось, что в 53 % случаев цена оказалась ниже рыночной, в 40 % случаев – выше рыночной и только в 7 % – была примерно ей равна [23, с. 82–85]. Таким образом, никакого «подражания рынку» даже при полной добровольности соглашений нет и в помине. При этом Г. Уинтер в целом позитивно относится к изучению взаимодействия права и экономики, но показывает сложность и нелинейность этого процесса.

На наш взгляд «поздний» Познер, который отказался от наиболее радикальных и даже одиозных положений начальной версии «экономического анализа права», с трудом вписывается в определенный им же классический нарратив. От «экономического анализа права» отказался и сын Р. Познера, Эрик Эндрю Познер (р. 1965), который получил докторскую степень в Школе права Гарвардского университета (1991), затем преподавал в Пенсильванском университете (1993–1998) и стал профессором Школы права Чикагского университета (с 1998 г.). Эрик является видным юристом-международником, специалистом в сфере договорного права и банкротства, а также взаимодействия права и экономики. В 2014 г. по индексу цитирования Познер-младший стал четвертым среди ученых-правоведов США, а в 2021 г. – вторым. В 2022 г. он занял пост юрисконсульта в антимонопольном отделе министерства юстиции США.

В целом Эрик в интересующем нас аспекте все более склоняется от экономического ригоризма к поиску компромисса между крайностями в духе позиции Познера-старшего в конце его научной карьеры, причем идет существенно дальше отца. Не зря его называют сторонником социальных норм. Экономика, по мнению Эрика Познера, не должна быть игрой без правил, но правила не должны препятствовать свободному развитию экономики. Этому посвящена его совместная с Г. Вейлом (профессором Йеля) книга «Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества» (Принстон, Оксфорд, 2018).

Авторы попытались объединить «правых» и «левых», но они в целом опирались на утилитаризм, маржинализм и неоклассическую экономическую теорию, поэтому получился некоторый перекося в пользу рынка с его принципами свободы, конкуренции и открытости. Этот подход с преобладанием рыночного радикализма было отмечено и в отечественной литературе [24].

Однако все это означает возврат к междисциплинарным исследованиям, где право и экономика играют на равных. Не случайно с конца XX в. все чаще пишут [9, с. 55–60] уже о новой «чикагской экономической школе». Ее подход к взаимодействию права и экономики оформился благодаря усилиям чикагских правоведов (выпускников и профессоров Чикагского университета), многие из которых имеют и экономическое образование. Представители данной школы трактуют взаимодействие права и экономики как сложный взаимный процесс, притом что важнейшая роль отводится другим социальным нормам, в том числе морали, а также техническим ограничителям. Право при этом занимает место одной из доминирующих регулирующих систем, а немаловажного и подчиненного придатка рынка.

Самыми яркими ее представителями называются Эрик Познер, а также Л. Бернштейн (р. 1965), Д. Кахан (р. 1965), Р. Палдес (р. 1958), К. Санстейн (р. 1954), Л. Лессинг (р. 1961), которые скорее являются уже сторонниками равноправного взаимодействия права и экономики. Кстати, последний из них в прошлом работал в аппарате судьи Познера, но сильно разошелся с ним во взглядах на взаимодействие права и экономики. Большинство из указанных авторов вполне толерантно относятся к психоэкономике и согласны с ограниченной рациональностью человека.

Ссылки

1. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2008. 384 с.

2. Меркуро Н., Мадема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 648 с.

3. Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т.1. 524 с.

4. Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2. 454 с.

5. Познер Р. А. О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 312–348.

6. Познер Р. А. Создание правовой основы для экономического развития // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 1. С. 4–16.

7. Познер Р. А. Утилитаризм, экономика и теория права // Правоведение. 2017. № 3. С. 46–89.
8. Познер Р. Рубежи теории права. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 480 с.
9. Дорохин В. С. Право, мораль и экономика: экономический анализ права и теория максимизации богатства Ричарда Познера. СПб.: Альфа-Пресс, 2023. 365 с.
10. Дорохин В. С. Ричард Познер и экономический анализ права // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 1. С. 17–19.
11. Дорохин В. С. Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Правоведение. 2017. № 3. С. 28–45.
12. Дорохин В. С., Поляков А. В. О некоторых идейных источниках теории максимизации богатства Ричарда Познера // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 683–696.
13. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты. М.: Блок-Принт, 2023. 208 с.
14. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
15. Шапиро С. Законность. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 720 с.
16. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 328 с.
17. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 736 с.
18. Калабреззи Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 204 с.
19. Кэссиди Дж. Как падают рынки. Логика экономических катастроф. М.: Международные отношения, 2014. 520 с.
20. Левитт С., Дабнер С. Фрикономика. Экономист-хулиган и журналист-сорвиголова исследуют скрытые причины всего на свете. М.: Альпина Паблишер, 2016. 236 с.
21. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 576 с.
22. Фергюсон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М.: АСТ, 2016. 192 с.
23. Уинтер Г. Вопросы права и экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 416 с.
24. Белявский Б. А. «Враг моего врага», или об объединяющем потенциале рыночного радикализма // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 2. С. 76–88.

On the value orientations of the Russian version of human rights

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-242-255

Research article
Full text in Russian

The article proposes several ideas that make up the ideological, legal, and ethical prerequisites, which, in the author's opinion, have a significant impact on the formatting and reformatting of the construction of human rights in the modern Russian version. Regulatory and law enforcement decisions are used as demonstration samples of the results of this impact, mainly from the field of family and work, including their doctrinal interpretation. Among these guidelines are the ideas of national sovereignty of approaches to human rights, their constitutional and judicial interpretation based on discretion, «weighing» public and private interests, as well as the actual development of ambiguous rights and freedoms, strengthening the role of the duty structure, subtle interaction of formal legal, ethical and religious principles.

Keywords: human rights; prerequisites for development; the Russian version; clarification of guidelines; social service; examples from the sphere of work and family

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

О ценностных ориентирах российской версии прав человека

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-242-255
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предлагается несколько идей, составляющих идеологические, правовые, этические предпосылки, оказывающие, на взгляд автора, значимое влияние на форматирование и перереформатирование конструкции прав человека в современной российской версии. В качестве демонстрационных образцов результатов данного воздействия используются нормативные и правоприменительные решения преимущественно из сферы семьи и труда, включая их доктринальное толкование. Среди таковых ориентиров – идеи о национальной суверенизации подходов к правам человека, конституционно-судебное их толкование на основе усмотрения, «взвешивания» публичных и частных интересов, а также и собственно равнозначных прав и свобод; об усилении роли конструкции обязанности; тонком взаимодействии формально-юридических, этических и религиозных начал.

Ключевые слова: права человека; предпосылки развития; российская версия; уточнение ориентиров; социальное служение; примеры из сферы труда и семьи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой социального и семейного
законодательства, Заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Российский социум в целом, общественное сознание (и правосознание), система социального регулирования общественных отношений (включая правовой инструментарий, механизм правового регулирования) находятся в настоящее время в активном эволюционном (а по ряду позиций – и в революционном) движении. Среди компонентов «динамо-машины», дающей

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

энергию означенному движению, – прошедшая пандемия (с ее особой социологией и психологией, правовыми ограничениями, в том числе избыточными), специальная военная операция (с ее воздействием на общественное сознание, идеологию в сфере политики, экономики, образования, культуры), ориентация на ценностную солидарность [1, с. 55–57], активное (и ускоряющееся) обеспечение охраны, защиты и соответствующего развития (адекватного времени) традиционных ценностей российского общества и государства как особой цивилизации.

Это сопровождается определенным разворотом от безоглядного копирования западных образцов правового регулирования общественных отношений [2, с. 161–164] (с сохранением классики юриспруденции, приверженности конвенционным началам о правах и свободах человека [3, с. 403–414; 4, с. 53–69], к разумному осмыслению и восприятию зарубежного законодательного опыта, не противоречащего российскому конституционно-правовому контексту [5, с. 8–21]), уточнением смыслов конституционных положений (об уважении исторической памяти российского народа, о патриотизме, семейных ценностях, социальном служении, роли Конституционного Суда РФ) [6, с. 20–34; 7, с. 33–52; 8, с. 5–16], существенным обновлением системы стимулирования (поддержки) социально значимых интересов общества и его отдельных групп, с одной стороны, и ограничениями возможностей граждан и их объединений – с другой, а также активным развитием институтов гражданского общества, в том числе с вектором на социальное служение¹.

Исследование означенных процессов осуществляется на основе системы идей, среди которых считаем важным выделить несколько соображений. **Первое:** представление об универсальности прав и свобод (в их западном исполнении) – скорее предположение, нежели аксиома. В последние годы становится все очевиднее, что «болезнь самоотречения» (характерная прежде всего для определенной части российской элиты), среди ее симптомов – тяга к «некритичному массивованному заимствованию чужих форм жизнедеятельности при равнодушии к развитию своих» [10, с. 11–15], подлежит системному «лечению», а основным лекарством является идея суверенности российской цивилизации (на фоне суверенности других цивилизаций и на основе их взаимоуважения), и среди результатов которо-

¹ В рамках пилотных проектов в ряде вузов, включая ЯрГУ, организованы экспериментальные курсы по программе «Обучение служением». При этом на юридическом факультете подобный курс читается уже пять лет («Институты гражданского общества: обучение служением») и весьма востребован студентами, в том числе в прикладном смысле (участие в добровольчестве и благотворительности). С учетом задач указанного пилотного проекта практическая часть курса сориентирована на профессиональные компетенции (подготовка учредительных документов для НКО, блока специализированного законодательства, лекционного курса по основам права для школьников и т. д.).

го – не только ослабление означенной «болезни», но и формирование новой (обновленной) элиты, в том числе из рядов участников СВО, волонтеров СВО и других активных членов гражданского общества.

В качестве «лекарства» явились также конституционные поправки 2020 года. Среди ярких и убедительных примеров их «медикаментозного» воздействия – изменение подходов к ЛГБТ-движению: запрет пропаганды, соответствующие законодательные ограничения в праве на свободу информации, включая сетевые ресурсы, публичных мероприятий и т. п., бесконтрольной смены пола; признание браком союза исключительно мужчины и женщины; и т. д. При этом следует заметить, что до новеллы п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ не только в известной части российского общества, но и в юридической доктрине (частично и в социологии) гендерные характеристики брака толковались некоторыми ее представителями весьма вольно (читай: по-европейски либерально) – с надеждами на поэтапное растворение классического супружества и семейного союза, на нем основанного, среди образцов гендерного разнообразия, причем на первом этапе – в форме гражданско-правовых партнерств, на втором – в качестве подвида брачного «содружества». Данный подход подвергся активной критике со стороны ряда философов, социологов и правоведов [11, с. 48–52; 12, с. 152–160], однако «почил в бозе» только после четко обозначенного конституционно-правового смысла российского брака и российской семьи. Далее, как известно, в 2023 году последовало законодательное ограничение смены пола² (ст. 45.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³) и дополнение нормы ст. 16 Семейного кодекса РФ⁴ новым основанием прекращения брака (смерть супруга, расторжение брака, смена пола супругом). Причем до этого момента семейно-правовые последствия данной операции безрезультатно (хотя и активно) обсуждались в цивилистической науке в течение не менее двадцати лет (!) – и это при том, что абсолютному большинству ее представителей была очевидна неприемлемость сложившейся ситуации: если после смены пола одним из супругов не инициировался развод, миру являлся однополый супружеский союз... Следует также заметить, что проблема правовых последствий пока до конца системно не решена: вследствие смены пола одним из родителей, российскому миру является социальная и юридическая конструкция однополого родительства, относительно судьбы которого законодатель до сих пор не определился – имеется лишь эпизодическая реакция судебной практики о лишении родительских прав модифицированного

² За исключением случаев медицинской коррекции врожденной аномалии.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

«папы» («мамы-2»), если поведение такого родителя наносит вред детской психике [13, с. 131–146; 14, с. 79].

Второе: фундаментальные права и свободы неизбежно подлежат политическому, нравственному, законодательному, правоприменительно-му толкованию – логическому, историческому, системному и другому (в том числе доктринальному и обыденному), что воспроизводит различные их смыслы, которые, впрочем с правовой точки зрения оцениваются на высокопрофессиональном конституционно-судебном уровне⁵, а с иных – только философской, политологической и социологической доктринами. Например, право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) на первый взгляд предполагает не только ее охрану, но и свободу распоряжения ею носителем данного права (производное «право на самоубийство», право на эвтаназию). Однако прочтение смысла означенной свободы весьма различно – от допущения подобных производных возможностей (Нидерланды, Бельгия и др.) до их категорического непризнания/запрета (Россия и др.) – с соответствующим обоснованием со стороны этики, медицины и права [17, с. 87–104]; право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ) взаимодействует с обязанностью его сохранять, а в предусмотренном законом случаях – исполнять ряд требований (правил) медицинского характера (предоставлять сведения о состоянии здоровья при приеме на некоторые виды работ, проходить периодическое медицинское обследование и т. д.).

Третье: индивидуальная, конституционно заявленная свобода сосуществует со свободами других лиц (граждан, социальных групп, организаций – ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). В числе примеров – свобода пикета, собраний, митингов, демонстраций (ст. 31 Конституции РФ): российским законодательством предусмотрены процедура и условия реализации данных правомочий. Среди условий (в немало числе) их реализации – и специфические требования, ориентированные на защиту интересов особых категорий граждан (детей, лиц с инвалидностью и др.). Так, известен случай своеобразного злоупотребления родительскими правами: родите-

⁵ Хотя при общей безусловной верности данного утверждения эпизодически появляются и сомнения. В качестве одного из новейших примеров можно обратиться к суждениям Суда о возможности применения в России смертной казни. В постановлении от 02.02.199 г. № 3-П Суд связал таковую возможность с введением во всех субъектах РФ суда присяжных, а когда они были созданы, в определении от 19.11.2009 г. № 13-44-О-Р зафиксировал ее недопустимость ввиду конвенционных обязательств РФ, обеспечения принципа гуманизма и сложившейся практики замены смертной казни лишением свободы. На данное определение было вынесено особое мнение судьи, с правовой позицией которого в юридической доктрине ряд ее представителей согласны [15, с. 46–60]. В 2022 году Д. А. Медведев, в связи с выходом РФ из Совета Европы, допустил (на наш взгляд, обоснованно) возврат к вопросу о смертной казни, однако был активно атакован со стороны одного из членов Совета Федерации РФ и Председателя Конституционного Суда РФ. Подробно о правовых позициях Суда и доктрины см. статью автора данного сочинения [16, с. 56–65].

ли Х явились на несанкционированный митинг с малолетним ребенком, передали его на руки одному из организаторов мероприятия, дабы облегчить последнему преодоление полицейского кордона. По данному факту по инициативе прокуратуры было возбуждено дело о лишении родительских прав, однако суд ограничился на первый раз предупреждением, с которым «очумелые» родители не были согласны и попытались (без успеха) обжаловать судебное решение [18, с. 7–10].

«Осознанная необходимость» включается в качестве решающего фактора (предпосылки) при любом взаимодействии публичных и частных интересов (соответственно – публичных и частных начал) при выборе социального (этического, организационного, правового) инструментария регулирования того или иного вида общественных отношений. Характер балансировки между ними существенно отличается в зависимости от принадлежности этих отношений к публичной, частной или частно-публичной отрасли права. К числу последнего типа прежде всего относятся правовые отраслевые режимы в сфере семьи и труда. Именно в их методологии наиболее ярко проявляется взаимодействие противоположных технологий – императивных (в целях обеспечения государственного и общественного контроля в указанных сферах, особой защиты социально значимых интересов детей, работников, лиц с семейными обязанностями, с инвалидностью и т. .) и диспозитивных (гарантии свободы принятия решений, хотя и относительной, невмешательства в частную/семейную жизнь, самозащиты/самоурегулирования проблемной или конфликтной ситуации и т. п.). Наиболее демонстративными образцами первой являются нормативные требования к браку и способам его прекращения, попечению над детьми (в любой из форм), меры оперативной защиты и ответственности за ненадлежащее воспитание детей, дифференцирующие условия труда для несовершеннолетних, женщин в состоянии беременности, запрет дискриминации при реализации права на труд и др. К образцам второго типа можно отнести все варианты договорного регулирования (брак как соглашение, брачный договор, соглашение об алиментах, трудовой договор и т. д.), свобода которых, впрочем, ограничивается действием императивных технологий, что и замыкает рассматриваемый «технологический круг».

Это порождает еще одну, специфическую, технологию: в ряде правовых режимов трудно или даже невозможно четко отграничить право от обязанности, классика формулы «нет прав без обязанностей и обязанностей без прав» не работает [19, с. 220–231]. Так, например, воспитание ребенка является и правом, и обязанностью родителей и других попечителей, право ребенка на мнение включает компонент обязанности выразить свою позицию по ряду семейно-правовых вопросов (в форме дачи согласия,

с десятилетнего возраста, или несогласия на совершение того или иного акта – изменение имени, усыновление/удочерение, назначение конкретного опекуна и др.); аналогичная сдвоенность характерна для деятельности, предполагающей профессиональный риск; право на охрану здоровья далеко не всегда отделимо от обязанности его личного сбережения⁶. И т. д. Да и в целом, как мы уже заметили, элементы долженствования присутствуют в содержании той или иной свободы гражданина: недопущение злоупотребления правом, учет позиции (интересов, прав) других лиц, социальных групп и общества, нравственные ограничители и т. п.

Четвертое: понимание правовой свободы как «осознанной необходимости», сложности взаимодействия общественных и личных интересов, публичных и частных начал призывает к активной жизнедеятельности, внедрению в пространство права конституционно-правовой конструкции прямых ограничений прав и свобод в целях защиты конституционных основ российской государственности, нравственности, здоровья, прав и интересов граждан, безопасности и обороноспособности страны (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Данное положение с очевидностью относится к числу наиболее сложно (и противоречиво) нормативно организуемых и трактуемых, поскольку ему противостоят фундаментальные идеи о равенстве, невмешательстве в частную жизнь и даже справедливости (при определенном, небесспорном, прочтении ее сущностных проявлений). Однако ему же и помогают находиться в пространстве правового (социального) государства и адекватного ему права идеи о единстве равенства и неравенства (равенство «в чистом виде тождественно виноградникам и кладбищам» [20, с. 141]; оно может быть источником несправедливости и конфликтов, а неравенство – согласия и справедливости [21, с. 24–25]), флагманского значения ценностных ориентиров российского общества (уважение памяти предков, веры; патриотизм; особая защита материнства и детства; помощь нуждающимся; социальное служение; и др.); иные гарантии не только «выживания», но и укрепления российской государственности (по возможности в образе, приближающемся к если не к идеальному, то к должному).

Среди очевидных актуальных образцов жизнедеятельности означенной конструкции – доктринальные идеи и нормативные положения о гендерном равенстве (неравенстве), дифференциации правовых статусов отдельных категорий граждан (несовершеннолетних, с инвалидностью, принадлежностью к определенной профессии, многодетных, малоимущих, защищающих Отечество и др.), ограничения и запреты в сфере публичности, риска (профессионального и иного), применения цифровых техноло-

⁶ Особенно убедительно это проявилось в период пандемии: обязательная вакцинация для отдельных групп населения (групп риска), перевод на дистанционный труд, требования специальных санитарных правил (ношение масок, обработка рук и т. п.).

гий, различных угроз (демографических, пандемических, военных, экологических, технологических, информационных).

Так, например, явственным образом представлено в законодательстве и общественных практиках гендерное неравенство в сфере политики и госслужбы (в доктрине обсуждается идея квотирования женского участия, не разделяемая нами), пространстве семьи (ограничение мужа в праве на развод в период беременности жены и года после рождения ребенка, фактическая презумпция оставления малолетнего ребенка с матерью при расторжении брака его родителей, презумпция отцовства в браке, запрет «одинокому мужчине» участвовать в программе суррогатного материнства и т. д.), труда (льготы беременным женщинам и матерям с малолетними детьми), уголовного и уголовно-исполнительного законов (специальные квалифицированные составы преступлений, различие в системе применения и исполнения наказаний) [13, с. 131–146; 22, с. 740–743]; неравенство, вполне справедливое, граждан в области социального законодательства (жилищные, медицинские, образовательные и иные льготы сиротам, многодетным семьям, участникам боевых действий, гражданам с инвалидностью), земельного и банковского права (аналогично социальному). Весьма ярко (и не всегда оправданно) проявились нормативно-правовые и управленческие ограничения в период прошедшей пандемии. Особенно образом они затронули правовой и фактический статус граждан «серебряного возраста», «подстриженных под одну гребенку», как правило, независимо от количества «серебра в волосах» (60, 70, 75, 80 лет и т. д.), состояния здоровья и осуществления профессиональной деятельности [23, с. 99–109].

Пятое: усиливается (расширяется, углубляется) системное взаимодействие нравственных, религиозных и правовых установок⁷, классической триады социальных регуляторов [24, с. 547–558; 25, 17–21]. В связи с этим, во-первых, крайне важно определиться с понятийным аппаратом каждого из них. Как отмечается в философской доктрине, «с самим социумом и его элементами могут происходить в реальности самые различные метаморфозы, включая и девиацию», в понятиях же о предмете закреплена, как в программе, его природа и предназначение (целеполагание), что позволяет человеку, ориентируясь на них, планировать и корректировать свое поведение [26, с. 182–185]. Следует заметить, что в этом плане наблюдается и «рай, и ад понятий». И если те из них, которые принадлежат этике, свою природу вполне предполагают бесконечную общественную

⁷ Хотя термин «установка» категорически присущ и другим сферам (например, психологии), последние напрямую не проецируют правил поведения, а лишь, на наш взгляд, влияют на формирование нормативистики соответствующих действий через означенные социальные регуляторы.

и доктринальную дискуссию (впрочем, при договоренностях о некоторых ключевых догматах), то в юриспруденции, особенно в прикладном ее проектировании (законодательстве и правоприменении), «дантовых сковородок» немало. Так, несмотря на общую положительную тенденцию реализации правил законодательной технологии (включение в закон дефиниций, применяемых в нем понятий), в целом ряде федеральных законов, в том числе кодифицированного типа, необходимый понятийный ряд отсутствует, а используемые терминологические конструкции иной раз вызывают этическую оторопь. Ярким примером первого рода является Семейный кодекс РФ: в его общих положениях отсутствуют определения ключевых понятий – семьи, брака, родства, свойства, матери, отца, ребенка, усыновления/удочерения и т. д., а законопроекты по данному вопросу в основном пребывают «под сукном» либо категорически отвергаются [27, с. 364–381]. Примеры второго рода распределены по различным законодательным актам: «одинокая женщина», «переживший супруг», «срок дожития» и т. п. [28, с. 115–122].

Во-вторых, постоянно актуализируется, в связи с ускоренной изменчивостью современного бытия, проблема исследования (возможно, с последующей корректировкой Основного закона РФ [2, с. 162–163]) содержательного влияния этических и религиозных⁸ норм на фактуру права. И первые и вторые активно либо через прямое закрепление в законе, либо опосредованно (по смыслу) присутствуют в «теле» законодательства о госслужбе (заботься о благе граждан, не злоупотребляй положением и т. д.), труде, социальном обеспечении (требование «онормативленного сочувствия» к «сырым и слабым», справедливая поддержка семей участников СВО и т. д.), в уголовном законе («не убий», «не укради», «не изменяй Отчеству своему»...), даже в гражданском законодательстве (добросовестность, добропорядочность участников гражданского оборота) и др. Еще более ярко они представлены в семейном законодательстве и практике его применения [29, с. 58–73]: отношения в семье строятся на основе взаимной поддержки и уважения, «не прелюбодействуй» (супружеская измена как основание развода и применения к «изменщику» неблагоприятных последствий брачного договора), обязанности попечителей детей воспитывать в них должные нравственные качества, учет нравственной характеристики родителей и других попечителей при разрешении всех споров о детях, назначении опекуна, сохранение, по возможности, конфессиональной принадлежности ребенка при усыновлении/удочерении, традиция

⁸ Далеко не всеми ожидаемое закрепление в конституционной поправке тезиса «...сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ) меняет, на наш взгляд, привычную «картину» светскости российской государственности, предполагает иной вектор ее оценки.

сопровождения заключения брака религиозным обрядом⁹, учет глубокой воцерковленности добросовестного супруга при признании брака недействительным вследствие сокрытия недобросовестной стороной факта смены пола или нетрадиционных сексуальных наклонностей, необходимость защиты детей от информации (из традиционных и сетевых источников, в том числе видеоигр), содержащей призывы к неэтичному поведению, участию в сектах и т. д.

В то же время и доктрина и законотворчество, испытывая на себе активное воздействие консервативных взглядов различных общественных групп, при общем положительном их векторе (солидаризации с идеями о традиционных ценностях российского общества) иной раз подвержены «морализаторству». Так, например, вновь актуализирован вопрос об ограничении права женщины на прерывание беременности (и даже запрете): с одной стороны, мотивация замысла понятна и объяснима, ибо зародыш является будущим человеком, с индивидуальным геномом – в этом смысле можно вести речь о «квазиубийстве» [30, с. 27–50], однако, с другой стороны, женщина вправе распоряжаться своим телом и не должна подвергаться принуждению на сохранение беременности (возможно только убеждение, психологическая, моральная и материальная поддержка).

В дискуссионном поле находится программа суррогатного материнства: она рядом законодателей квалифицируется как разновидность торговли детьми. В принципе, анализ соответствующей практики (особенно с участием заказчиков-иностранцев¹⁰) данный тезис не опровергает. Но поскольку программа имеет целью преодоление бесплодия женщины или супружеской пары, включается и гуманитарное начало, особенно в отдельных (специфических) случаях, например: вынашивание ребенка матерью для дочери или сторонней женщиной – для матери (родителей) погибшего сына, не успевшего стать отцом... Как правило, негативно оцениваются предложения некоторых ученых и законодателей о необходимости юридического признания фактических брачных отношений [31, с. 394–405]. Однако при этом игнорируются ситуации, которые явно требуют гуманитарного прочтения и справедливой оценки: речь идет об устойчивом длительном фактическом супружестве с общими детьми [27, с. 373, 379], о защите интересов вдовы (при жизни – фактической супруги) воина, погибшего в СВО, и т. д. Именно последняя ситуация оказалась объектом пристального внимания Президента РФ и, как неизбежное (и благое!) следствие, – российских законодателей¹¹. Значит, не всякий фактический брак – «блуд»,

⁹ С обсуждением в доктрине возможности придания ему юридического значения – с записью акта госрегистрации.

¹⁰ В настоящее время эта возможность исключена.

¹¹ В ускоренном режиме разработан необходимый законопроект.

как характеризуют его некоторые общественные, религиозные деятели и представители научного сообщества. (Впрочем, мы полагаем, что подобная терминология неуместна для любых вариаций фактического супружества – лишь бы они сущностно не были тождественны связям «парочек с Тверской».)

Весьма противоречиво складывается дискуссия по вопросу о смертной казни. Мы уже заметили ранее, что следует отделять аргументацию о невозможности возврата к ней без изменения Конституции РФ (с формально-юридической точки зрения это не вполне верно) от соображений социологического, криминологического и процессуального свойства (о гуманизме, неочевидной результативности данной меры наказания в плане превенции, о судебных ошибках и т. д.). При этом следует заметить, что наблюдается и противоречие: во многих случаях законотворцы, ученые и представители общественности в качестве подтверждения своей позиции ссылаются на общественное мнение, но по обсуждаемой проблеме этого либо не происходит, либо оно, пусть и в латентной форме, игнорируется, либо же оценивается как своего рода «недомыслие». В частности, «латентный контекст» весьма ярко проявил себя при неоднократном отказе законодателей ратифицировать протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹², возлагавший на Россию обязательство об отказе от смертной казни в мирное время [16, с. 59].

Шестое. В доктрине утверждается приоритет конституционных прав и свобод перед обязанностями того же уровня, подчеркивается факт закономерного отсутствия в названии гл. 2 Конституции РФ самого термина «обязанности», что ориентирует российское право (в образе его отраслей) на определенный вектор развития: доминирование обязывающего типа правового регулирования является тупиковой ветвью – с «винтиками», «с маленькими людьми нельзя сделать ничего великого» [10, с. 13]. Данная позиция требует уточнения. Во-первых, «маленькие люди», как известно, обеспечили индустриализацию страны, победу в Великой Отечественной войне и немало других достижений. Во-вторых, конструкция конституционных обязанностей, пусть и косвенным образом, вполне просматривается в конституционных призывах к уважению памяти предков, патриотизму, должном воспитании детей и т. п., а тем более – через систему ограниченный прав и свобод. В-третьих, подобная установка, в ее абсолютизированном виде, может вредить, пусть и непреднамеренно, обсуждаемой конструкции – в принципе. Так, например, весьма своеобразно формируется ее юридическое бытие относительно несовершеннолетних детей: независимо от возраста они не несут никаких обязанностей согласно «букве»

¹² Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни // СПС Гарант.

Семейного кодекса РФ, а трудовое, административное, уголовное законодательство (частично и гражданское) их долженствование предполагают (хотя и, как правило, с 14 лет), ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹³ устанавливает обязанность, независимо от возраста ребенка, уважать других учащихся и сотрудников образовательного учреждения, выполнять требования его устава и других локальных актов, а по окончании младших классов – даже подвергнуться дисциплинарной ответственности за несоблюдение таковых обязанностей (ст. 43), однако обязанности уважать своих родителей (бабушку, дедушку и др.) семейным законом не установлено... [32, с. 17–32]

Предложенные размышления не охватывают всей «палитры красок»: картина ценностных ориентиров российского общества, безусловно, богаче, однако формат данного сочинения позволяют нам ограничиться сказанным.

Ссылки

1. Дерюгин П. П. Ценностные основания солидарности российского общества // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 55–57.

2. Смирнов П. И. Ценностные основы нравственного и правового суверенитета Российской Федерации. Проблема выявления // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 161–164.

3. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

4. Лукьянова В. Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 9. С. 53–69.

5. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 8–21.

6. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

7. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

8. Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы? // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16.
9. Лункин Р. Н. Перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 156–171.
10. Кокотов А. Н. Конституция России и «болезнь самоотречения» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 11–15.
11. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном иностранстве // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2 (28). С. 48–52. EDN SGMJUT.
12. Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160.
13. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.
14. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
15. Парог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 11 (120). С. 46–60.
16. Тарусина Н. Н. Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 56–65.
17. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2014. 368 с.
18. Матвеева М. А., Воеводина А. И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7–10.
19. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 220–231. DOI 10.18255/1996-5648-2021-2-220-23.
20. Макаренко В. П. Политическая концептология. М., 2005. 366 с.
21. Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26.
22. Women in the Domain of Law in Russia: Emancipation and Counter-emancipation / N. N. Tarusina, A. V. Ivanchin, E. A. Isaeva [et al.] // Kutafin Law Review. 2022. Т. 9, № 4. С. 740–773. DOI 10.17803/2313-5395.2022.4.22.740-773.
23. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109.

24. Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 547–558.

25. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 17–21.

26. Щелкин А. Г. Онтологическая парадигма для современного российского социума // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. С. 182–185.

27. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381.

28. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.

29. Тарусина Н. Н. О нравственных конструктах в ценностном ряду российского семейного закона // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 58–73. DOI 10.18255/2306-5648-2023-1-58-73.

30. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 2. С. 27–50. DOI 10.17323/demreview.v8i2.12781.

31. Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 394–405. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-394-405.

32. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

Legal regulation of the monetary system of the Russian Federation in the digital economy: financial and legal problems

M. V. Lushnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-256-269

Research article
Full text in Russian

The article discusses current problems of digitalization of the monetary system of the Russian Federation. A conclusion is made about the place and content of the sub-growth of the rights of the monetary system in the structure of financial law. It is argued that digitalization does not change the essence of financial relations, the essence of money as a financial and legal category, it only gives them an electronic form. The author's assessments of the legal nature and qualifying features of new financial payment instruments that are a response to the challenges of the digital economy are given: electronic money, digital currencies, digital ruble. It is argued that they are subtypes of non-cash money circulation along with classic bank money. Proposals for improving the current legislation on the national payment system are substantiated in terms of systemic legal regulation of all types of digital forms of monetary circulation.

Keywords: monetary system, financial legislation, non-cash circulation, money, electronic funds, digital currency, digital ruble

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikova, Marina V.	E-mail: mvlushnikova@mail.ru
	D. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation

Правовое регулирование денежной системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики: финансово-правовые проблемы

М. В. Лушникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-256-269
УДК 351.72

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрены актуальные проблемы цифровизации денежной системы Российской Федерации. Сделан вывод о месте и содержании подотрасли права денежной системы в структуре финансового права. Утверждается, что цифровизация не меняет сущности финансовых отношений, сущности денег как финансово-правовой категории, лишь придает им электронную форму. Даны авторские оценки правовой природы и квалифицирующих признаков новых финансовых платежных инструментов, являющихся ответом на вызовы цифровой экономики: электронных денежных средств, цифровых валют, цифрового рубля. Утверждается, что они являются подвидами безналичного денежного обращения наряду с классическими банковскими деньгами. Обоснованы предложения по совершенствованию действующего законодательства о национальной платежной системы в части системного правового регулирования всех видов цифровых форм денежного обращения.

Ключевые слова: денежная система; финансовое законодательство; безналичное денежное обращение; деньги; электронные денежные средства; цифровая валюта; цифровой рубль

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушникова, Марина Владимировна | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры трудового и финансового права,
Заслуженный юрист РФ

Финансовое право с конца XX в. вступило в эпоху перемен. Из всех отраслей права цифровизация в наибольшей степени затронула именно финансовое право. Масштаб и глубина этих изменений обусловлены во многом переходом к цифровой экономике. При этом цифровизация – своеобразная вершина «айсберга», которая является призмой, позволяю-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

щей охватить весь спектр современных проблем, связанных с регулированием финансовых отношений, в том числе и в сфере денежного обращения. Цифровые платформы, информационные системы, цифровая валюта стали основой для определения вектора развития особой подотрасли финансового права – права денежной эмиссии и денежного обращения [1].

Под цифровизацией финансового права следует понимать систему изменений в доктрине и нормативном содержании отрасли финансового права, направленных на достижения соответствия цифровой экономике. При этом цифровизация не меняет сущности финансовых отношений, а лишь придает им цифровую форму. Цифровая трансформация финансовых отношений означает, по сути, реализацию финансовых прав и обязанностей субъектов с использованием электронных цифровых средств, иными словами, цифровых финансовых технологий. Цифровые финансовые технологии представляют собой совокупность приемов и способов, опосредующих проведение финансовых операций в рамках всех направлений финансовой деятельности государства [2, с. 61–62].

Право денежной системы как подотрасль финансового права: понятие, структура

Финансовая система государства как родовое понятие включает, по крайней мере, три вида основных систем: налоговую, бюджетную и денежную. Каждая из них, в том числе и денежная система, существуют в системе исторических координат, т. е., как отмечал Л. А. Лунц, денежная система государства – это исторически сложившийся тип государственного регулирования ценности денежных знаков [3, с. 41]. Более того, значимость денежной системы государства обуславливается финансовым суверенитетом государства [4, с. 457].

Современные исследователи определяют денежную систему как исторически сложившийся и законодательно установленный тип организации денежного обращения [5, с. 237; 6, с. 57]. Иными словами, денежную систему сводят к организации денежного обращения в государстве, что не совсем корректно. Заметим, что тип организации денежного обращения лишь часть денежной системы, хотя и весьма значимая.

После распада СССР в период становления российской государственности был принят Закон РФ от 25 сентября 1992 г. № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации»¹, но просуществовал недолго и утратил силу в 1995 г. Этот закон включал в структуру денежной системы официальную денежную единицу, порядок эмиссии наличных денег, организацию и регулирование денежного обращения. Соответственно, подотрасль финансового права – право денежной системы – следует определить

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 43, ст. 2406.

как совокупность норм финансового права, регулирующих отношения в сфере денежной эмиссии и денежного обращения.

Однако в теории финансового права отсутствует единство подходов в определении места норм, регулирующих отношения в сфере денежной эмиссии и денежного обращения, в системе отрасли. Существующие на сей счет научные дискуссии можно разделить на два вида. В рамках первой дискуссии сталкиваются две точки зрения на «судьбу» указанных правовых норм. Ряд авторов считают, что «денежное право» – это комплексный правовой институт, включающий нормы различных отраслей права (конституционного, гражданского, финансового, административного и др). Большинство специалистов по финансовому праву относят эти нормы либо к самостоятельным институтам особенной части финансового права, либо объединяют их в соответствующую подотрасль. Второй вид научных дискуссий как раз и касается, во-первых, содержательного наполнения этой подотрасли или перечня институтов, во-вторых, наименования этой подотрасли. В последнем случае чаще всего речь идет о терминологическом споре. Так, классик советского финансового права Е. А. Ровинский в структуру особенной части финансового права включал институт кредитно-денежной системы государства [7, с. 88]. Отметим, что в настоящее время этот институт «перерос» в подотрасль финансового права в силу не только его значимости в финансовой системе, но и значительного объема нормативно-правовых актов в этой сфере. Именно такой подход в перспективе дает основание для постановки цели о кодификации этой сферы, как это произошло в отношении налоговой и бюджетной систем. Другие авторы настаивают на множественности самостоятельных институтов в структуре финансового права: института денежного обращения и расчетов; института валютного регулирования и контроля, института банковской деятельности (публичное банковское право [8, с. 57; 9]. Авторы, выделяющие самостоятельную подотрасль финансового права, дают ей самые различные наименования (право денежного обращения, эмиссионное право и др.) и содержательное наполнение. Так, например, Л. Л. Арзуманова подотраслью финансового права называет право денежного обращения, которое регулирует денежную эмиссию, организацию наличного и безналичного денежного обращения в национальной и иностранной валюте [10, с. 57]. В то время как И. И. Кучеров в предмет данной подотрасли включает наряду с вышеперечисленными отношениями также отношения контроля за денежным обращением, применение санкций за нарушение порядка денежного обращения, противодействия легализации (отмыванию) денег, полученных преступным путем [6, с. 91–92]. С позиции единства регулятивных и охранительных норм права с предложенным подходом к содержанию данной подотрасли, пожалуй, можно согласиться.

Состояние экономики государства, его финансовой системы в целом зависит от функционирования денежной системы. Денежная система условно представляет собой «кровеносную систему» государства. Вероятно, по этой причине в теории финансового права ряд ученых настаивают на «авангардной» ведущей роли эмиссионного права как подотрасли финансового права, которая связывает все подотрасли и правовые институты в один организм, регулирует общественные отношения в сфере эмиссионной деятельности государства, направленной на выпуск денежных знаков и организацию денежного обращения, в том числе и обращения иностранной валюты. Более того, подчеркивается, что денежная система государства исторически возникла ранее налоговой системы и тем более бюджетной системы государства [11, с. 10; 12].

Таким образом, в части определения подотрасли финансового права более адекватным представляется наименование ее как «права денежной системы»; предметом регулирования этой подотрасли выступают финансовые отношения по денежной эмиссии, организация наличного и безналичного обращения национальной и иностранной валюты и отношения по финансовому контролю в указанной сфере.

Деньги, электронные денежные средства, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль: проблемы правовой квалификации

Деньги – явление многогранное. Экономическая сущность денег как экономического явления зачастую определяется через выполняемые ими функции меры стоимости, средства платежа, средства обращения, средства накопления и инвестирования, мировых денег. Очевидно, что наряду с экономической категорией денег имеет право на существование и правовое понятие денег. В действующем российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция денег. Видимо, тому имеются причины. Имеется ли необходимость легализации универсальной, общей для всех отраслей дефиниции денег или в отраслях частных и публичных понятие денег будет различаться? Деньги как правовое понятие – явление сложное и в зависимости от места в правовом регулировании частных или публичных отношений характеризуется соответствующими признаками: частно-правовыми или публично-правовыми. Самым активным образом правовая теория денег разрабатывалась именно в цивилистике, деньги рассматривались как объект гражданских прав через призму их частно-правовых характеристик. Но долгий путь дискуссий о правовой природе денег в гражданском праве не пройден по сей день. В цивилистической науке не утихают споры по поводу их природы как имущества, имущественных прав или обязательства либо явления смешанной имущественно-обязательственной природы; а в отношении цифровой валюты как цифровых прав – особого вида имущества (цифрового иму-

щества; криптоимущества). Не вдаваясь в оценку этой научной дискуссии (она не является предметом нашей статьи) поставим лишь один вопрос: насколько цивилистическая дефиниция важна и нужна для финансового права? М. В. Карасева по этому поводу справедливо отмечает, что цивилистический подход к деньгам как объекту финансового правоотношения необходим в финансово-правовой науке и практике. Построение финансово-правовой теории денег должно базироваться на цивилистической доктрине [13, с. 40]. Напомним, что финансовые отношения отвечают в совокупности и публичным (императивным) и имущественным признакам.

В публичных отраслях права, в нашем случае – в финансовом праве, также есть потребность в определении понятия денег как предмета финансовых правоотношений и разработке финансово-правовой теории денег. В основе этой теории с очевидностью лежит государственно-правовая теория денег. Еще в конце XIX – начале XX в. известный ученый-финансист профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедев писал, что «главная функция их не в этом их товарном значении, а в санкции, даваемой им законом» [14, с. 410]. Другой профессор Московского университета И. И. Янжул особо выделял монетную регалию «как исключительное право государства чеканить монету и пускать ее в обращение» [15, с. 214]. Современные исследователи также единодушны в этом вопросе и связывают финансово-правовое понятие денег с суверенным исключительным правом государства проводить эмиссию денежных знаков, определять порядок обращения денег в качестве законного средства платежа в юрисдикции данного государства. Отмечая производность денег от государства подчеркивается, что «деньги являются результатом, формой и следствием суверенитета и юрисдикции государства» [16, с. 39]. В теории финансового права сущность денег как финансово-правового понятия определяется через категорию законного средства платежа. При этом, в отличие от этого же понятия в гражданском праве, в финансовом праве законное платежное средство является единственным средством исполнения финансово-правового (денежного) обязательства [13, с. 50–51].

В экономической науке получила распространение информационная теория денег, деньги как информация о стоимости, которая основана на одной из функций денег как носителя информации. И в науке финансового права имеются сторонники этой теории. Так, Л. Л. Арзуманова определяет деньги как финансово-правовую категорию в качестве информационного носителя (монетный, бумажный, электронный и др.), который установлен нормативно-правовыми актами, придающими ему платежную силу [5, с. 220]. Заметим, что информационная функция – это лишь одна из функций денег, которая не определяет финансово-правовой сущности этого правового понятия.

Деньги как законное средство платежа в финансовом праве отвечают следующим признакам:

1) Производность от монопольного права государства осуществлять денежную эмиссию (чеканить монету). По Закону о Центральном Банке Российской Федерации от 10 июня 2002 г. № 86-ФЗ этим правом наделен ЦБ РФ (Банк России)²;

2) Законодательный характер установления денежной единицы (Конституция РФ (ст. 75 и ст. 27 ФЗ о валютном регулировании и валютном контроле от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ³);

3) Внешнее выражение денег – денежные знаки двух видов: банковские билеты (банкноты) и разменная металлическая монета, которые как законные средства платежа должны внешне соответствовать признакам платежеспособности (наличная форма денег);

4) Обязательность к приему денег всеми по их нарицательной стоимости на всей территории государства;

5) Обеспеченность денежных знаков (до 1992 г. – золотым содержанием банкнот, в настоящее время – всеми активами ЦБ РФ);

6) Обращение денег в формах : наличные, безналичные, в том числе электронные, цифровые, в порядке, установленном государством;

7) Право государства санкционировать – введение в обращение наряду с национальной валютой иностранной валюты как средства платежа с валютными ограничениями [6, с. 41-45].

В части обеспеченности денег всеми активами ЦБ РФ у многих специалистов-правоведов возникают вопросы и сомнения. Следует согласиться с мнением Н. В. Омелехиной, которая считает, что в обязательствах ЦБ РФ в этом случае следует видеть не гражданско-правовое обязательство, а публично-правовое, которое включает как имущественные, так и организационные гарантии, т. е. финансово-правовые [17, с. 8–12].

Таким образом, деньги как финансово-правовая категория – это законные платежные средства, эмитированные в денежных единицах и введенные в обращение от имени государства (валюта РФ), либо иные платежные средства, санкционированные государством (иностранная валюта), порядок обращения которых устанавливается законодательством.

К термину «деньги» в специальной литературе (экономической, юридической) да и в нормативно-правовых актах зачастую добавляются определения «наличные», «безналичные», «банковские», «электронные». Сразу отметим условность такой терминологии. Сущность денег едина, различаются лишь формы денежного обращения – наличное и безналичное обращение, порядок организации которых устанавливается государством. Для краткости в целях экономии юридических средств допустимо при-

² СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

³ СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

менять термин формы денег, имея в виду, что речь идет о форме их обращения. В науке финансового права на сегодняшний день нет единства подходов к определению форм денег. Если ранее всех устраивала классификация форм обращения денег на наличную и безналичную (последняя сводилась к банковским деньгам, т. е. финансовым инструментам расчета по счетам в банках или иных кредитных учреждениях), то с принятием федеральных законов: ФЗ от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о НПС)⁴ и ФЗ от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых...» финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее – Закон о ЦФА, цифровой валюте) – встал вопрос о правовой квалификации электронных (цифровых) денег. И здесь мнения специалистов-финансистов разделились. Одни довольно обоснованно признают электронные деньги разновидностью безналичного денежного обращения, где денежные средства выражены в виде уникального цифрового кода, наряду с классическими банковскими деньгами, движение которых осуществляется исключительно через банковские счета [18, с.191-218]. Другие настаивают на принципиальных отличиях электронных денег от безналичных и выводят их в самостоятельную форму денежного обращения (электронную или цифровую) [6, с. 210]. По мнению сторонников такого подхода, электронные деньги и безналичные деньги имеют разный правовой режим: первые регулируются специальным законодательством о национальной платежной системе, вторые – банковским законодательством. Электронные деньги обращаются в рамках национальной платежной системы, безналичные деньги – в банковской системе. Безналичные деньги существуют в виде записей на банковских счетах, электронные деньги – в виде записей оператора платежной системы. Разнятся также они в части начисления процентов и выдачи кредитов [4, с. 471–473]. Между тем перечисленные отличительные признаки отнюдь не свидетельствуют об иной природе электронного денежного обращения. В рамках очевидной классификации на наличное денежное обращение, имеющее материальный объект (денежные знаки в виде монет и банкнот) и безналичное денежное обращение, не имеющее материального носителя, банковские деньги и электронные деньги являются безналичной формой денежного обращения.

Цифровая экономика потребовала электронные (цифровые) платежные инструменты безналичного денежного обращения. В течение довольно короткого периода времени – с 2011 по 2022 гг., как отмечалось выше, безналичное денежное обращение, дополнительно к традиционной форме расчетов по счетам в банках, «приросло» новыми видами обращения:

⁴ СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

⁵ СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018.

электронными денежными средствами (Закон о НПС), цифровой валютой (Закон о ЦФА и цифровой валюте), цифровым рублем.

В этой связи вполне логично выделение собирательного понятия «денег в электронной форме», объединяющего перечисленные формы обращения электронных денег [2, с. 223]. Забегая вперед, отметим, что разобщенное правовое регулирование отдельными законами этих видов электронных денег представляется необоснованным. По логике вещей для всех перечисленных форм электронных денег правовой режим должен определяться Законом о национальной платежной системе, все эти виды электронных денег обращаются в платежных системах, цифровых платформах. Рассмотрим по порядку.

Электронные денежные средства, как следует из легальной дефиниции Закона о НПС (ст. 3), отвечают следующим признакам, которые в совокупности можно отнести, во-первых, к цивилистическим характеристикам (электронные денежные средства всегда предоплачены, это обязательство эмитента перед клиентами); во-вторых, информационным (их передача проводится с использованием электронных средств платежа) и, в третьих, финансово-правовым (электронные денежные средства обращаются в рамках платежных систем, права и обязанности участников которых определяются законом, равно как и порядок финансового контроля в НПС). Закон о НПС – это комплексный нормативно-правовой акт, объединяющий нормы финансового, гражданского, информационного отраслей права. Отсюда и легальная дефиниция электронных денежных средств с учетом их сложной правовой природы. Электронные денежные средства, так же как и деньги, имеют различные характеристики в зависимости от отраслевых целей правового регулирования (в целях регулирования имущественных отношений, финансовых, информационных).

Цифровая валюта как объект финансово-правового регулирования, в свою очередь, может существовать в трех формах: в форме государственной цифровой валюты, выраженной в национальной валюте (цифровой рубль), частных цифровых валютах. Последние могут быть номинированы как в национальной валюте в рамках национальной платежной системы, так и в иных «знаках стоимости»; с точки зрения информации о держателе электронных денег они делятся на персонифицированные и неперсонифицированные. Для сравнения: «Яндекс-Деньги» – частные персонифицированные электронные деньги, выраженные в рублях; Bitcoin – частные неперсонифицированные (анонимные) электронные деньги. В специальной литературе зачастую эти частные неперсонифицированные электронные деньги именуют криптовалютой. К международной цифровой валюте в перспективе могут относиться цифровой евро (ЕС),

цифровая валюта БРИКС, работа над проектами которых идет в настоящее время в рамках названных международных региональных организаций.

Криптовалюта – это обращающийся в рамках децентрализованной частной сети платежный инструмент, для защиты операций с которыми применяется технология блокчейна, распределенного реестра. Можно выделить следующие признаки криптовалюты: 1) это частные виртуальные деньги, выпускаются в обращение субъектами, отличными от государства; 2) основаны на технологии блокчейна; 3) обращаются в рамках децентрализованной (пиринговой) платежной системы на основе распределенного реестра; 4) не выражены в денежных единицах какого-либо государства; 5) отсутствует централизованный эмитент [2, с. 228–230]. Таким образом, квалифицирующими признаками криптовалюты выступают децентрализация, анонимность, трансграничность.

В Законе о ЦФА и цифровой валюте (ст. 1) дана легальная дефиниция цифровой валюты. В этой легальной дефиниции также сочетаются признаки, отвечающие целям гражданско-правового, финансово-правового и информационного правового регулирования, поскольку и данный закон относится к категории комплексных нормативных правовых актов. Из легальной дефиниции цифровой валюты вытекают следующие ее характеристики: 1) у цифровой валюты отсутствует обязанное лицо перед каждым обладателем таких электронных данных; 2) может быть принята в качестве средства платежа и (или инвестиций); 3) это совокупность электронных данных в информационной системе; 4) не являются денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. Однако данное определение нельзя признать удачным, во-первых, потому, что из перечня цифровых валют выводятся государственная цифровая валюта и международные цифровые валюты. По сути, речь идет о частных цифровых валютах (криптовалютах) и далеко не всех, а только тех, выпуск и организация обращения которых предполагает использование российской информационной инфраструктуры (ст. 14 Закона о ЦФА и цифровых валютах). Вероятно, иные криптовалюты будут признаваться денежным суррогатом и запрещаться к обращению. Иными словами, закон ставит знак равенства между понятием цифровой валюты и частной децентрализованной цифровой валютой (криптовалютой), что неизбежно порождает неопределенность в правовом регулировании.

Во-вторых, данным законом для российских резидентов (юридических и физических лиц, а также филиалов, представительств иностранных организаций на территории РФ) вводится запрет принимать цифровую валюту в качестве средства платежа. Возникает вопрос о перечне операций, которые допустимы с цифровой валютой, исходя из функций

денег. К таковым могут быть отнесены платежные операции инвестиционного характера (например, внесение в уставной капитал юридического лица), операции, в которых цифровая валюта является предметом сделки купли-продажи, дарения, займа и др. Но судебной защите подлежат эти операции с цифровой валютой при условии информирования о фактах обладания такой валютой.

Еще одну проблему следует упомянуть в связи с установленным правовым режимом цифровой валюты. Цифровая валюта признается имуществом в целях выборочного правового регулирования имущественных отношений в рамках законодательства о несостоятельности (банкротстве), об исполнительном производстве и публичных контрольных отношений в рамках законодательства о противодействии коррупции и противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Определение цифровой валюты как имущества не согласуется с базовым законом, вновь возникают условия неопределенности в праве.

Закон о ЦФА и цифровой валюте не определяет прав и обязанностей участников выпуска и оборота цифровой валюты, носит рамочный заявительный характер с отсылкой к будущему специальному закону о цифровой валюте. По сути, речь идет о криптовалюте. Неслучайно разработка этого законопроекта стала «полем битвы» двух финансовых титанов ЦБ РФ и Министерства финансов РФ. ЦБ РФ настаивал на «жесткой» запретительной модели правового регулирования цифровой валюты (в значении криптовалюты) по примеру Китая. Опасения ЦБ РФ понятны, т. к. криптовалюта создает реальные угрозы денежной и национальной платежной системам: риски использования криптовалюты в преступных целях, риски необеспеченности этой валюты и т. д. Министерство финансов предлагало иную модель правового регулирования криптовалюты как особого объекта, установив порядок ее выпуска и обращения под контролем государства. К примеру, нечто похожее можно найти в специальном законодательстве Японии. В качестве аргументов в пользу такого регулирования приводились очевидные факты майнинга и обращения криптовалют на территории РФ вне правового поля. В результате вся значительная часть финансовых операций с криптовалютой оказывается за пределами налогообложения. Равно возникают проблемы в части финансового контроля в этой сфере. Наконец, стороны дискуссии пришли к определенному консенсусу и появилась Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют (2022 г). Целями государственного регулирования оборота цифровых валют в Концепции заявлены их интеграция в финансовую систему государства и обеспечение финансового контроля. Организация оборота цифровой валюты выстраивается

по образу и подобию оборота цифровых финансовых активов. Определены участники, их функционал: организатор системы обмена цифровых валют, оператор обмена цифровых валют; иностранные биржи; клиенты; государственные органы контроля (Росфинмониторинг, ФНС, Банк России, Минцифры, Прокуратура). В рамках предлагаемой модели правового регулирования криптовалюты лишается признака анонимности.

Нельзя в этой связи обойти вниманием и проблему выпуска криптовалюты (майнинга). На стадии законопроекта закон о ЦФА и цифровой валюте включал понятие майнинга как деятельности, направленной на создание криптовалюты и (или) валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты. Майнинг признавался предпринимательской деятельностью в случае, когда лицо, которое его осуществляет, в течение трех месяцев подряд превышает лимиты энергопотребления, установленные Правительством РФ. Однако в окончательной редакции закона данные положения не нашли отражения. В настоящее время в Госдуме РФ находится законопроект, призванный узаконить майнинг⁶. Законопроект предусматривает, что граждане обязаны задекларировать криптовалюту, полученную в результате майнинга. Кроме того, устанавливаются ограничения в виде прямого запрета проведения сделок по отчуждению цифровой валюты, которая получена в результате майнинга, с использованием объектов российской информационной инфраструктуры. Исключения составят случаи осуществления сделок согласно установленным экспериментальным правовым режимам.

Цифровой рубль – это еще один новый платежный инструмент, востребованный цифровой экономикой. Отметим, что в настоящее время более 50 стран работают в направлении введения цифровой государственной валюты. На уровне пилотных проектов цифровая государственная валюта появилась в Арабских Эмиратах, Канаде, Китае, Франции, Южной Корее, ЮАР, Уругвае. Банк международных расчетов определяет цифровую валюту центрального банка государства (*central bank digital currency*) в качестве цифровых денег, эмитированных центральным банком, номинированных в национальной валюте и представляющих собой обязательства центрального банка. В этой части Российская Федерация идет в авангарде в части легализации государственной цифровой валюты. Признается, что цифровой рубль в полной мере можно квалифицировать как цифровую валюту центрального банка [19, с. 20–36].

Цифровой рубль как безналичная форма обращения денег также имеет «разноотраслевые» грани: цифровой рубль как объект гражданских прав в виде имущественного права (ст. 128 ГК РФ); цифровой рубль как законное средство платежа в цифровой форме в финансовом праве и т. д.

⁶ URL: <http://duma.gov.ru/news/55775> (Дата обращения: 04.02.2023)

Расчеты цифровыми рублями осуществляются на основе платформы цифрового рубля Банка России в соответствии с законом о НПС. В указанном законе появилась специальная глава 4.2 «Платформа цифрового рубля», введенная Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ, которая установила права и обязанности оператора платформы Банка России; порядок заключения договора счета цифрового рубля и др. Были внесены и соответствующая глава в Закон о Центральном Банке Российской Федерации (Банке России).

Таким образом, в соответствии с российским законодательством цифровой рубль: 1) представляет собой цифровую форму национальной валюты (цифровая государственная валюта), выпущенной ЦБ РФ; 2) является обязательством ЦБ РФ; 3) относится к безналичному денежному обращению на платформе цифрового рубля рамках национальной платежной системы; 4) учитывается на специальном счете цифрового рубля, при этом на остатки не начисляются проценты и не привлекаются во вклады, 5) выполняет все функции денег. Особо подчеркнем, что ЦБ РФ не осуществляет эмиссии цифрового рубля, последняя означала бы увеличение денежной массы. Выпуск цифрового рубля по своей природе схож с электронными денежными средствами в части их предоплаченности. Кроме того, введение цифрового рубля в перспективе позволит рассматривать его в качестве финансового средства преодоления международных санкций в платежной сфере в условиях отключения наших банков от системы международных расчетов SWIFT.

В заключение ограничимся общим выводом о необходимости обеспечения денежной системы РФ эффективным правовым механизмом, который гарантирует финансовый суверенитет российского государства. Рассмотренные выше новеллы действующего финансового законодательства свидетельствуют о том, что они являются ответом на вызовы российской цифровой экономики, находящейся в условиях жесткого внешнего санкционного воздействия.

Ссылки

1. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М.: Юриспруденция, 2022. 272 с.

2. Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики. М.: Проспект, 2023. 240 с.

3. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. 352 с.

4. Актуальные проблемы финансового права / под ред. А. Д. Селюкова, И. А. Цинделиани. М.: Юстиция, 2019. 482 с.
5. Арзуманова Л. Л. Денежное обращение и история его развития (финансово-правовой аспект): монография. М.: Проспект, 2013. 264 с.
6. Кучеров И. И. Право денежного обращения. М.: Магистр, 2022. 256 с.
7. Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права. М.: Норма, 2017. 176 с.
8. Финансовое право Российской Федерации: учебник / под ред. М. В. Карасевой. М.: Кнорус, 2012, 608 с.
9. Финансовое право: учебник / под общей ред. Э. Д. Соколовой. М.: Проспект, 2019. 592 с.
10. Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021. 128 с.
11. Финансовое право: учебник / под ред. К. С. Бельского, С. С. Тропской. М.: Проспект, 2022. 536 с.
12. Финансовое право: учебник / отв. ред. С. В. Запольский. М.: Контракт, 2011. 792 с.
13. Карасева М. В. Деньги в финансовом праве. М.: Юрист, 2008. 53 с.
14. Лебедев В. А. Финансовое право. М.: Статут, 2000. 461 с.
15. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М.: Статут, 2002. 555 с.
16. Институты финансового права / под ред. Н. М. Казанцева. М.: Юриспруденция, 2009. 512 с.
17. Омелехина Н. В. Цифровой образ объектов финансовых отношений: перспективы и риски введения цифрового рубля // Финансовое право. 2021. № 4. С. 8–12.
18. Актуальные проблемы финансового и налогового права / под ред. М. В. Карасевой. М.: Проспект, 2020. 272 с.
19. Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 20–36. DOI 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

Ostap Bender and the criminal code of the RSFSR 1926. Part I

R. G. Oganesyanyan¹

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-270-279

Research article
Full text in Russian

The article attempts to conduct a legal analysis of one of the most famous works in Soviet literature – the novel "The Twelve Chairs" by Ilf and Petrov. A legal assessment of the activities of his main character, Ostap Bender, is given from the perspective of Soviet criminal legislation – the Criminal Code of the RSFSR of 1926. The topic of this article is relevant because in the Soviet period, the issues of interaction between law and fiction were not sufficiently reflected in research and presented legal conflicts, even having a fictional, imaginary character, ways to tell much more about political and social life and about people involved in various legal conflicts.

Keywords: Vorobyaninov; theft; fraud; Ostap Bender; chair; criminal code

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oganesyanyan, Roman G. | E-mail: rgo1994@mail.ru

Остап Бендер и уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I

Р. Г. Оганесян¹

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-270-279
УДК 340.15, 343.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье делается попытка провести юридический анализ одного из самых известных произведений в советской литературе – романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Дается правовая оценка деятельности его главного персонажа, Остапа Бендера, с позиции советского уголовного законодательства – Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Актуальность статьи обусловлена тем, что в советский период вопросы взаимодействия права и художественной литературы не нашли достаточного отражения в исследованиях и представленные правовые коллизии, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в различные правовые конфликты.

Ключевые слова: Воробьянинов; кража; мошенничество; Остап Бендер; стул; уголовный кодекс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оганесян, Роман Геворгович | E-mail: rgo1994@mail.ru
Младший научный сотрудник Центра научных исследований

Уголовно-правовая наука неразрывно связана с художественной литературой. Как и искусство слова, она стремится постичь философию жизни, природу человека, мотивацию его поступков. Всматриваясь в сюжеты жизни, мастер слова старается изобразить преступника и его деяние психологически точно. Его пером создается картина преступления, выявляются мотивы действия людей в тех или иных ситуациях, зачастую незнакомых юристу в реальной жизни, но тем не менее правдоподобных и вполне возможных.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Писательская оценка характеров и отношений важна для постижения нравов общества. Именно литература становится бесценным источником познания внутреннего мира человека, решившегося на преступление или совершившего его [1, с. 73–90]. В качестве демонстрации представленных тезисов автору хотелось бы обратиться к одному из самых известных памятников отечественной литературы – незабвенной «дилогии» Ильи Ильфа и Евгения Петрова: «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», в особенности к деятельности главного персонажа – «великого комбинатора», потомка янычаров Остапа-Сулеймана-Берта-Марии Бендербея (Остапа Задунайского). Несмотря на то что там хватает героев, имеющих очень тесные отношения с законом, именно род его занятий характеризуется в отечественной криминологии как «криминальный профессионализм».

И непосредственно он становится в центре повествования. В то же время возникает вопрос об оценке деяний «великого комбинатора» с позиции советского уголовного законодательства. Принятие 2-й сессией Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. обычно связывают как с принятием Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., так и с развитием новой экономической политики. Большинство специалистов области уголовного права называют данный кодекс правопреемником Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., поскольку при разработке его концептуальных положений законодатель основывался именно на нормах первого советского Уголовного кодекса и Основных начал. Отдельные уголовно-правовые институты получили дальнейшее развитие, а часть из них претерпела значительные изменения. Это объясняется рядом обстоятельств, в том числе использованием в качестве элемента основы социальной защиты в ее классовой интерпретации концепции социологического учения¹. Под сферу регулирования Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. попадает большинство поступков, совершенных сыном турецкого подданного, если принять во внимание тот факт, что роман был опубликован спустя три месяца после вступления в силу данного уголовного закона.

Сам Остап Бендер считал себя законопослушным гражданином: *«Я конечно, не херувим, у меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость»* [10, с. 8]. Анализ его деятельности показывает, что это высказывание можно признать соответствующим действительности только со значительной условностью. По подсчетам автора, персонаж данных романов переступил запрет примерно 12 статей Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., а преступных же эпизодов насчитывается пример-

¹ О теоретических аспектах Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. более подробно см.: [2, с. 26–35; 3, с. 1057–1058; 4, с. 52–58; 5, с. 51–59; 6, с. 75–78; 7, с. 119–121; 8, с. 583–586; 9, с. 101–118].

но в два раза больше. Да и сам персонаж в дальнейшем признавал и говорил, что *«склонен к обману и шантажу»*. Необходимо отметить, что Остап действительно чтит Уголовный кодекс в том смысле, что большинство описанных эпизодов достаточно сложны для квалификации и в юридическом смысле могут трактоваться неоднозначно.

Одним из первых эпизодов в преступной деятельности Бендера принято считать посещение им завхоза 2-го дома Старсобеса, «голубого воришки» Александра Яковлевича (Альхена), и представление себя в качестве инспектора пожарной охраны. «Проинспектировав» богадельню и сытно пообедав «чем бог послал», а также убедившись в том, что в доме стул отсутствует, комбинатор собирался покинуть приют, однако:

«В коридоре к уходящему Бендеру подошел застенчивый Альхен и дал ему червонец».

«Это сто четырнадцатая статья уголовного кодекса, – сказал Остап, – дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Но деньги взял и, не попрощавшись..., направился к выходу» [11, с. 68].

Во-первых, Остап допустил ошибку в определении статьи уголовного кодекса. На самом деле, не 114, а 118 ст. устанавливала уголовную ответственность за дачу взятки и посредничество во взяточничестве. Ст. 114, в свою очередь, устанавливала наказание судьям, которые выносили неправосудные приговоры [12, с. 33]. Данный кодекс, в отличие от редакции 1922 г., в целом смягчал ответственность за должностные преступления, в том числе за взяточничество. За получение взятки без отягчающих обстоятельств кодекс устанавливал максимум лишения свободы до двух лет, а при отягчающих обстоятельствах – минимум лишения свободы на два года. Дача и посредничество во взяточничестве карались лишением свободы на срок до пяти лет, а провокация взятки – на срок до двух лет. Во-вторых, привлечь Бендера к ответственности за получение взятки (ст. 117) не представляется возможным, т. к. в уголовном кодексе твердо было зафиксировано, что субъектом получения взятки является должностное лицо [13, с. 475–476]. Само же понятие должностного лица определялось так же, как и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [14, с. 62]. В данном случае Остап не являлся должностным лицом. Кроме того, вряд ли его можно привлечь к ответственности и по ст. 169 «Мошенничество», ввиду того что, обманув Альхена относительно своей личности и имея умысел на завладение чужим имуществом – стулом, Бендер в итоге его не заполучил. Если бы стул в этот момент находился в богадельне, можно предположить, что Остап нашел бы способ изъять его в качестве пожароопасного объекта. В предложенной ситуации Остап Бендер чист перед законом.

Другим немало интересным моментом является эпизод изъятия стула у «знойной женщины – мечты поэта» Мадам Грицацуевой. Исходя из диалога между Бендером и Воробьяниновым можно сделать вывод, что Остап желает вступить с ней в фиктивный брак только лишь с одной целью – поближе рассмотреть содержимое стула. Стоит отметить, что термин «фиктивный брак» в отечественной практике появился лишь в 1949 г., а законодательно был закреплен лишь в конце 60-х гг. XX в. [15, с. 19]. В современном законодательстве «фиктивный брак» признается одним из правонарушений, в случае «если супруги или один из них зарегистрировал брак без намерения создать семью»².

Такого намерения, как мы понимаем, у Остапа Бендера вовсе не было. Пропустив эпизод со свадьбой, остановимся на сцене кражи стула:

«В пять часов утра явился Остап со стулом... Остап вынул из бокового кармана золотую брошь со стекляшками, дутый золотой браслет, полдюжины золоченых ложечек и чайное ситечко.

Ипполит Матвеевич в горе даже не сообразил, что стал соучастником обыкновенной кражи.

– Пошлая вещь, – заметил Остап, – но согласитесь, что я не мог покинуть любимую женщину, не оставив о ней никакого воспоминания...» [11, с. 139, 141].

В данном эпизоде вряд ли можно привлечь Ипполита Матвеевича к уголовной ответственности, потому что он к ней никакого отношения не имел, а также ни словом, ни делом ей не способствовал и даже не знал о ее совершении. Если рассматривать советскую экранизацию «12 стульев» 1971 г., мы видим, что он вскрыл стул во время свадьбы Бендера и Грицацуевой. Данное деяние можно оценивать по ст. 175 УК РСФСР 1926 г.: «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам», за совершение которого устанавливалось наказание в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев или штрафа до пятисот рублей [11, с. 44]. Что касается Бендера, то его действия, по мнению автора, можно отнести к п. «а» ст. 162 УК РСФСР 1926 г. как «Тайное похищение чужого имущества (кража)», которое было совершено «без применения технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами» и наказывалось также в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев [11, с. 41].

Нельзя также забывать о создании Остапом тайной подпольной организации с целью якобы свергнуть советскую власть – «Союз меча и орала».

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изменениями на 04 августа 2022 г.) (редакция, действующая с 01 сентября 2022 г.). URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/09/23/38/Semeiniy_kodeks_RF_red_04.08.2022.pdf (дата обращения: 06.05.2023).

Поначалу можно подумать, что данное деяние стоит отнести к ст. 58¹, высшей мерой наказания которого являлся расстрел. Тем не менее план Бендера выглядел несколько иначе:

«Строгий секрет! Государственная тайна!.. Тайный союз меча и орала!.. Впрочем, вы можете уйти, но у нас, предупреждаю, длинные руки!

Граждане! — сказал Остап, открывая заседание. Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны зывают о помощи... Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят в своих постелях и укрываются теплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь...

Товарищи! — продолжал Остап. — Нужна немедленная помощь... Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям, только детям и никому другому...

Всего, провозгласил Остап, четыреста восемьдесят восемь рублей. Эх! Двенадцати рублей не хватает для ровного счета» [11, с. 135].

Очевидно, что Остап, воспользовавшись доверчивостью членов союза в отношении беспризорных детей, раздобыл вышеуказанную сумму денег, не имея желаний использовать их по назначению, что точно подпадает под действие ст. 169: «Мошенничество».

Следующий эпизод для привлечения к уголовной ответственности Бендера — нанесение побоев Кисе на аукционе по причине пропитых «пятнадцати процентов комиссионного сбора» (ст. 146). Однако великого комбинатора можно понять, поскольку из-за нехватки достаточной денежной суммы была упущена возможность приобрести все десять стульев, в одном из которых могли быть спрятаны бриллианты.

Остановимся на эпизоде по приобретению стула у инженера Э. П. Щукина, которому Бендер помог вернуться в свою квартиру и избежать ущемлений со стороны соседей:

«А я к вам по делу, товарищ Щукин.

Чрезвычайно буду рад вам служить.

Гран мерси. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул...

Да, пожалуйста! — воскликнул Эрнест Павлович. Я очень рад...

Инженер засуетился и проводил великого комбинатора...» [11, с. 236–237].

Данные действия аналогично предусмотрены ст. 169 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Чтобы заполучить стул, Бендер намеренно искажил факты о просьбе Элочки отдать гарнитур ей, введя тем самым в заблуждение ее мужа. Вдобавок Щукин осознанно отдал стул Бендеру, не задумавшись о степени его прав на него. Если говорить о приобретении стула у Людоедки Элочки, то здесь Остап закон не нарушал, ввиду того что была достигнута договоренность об обмене стула на чайное ситечко.

Авторами романа также превосходно был представлен процесс выноса стула у комика А. В. Изнуренкова

«Изнуренков здесь живет? Это вы и есть?».

Что же это, товарищ, жестко сказал Бендер, – это совсем не дело – прогнать казенного курьера³... Сейчас мебель буду вывозить. Попрошу вас очистить стул...

С этими словами Остап схватил стул и потряс им в воздухе.

Вывожу мебель! – решительно заявил Бендер.

Авессалом Владимирович бежал за стулом до самого угла...» [11, с. 242].

Поначалу можно подумать, что великий комбинатор приобрел этот стул посредством мошенничества. Однако было ли так на самом деле? Ведь Остап не представлялся судебным исполнителем, не вводил в заблуждение и не обманывал Авессалома. Он просто вошел в квартиру, помахал обычным листком бумаги и открыто забрал стул. Если учесть, что вся мебель в квартире Изнуренкова была описана судебным исполнителем еще до прихода Бендера к Авессалому, то теоретически можно говорить об открытом хищении чужого имущества или иначе «грабеже» (ст. 165). Но и здесь присутствует оговорка. Осознавал ли Изнуренков незаконность действий комбинатора? Маловероятно. Если он бы понимал, то предъявить обвинения Бендеру в грабеже представлялось весьма несложным. Как бы то ни было решение данной загадки Ильфа и Петрова, а также юридические мнения по этому эпизоду могут быть разными как в плане правомочности действий Остапа, так и в плане того, виновен ли он.

Рассматривая процессы вскрытия трех стульев: первого – у автора знаменитой «Гаврилиады», безуспешного поэта Н. Ляписа-Трубецкого; второго – в редакции газеты «Станок» и третьего – на борту парохода «Скрябин», – можно было квалифицировать эти эпизоды по ст. 79 и 175: «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным организациям» и «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам» [11, с. 26, 44].

³ Роли курьера в данном деле исполнял Киса Воробьянинов.

Теперь изучим аферу, совершенную «гроссмейстером» Бендером в организации межпланетного шахматного конгресса в г. Васюки. Арендовал клуб за три рубля и объявив о проведении сеанса одновременной игры, «гроссмейстер», который знал единственный ход в шахматах, а именно е2–е4, вне всяких сомнений завоевал доверие у главы васюкинского шахматного сообщества путем сообщения ложных сведений о себе и цели своего приезда, описав «ослепительные перспективы» развития Васюков.

«Не беспокойтесь, – сказал Остап, – мой проект гарантирует вашему городу неслыханный расцвет производительных сил... Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименоваются в Нью-Москву, Москва – в Старые Васюки... Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро и всего мира...»

Повторяю, что практически дело зависит от вашей самостоятельности. Всю организацию, повторяю, я беру на себя. Материальных затрат никаких, если не считать расходов на телеграммы.

Сколько же нужно денег на... это... телеграммы?

Смешная цифра, – сказал Остап, – сто рублей.

У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек. Этого, конечно, мы понимаем, далеко не достаточно...

Но гроссмейстер оказался покладистым организатором.

Ладно, сказал он, – давайте двадцать рублей.

А хватит? – спросил одноглазый.

На первичные телеграммы хватит. А потом начнутся пожертвования, и денег некуда будет девать» [11, с. 314–315].

Прибавим также сюда еще выручку, полученную с продаж билетов Воробьяниновым на лекцию Бендера «Плодотворная дебютная идея». В результате получается, что оба персонажа путем обмана сумели достать 56 рублей 16 копеек. Это приравнивается к все той же ст. 169 УК РСФСР 1926 г., но уже с ч. 2: «Мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению» [11, с. 44].

Перейдем к нескольким преступлениям, совершенным великим комбинатором в Пятигорске. Одно из них – организация кражи двух стульев из театра Колумба, гастролировавшего там, посредством привлечения монтера Мечникова. Данное преступление по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. оценивалось п. «г» ст. 162 («кража») как «совершенное из государственных и общественных складов ... и иных хранилищ... по сговору с другими лицами или неоднократно». Кража еще одного стула (одиннадцатого по счету), совершенная также в театре Колумба в Ялте, чуть

не стоила жизни персонажам из-за большого крымского землетрясения. Она карается той же статьей, что и эпизод в Пятигорске, но уже с п. «в».

Сложно также пропустить такую сферу деятельности Остапа, как занятие бродяжничеством и частично попрошайничеством. Стоит вспомнить, как он добывал деньги на хлеб себе и Кисе во время перехода по Военно-Грузинской дороге:

«Перед следующей машиной, которая оказалась автобусом, шедшим из Тифлиса во Владикавказ, плясал и скакал сам технический директор.

Давай деньги, Деньги давай! – закричал он сердито.

Смеющиеся пассажиры щедро вознаградили его прыжки. Остап собрал в дорожной пыли тридцать копеек... В этих занятиях концессионеры проводили свои дни» [11, с. 358]. Не стоит забывать, что Бендер и Воробьянинова заставил попрошайничать:

«Мосье, же не манж па сис жур... Подайте что-нибудь на пропитание бывшему депутату Государственной Думы...» [11, с. 337].

Данные действия достаточно сложно определить с позиции советского уголовного законодательства, т. к. во времена походов Бендера статья по борьбе с бродяжничеством, беспризорностью несовершеннолетних, попрошайничеством абсолютно отсутствовала. Она появилась лишь в послевоенное время, когда уровень этого социального явления значительно возрос [16, с. 111].

Таким образом, почитание Остапом Бендером Уголовного кодекса выглядит далеко неоднозначным. В данной статье представлены, конечно, не все его подвиги и деяния, не укладывающиеся в рамках закона. Однако уже исходя из всего вышепредставленного можно говорить, что в первом романе Ильфа и Петрова главный персонаж представлен как «истинный уголовник».

Заседание продолжается!

Ссылки

1. Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг.: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 310 с.
2. Крыленко Н. Новый уголовный кодекс // К итогам 2-й сессии ВЦИК XII созыва: (сборник). М., 1926. С. 26–35.
3. Иодковский А. Новый уголовный кодекс // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 36. С. 1057–1058.
4. Строгович М. С. Реформа уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1. С. 52–58.

5. Ширяев В. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. // Право на жизнь. 1927. Кн. 4. С. 51–59.
6. Эстрин А. Я. УК РСФСР 1926 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 4. С. 75–78.
7. Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Вып. 1: Основы и истории уголовного права. М.: Сов. законодательство, 1935. 152 с.
8. История советского государства и права: в 3 кн. Кн. 2: Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.). М.: Наука, 1968. 622 с.
9. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 192 с.
10. Так говорил Остап Бендер. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 80 с.
11. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 384 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 112 с.
13. Анцелович М. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 475–477.
14. Волженкин Б. В. Взятничество в истории советского законодательства (1918–1927 гг.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 59–67.
15. Алешина О. В. Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 18–22. EDN XBIAPH.
16. Бучакова М. А. Правовое регулирование борьбы с бродяжничеством, тунеядством и попрошайничеством в Советской России // Педагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1. С. 109–112.

Iatrogenic crimes: issues of criminalization and criminal liability

N. Yu. Zohrabyan¹

¹Russian-Armenian University, Republik of Armenia

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-280-289

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the peculiarities of legislative regulation of iatrogenic crimes in the light of the latest reform of the criminal legislation of the Republic of Armenia. The author analyzed the term “iatrogeny”, differentiated crimes according to the characteristics of a special subject of the crime (medical worker) when performing professional duties, and conducted a comparative legal analysis with the Criminal Code of the Russian Federation. The author focused on the criminalization of acts in the field of reproductive cloning and eugenic experiments, justifying the need for legislative regulation of these crimes, taking into account the growing needs of modern medicine in conducting experimental research. The relevant laws of the Republic of Armenia containing norms and definitions used in constructing the group of crimes under consideration are also analyzed. Medical error and qualification issues based on the characteristics of a special subject of a crime are considered.

Keywords: iatrogeny; criminalization; abortion; transplantology; illegal trafficking of cells, tissues or organs; eugenics; cloning; special subject

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zohrabyan, Naira Yu. | E-mail: naira.zaorabyan@rau.am
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Ятрогенные преступления: вопросы криминализации и уголовной ответственности

Н. Ю. Зограбян¹

¹Российско-Армянский Университет, Республика Армения

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-280-289
УДК 343.412

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена особенностям законодательной регламентации ятрогенных преступлений в свете последней реформы уголовного законодательства Республики Армения. Проанализирован термин «ятрогения», разграничены преступления по признакам специального субъекта преступления (медицинского работника) при выполнении профессиональных обязанностей, проведен сравнительно-правовой анализ с уголовным кодексом Российской Федерации. В статье акцентировано внимание на криминализации деяний в сфере репродуктивного клонирования, проведения евгенических экспериментов, обосновывается необходимость законодательной регламентации данных составов с учетом возрастающих потребностей современной медицины в проведении экспериментальных исследований. Также проанализированы соответствующие законы Республики Армения, содержащие нормы-определения, применяемые при конструировании данной группы преступлений. Рассмотрена врачебная ошибка, вопросы квалификации по признакам специального субъекта преступления.

Ключевые слова: ятрогения; криминализация; аборт; трансплантология; незаконный оборот клеток, тканей или органов; евгеника; клонирование; специальный субъект

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зограбян, Наира Юрьевна | E-mail: naira.zaorabyan@rau.am
Кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального
права Института Права и Политики

Охрана здоровья граждан является одной из важнейших задач государства. В соответствии со статьей 85 Конституции Республики Армения¹ «каждый в соответствии с законом имеет право на охрану здоровья», а здо-

¹ Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=153080> (дата обращения: 25.05.2024).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ровье человека выступает самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны в Уголовном кодексе Республики Армения.

Преступления в сфере медицинской деятельности в настоящее время представляют собой сложную научную проблему. Назрела необходимость выделения отдельной обособленной группы уголовно-правовых норм, направленных на защиту предусмотренного Конституцией права на охрану здоровья. Речь идет о нарушениях в сфере оказания медицинских услуг, медицинской помощи, влекущих уголовную ответственность. Наблюдается стабильный рост претензий к медицинским организациям в отношении качества лечения. Из года в год увеличивается количество выявляемых дефектов оказания медицинской помощи. УК РФ и УК РА предусматривают достаточное количество статей, которые можно выделить в отдельную главу в Особенной части УК данных уголовных законов. Так поступили законодатели Киргизии, Казахстана, Китайской Народной Республики. Исследование сущности и особенностей ятрогенной преступности, вне сомнения, составляет одно из основных и динамичных направлений развития уголовной политики Республики Армения, поскольку с учетом специфики сферы здравоохранения и оказания медицинской помощи адекватное реагирование на происходящие в них качественные изменения, отклонения является залогом успешного развития государства. Некачественное и недобросовестное оказание гражданам медицинской помощи и иные ятрогенные преступления требуют особого внимания со стороны как Министерства здравоохранения, так и правоохранительных органов. Необходимо также отметить, что ятрогенные преступления отличаются высокой степенью латентности и корпоративной солидарностью медицинских работников [1, с. 61].

Для начала следует определиться, что мы понимаем под ятрогенией. Впервые данный термин «ятрогения» был введен немецким психиатром Освальдом Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» в 1925 году: она является следствием любой формы поведения медицинских работников (действия, бездействия, психического воздействия) [2, с. 3]. Ятрогения (в переводе с греческого «врач» + γεννά «рождение») – ухудшение физического или эмоционального состояния человека, ненамеренно спровоцированное медицинским работником. В Древнем Риме широко применялась конструкция ошибки, в том числе применительно к врачебной деятельности. За врачебные ошибки врача привлекали к ответственности, считалось, что он ненадлежащим образом лечил больного, проявил халатность². Со временем термин «ятрогения» начали отождествлять с врачебной ошибкой, дефектом оказания медицинской помощи. Тем не менее мы склонны предположить, что ятрогения отличается по смысловому значению с вышеуказанными терминами и не является их синонимом.

² Врачебные ошибки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nedug.ru/library//>.

Хотелось бы отметить, что отсутствует легальное определение врачебной ошибки, более того это не юридическое понятие. Юридическое значение понятия врачебной ошибки появляется тогда, когда необходимо отделить ее от неграмотности, невежества врача. В настоящее время ятрогения употребляется в более широком значении. Всемирная организация здравоохранения определяет ятрогению как состояние, спровоцированное врачом в результате оказания им врачебной помощи. Существуют различные виды ятрогении: лекарственная, травматическая, инфекционная, психогенная, хирургическая, терапевтическая.

В то же время необходимо отметить, что не существует «ятрогении» как заболевания, это состояние, которое возникает в результате осуществления врачом своей профессиональной деятельности.

Ятрогения представляет собой социальную проблему, в результате которой нарушается конституционное право каждого на охрану своего здоровья. Она требует незамедлительного вмешательства со стороны уполномоченных органов государственной власти, в первую очередь министерства здравоохранения, и, как следствие, законодательного закрепления ятрогенных преступлений в уголовном кодексе, которое представляется нам как эффективный метод их предупреждения.

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является следующее определение: «Ятрогенные преступления – это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающих условия и принципы оказания медицинской помощи, установленные законами и подзаконными актами, совершаемые при выполнении служебных или профессиональных обязанностей, угрожающие здоровью или причиняющие вред жизни, здоровью, иным законным правам пациента» [3, с. 56]. В основу классификации ятрогенных преступлений положены различные критерии: объект преступлений, последствия, форма вины.

Наука уголовного права оперирует следующими определениями: медицинские преступления, врачебные преступления, преступления медицинских работников, преступления в сфере здравоохранения. Мы же склонны рассматривать их как ятрогенные преступления.

Положительный шаг в области всеохватывающей законодательной регламентации общественно опасных и противоправных деяний в области медицины был сделан в новом Уголовном кодексе Республики Армения, вступившем в силу с 01.07.2022 года. В УК РА выделена целая глава под названием «Преступления, ставящие под угрозу жизнь и здоровье», вбирающая в себя такие составы преступлений, как «Незаконное производство аборта» (ст. 174); «Принуждение к искусственному производству аборта или стерилизации» (ст. 175); «Незаконный оборот клеток, тканей, органов или биологических материалов или жидкостей человеческого эмбриона, плода, человека или трупа» (ст. 183); «Нарушение правил транс-

плантации» (ст. 184); «Подвергание человека медицинскому, научному или другому опыту без его согласия» (ст. 185); «Репродуктивное клонирование человека или евгенические эксперименты» (ст. 186); «Неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинскими работниками профессиональных обязанностей» (ст. 187). Наличие вышеуказанных преступлений в уголовном кодексе Республики Армения говорит о предпосылках становления медицинского уголовного права, о предупреждении указанной группы преступлений и пресечении использования достижений современной медицины в незаконных целях.

Родовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие защиту прав и свобод человека; видовым объектом – общественные отношения, в том числе отношения, возникающие между врачом и пациентом, призванные защитить жизнь и здоровье последнего; непосредственным объектом – жизнь и здоровье человека, преимущественно при оказании врачебной помощи. Примечательно, что предусмотрен достаточно большой перечень предметов преступления: эмбрион, плод, клетки человека или трупа, орган, биологические материалы или жидкость.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений выражена в форме как действия, так и бездействия. Так, например, неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей, объективная сторона выражена как в форме бездействия при неисполнении, так и смешанного бездействия при ненадлежащем исполнении.

Субъект преступления может быть как общим, например ст. 174, 175, 183 УК РА, так и специальным (медицинский работник).

Субъективная сторона ятрогенных преступлений может быть выражена как умышленной, так и неосторожной формой вины. В некоторых составах преступления, возможно, и двойная форма вины. Например, статья 187 УК РА предусматривает уголовную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинским работником своих служебных обязанностей (медицинский работник умышленно нарушает данные обязанности, а вред наступает по неосторожности).

Мотивы рассматриваемой группы преступлений также могут быть разные (корыстные, религиозные, карьеризм, месть, иные низменные мотивы). С ними законодатель не связывает наступление уголовной ответственности или усиление наказания.

Обращаясь к так называемым ятрогенным преступлениям, считаем необходимым более подробно остановиться на анализе некоторых составов.

В отличие от существующей ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности», в новом УК РА предусмотрены уже три состава преступления, связанного с искусственным прерывани-

ем беременности. Так, появились статьи, криминализирующие принуждение к аборту или стерилизации, а также аборт без должного информирования и надлежащего согласия. Считаем: излишне нагромождать уголовный кодекс не было необходимости, а наличие административной ответственности достаточно для предупреждения подобных деяний. Более того, с точки зрения применения данной статьи также есть проблема, поскольку непонятно, что подразумевает законодатель под должным информированием и надлежащим согласием. Думаем, что в контексте данной статьи должное информирование и надлежащее согласие подразумевает изложенный в соответствующей форме подписанный сторонами документ с изложением возможных неблагоприятных последствий.

Острую проблему в настоящее время представляют вопросы, связанные с незаконной трансплантацией. В частности, ст. 184 УК РА предусматривает нарушение правил трансплантации органов, тканей, клетки человека или трупа, эмбриона, плода или органа, биологического материала или жидкости, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, тем самым оставив за пределами данной статьи легкий вред здоровью. Данная статья носит бланкетный характер; для уяснения содержания указанных терминов необходимо обратиться к закону РА «О трансплантации органов и (или) тканей человека»³. В нем содержатся нормы-дефиниции; поскольку предмет преступления, предусмотренного статьей 184 УК РА, представлен достаточно разнообразно, возникла потребность в унификации вышеуказанных норм во избежание проблем в правоприменительной деятельности. Однако следует отметить, что некоторые вопросы вышеуказанный закон все же не решил: в нем отсутствует понятие клетки. Думаем, в таких случаях за основу надо брать специальную литературу.

Реалии действительности выдвигают на повестку дня проблемы генной инженерии, в частности проблемы незаконного клонирования человека и евгенические опыты. Представляется необходимым разрешение криминологической проблемы, связанной с незаконной трансплантацией. Вследствие отмеченного приоритетным направлением предупреждения преступности в сфере здравоохранения выступает в первую очередь совершенствование норм уголовного законодательства; усиление уголовной ответственности медицинских сотрудников. Наблюдается негативная тенденция использования органов и тканей сирот, а также людей, находящихся в районах вооруженных конфликтов.

Впервые в Республике Армения упоминание о евгенике и ее недопустимости нашло свое отражение в Конституции РА от 2015 года, согласно которой (ст 25 «Право физической и психической неприкосновенности»)

³ Закон РА «О трансплантации органов и (или) тканей человека». URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=120802> (дата обращения: 25.05.2024).

«в области медицины и биологии, в частности, запрещены евгенические эксперименты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека». Далее, с принятием нового УК РА, данный запрет нашел отражение в ст. 186. Можно заметить, что речь идет не о запрете евгенической деятельности вообще, а лишь о запрете евгенических экспериментов (опытов). Отсюда плавно вытекает вопрос о видах евгеники: положительной (позитивной) и отрицательной (негативной). Во многих странах в настоящее время существуют евгенические практики. В США, ряде европейских стран имеются законы о стерилизации, опирающиеся на положения о евгенике. Негативная евгеника стремится уменьшить воспроизводство тех, кого можно считать недоразвитыми умственно или физически или развитыми ниже среднего. Здесь также есть две точки зрения: борьба за права инвалидов (лиц, страдающих даунизмом и др.), с одной стороны, и право матери на аборт (в данном случае производство евгенического аборта) – с другой стороны.

Как уже отмечено выше, в новом уголовном кодексе Республики Армения предусмотрена уголовная ответственность за евгенику, а именно за евгенические эксперименты – совершение любых действий, направленных на улучшение (селекцию) человека. Согласно статье 17 закона РА «Об оказании помощи населению и медицинскому обслуживанию» предусмотрено, что репродуктивные права человека регламентированы законом «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека», в котором, однако, не используются термины «евгеника», «селекция». А статья 1 вышеназванного закона устанавливает, что человек имеет право на защиту своего репродуктивного здоровья, гарантии его реализации, применение технологий в репродуктивной сфере. В науке уголовного права нет однозначного отношения к евгеническим идеям. Так, интересным является указание на взаимосвязь между положительными представлениями о евгенике и антропологическим направлением в криминологии. Следует отметить, что Ломброзо является родоначальником биологических теорий в криминологии. «Высказанная Ч. Ломброзо теория «прирожденного преступника», по сути, является материалистической, поскольку в основном базируется на наблюдениях и экспериментальных исследованиях. Согласно этой теории, человек становится преступником не из-за социальных причин, а из-за того, что определенные черты ему передаются при рождении. Некоторым людям как бы предопределено судьбой совершать тяжкие преступления. На основании антропологических обследований преступников им были разработаны специальные таблицы характеристик урожденных преступников» [4, с. 130]. «Хромосомная теория – это еще одно из направлений теории наследственного предрасположения к преступлению. Исследования, проведенные в Пентриджской тюрьме в Мельбурне Ричардом Фоксом, показали, что заключенные,

имевшие комбинацию хромосом ХУУ, не более склонны к совершению насилия, чем остальные заключенные, но чаще, чем они, совершают имущественные преступления» [4, с. 131]. Представители антропологической школы положительным образом воспринимают евгенические идеи, заключающиеся в улучшении природных качеств человека, и предлагают посредством их модификации (посредством медицинских мероприятий) осуществлять предупреждение ряда преступлений, в частности совершенных в состоянии алкогольного опьянения и т. д. Данная точка зрения не поддерживается нами. Представляется, что сторонники распространения евгенических идей вполне могут обосновывать свои идеи, в частности, и ссылками на их роль в предупреждении преступности с точки зрения антропологического направления уголовного права. Однако, как полагаем, антропологические идеи могут скрывать в себе коренное изменение характера, содержания и целей уголовного наказания, коренным образом перестраивая его природу и сущность. Обоснование и развитие евгенических идей влечет за собой их претворение в действительность, если таковые не криминализованы в уголовном законодательстве. Получается, что в некоторых странах предупреждение преступности осуществляется посредством евгеники, в то время как на наш взгляд именно евгеника требует надлежащего уголовно-правового воздействия и предупреждения. В качестве примера следует привести закон штата Оклахома, на основании которого некоторые категории рецидивистов подвергались принудительной стерилизации, например воры. При этом лица, совершившие другие корыстные преступления, такой операции не подвергались. В деле «Skinner v. Oklahoma» (1942) закон был признан Верховным судом США неконституционным⁴. «Закон был слишком “узок” (“underinclusive”)». Ведь невозможно всерьез утверждать, что склонность к воровству может быть наследственной, а к растрате — нет. И одновременно, рассматриваемый закон был слишком “всеобъемлющим” (“overinclusive”), ибо нет доказательств для обоснования суждения, что на самом деле воры передают своим потомкам дурные наклонности⁵. В 2005 г. была принята Декларация ООН «О клонировании человека», принятая резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи, которая прямо запрещает все виды клонирования.

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит нормы, предусматривающие ответственность при выполнении медицинским лицом своих профессиональных обязанностей: квалифицированные виды причинения смерти по неосторожности (ч. 2, ст. 109), причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2, ст. 118), заражения ВИЧ-инфек-

⁴ Skinner v. Oklahoma ex rel. Williamson: 316 U.S. 535 (1942): Justia US Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/316/535/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁵ Франковски С., Гольдман Р., Лентовска Э. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_1d66fe3c79c7405a50db1c0267535d5e/ (дата обращения: 25.05.2024).

цией (ч. 4, ст. 122), а также основной состав неоказания помощи больному (ч. 1, ст. 124), незаконное производство аборта (ч. 1, ст. 123). Вне зависимости от наступления последствий субъектом преступлений выступает медицинский работник. Не обходя вниманием вопросы уголовной ответственности лиц, обладающих признаками специального субъекта преступления, отметим, что законодатель криминализировал случаи наличия в деянии лица последствий в виде тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенного по неосторожности. Таким образом, можно констатировать, что законодатель не уделил должного внимания случаям умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека или убийству, совершенного медицинским работником, призванным спасти жизнь людей, не квалифицировав умышленную вину как отягчающее обстоятельство.

Также заслуживают внимания вопросы дифференциации уголовной ответственности при наличии врачебной ошибки. Думаем, в таких случаях следует руководствоваться следующими обстоятельствами:

- в действиях медицинского работника налицо профессиональное невежество, то есть действия лица противоречат общепринятым стандартам и правилам;

- медицинский работник имел возможность и мог предвидеть наступление общественно опасных последствий и их преодолеть;

- наличие прямой или косвенной причинно-следственной связи между деянием лица и наступившими последствиями.

Считаем, что врачебные ошибки должны относиться к разновидностям фактических ошибок, поэтому они и должны квалифицироваться по правилам фактической ошибки. Что касается случаев атипичного течения заболевания и наступивших последствий, то при отсутствии признаков халатности, небрежности, данные ситуации не должны вменяться в ответственность медицинскому работнику.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что законодатели обеих стран криминализировали в отягчающих составах наличие последствий при неосторожной форме вины, а случаи, когда медицинский работник причиняет вред умышленно, остались за пределами уголовно-правовой регламентации в составах со специальным субъектом преступления.

Среди профилактических мер следует отметить, что важное значение среди прочих составляющих может сыграть повышение профессиональной компетентности сотрудников соответствующих подразделений правоохранительных органов, занимающихся вопросами выявления и раскрытия ятрогенных преступлений, что также может эффективным образом отразиться на предупреждении данного вида преступности. В частности, представляется возможным выделение соответствующего узкопрофили-

рованного подразделения, занимающегося раскрытием отмеченной группы преступлений.

Представляется важным криминологическое предупреждение клонирования, а также иных манипуляций с яйцеклетками, сперматозоидами, принудительного оплодотворения и использования эмбриональных стволовых клеток. Учитывая повышенную общественную опасность, латентный характер различных преступных манипуляций, связанных с эмбрионом и эмбриональными стволовыми клетками, полагаем возможным предусмотреть самостоятельный состав преступления, регламентирующий уголовную ответственность за незаконное изъятие эмбриональных клеток человека в целях их дальнейшего использования в медицине и эстетической медицине (косметологии), создание эмбриона в преступных целях.

Ссылки

1. Саргсян А. А., Зограбян Н. Ю. Особенности законодательной регламентации ятрогенных преступлений в контексте нового Уголовного кодекса Республики Армения // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 . С. 60–66. DOI 10.47475/2409-4102-2023-22-2-60-66.

2. Bumke O. Der Arzt als Ursache seelischer Störungen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1925. V. 51, No. 1. P. 3. DOI 10.1055/s-0028-1136333.

3. Профессиональные преступления медицинских работников / А. Л. Хлапов, И. А. Камаев, М. Н. Гриб, Е. А. Перевезенцев // Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Суздаль, 28–29 мая 2008 года. Иваново: Талка, 2008. С. 372-376. EDN MCCSHD.

4. Гладышев Ю. А. Антропологические теории в криминологии о причинах преступности // Юридическая техника. 2012. №. 6. С. 130–132. EDN RCGFHH.

Personal Factors of Preference of “Dangerous” and “Safe” Types of Professional Activity

A. A. Karpov¹, T. L. Chudakova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-290-297

Research article
Full text in Russian

The article presents results of the research of personality features, which determine the safety state, using the example of representatives of “dangerous” and “safe” professions. Specificity of experiencing the safety state is described. Differences in the personal profile of specialists in these professional groups are identified. Features of the structural organization of personal characteristics (determinants of the state of safety) among representatives of “dangerous” and “safe” professions are demonstrated.

Keywords: safety state; safety; especially dangerous professions; personal features

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Associate Professor, Professor
of the Russian Academy of Education.

Chudakova, Tatiana L. | E-mail: tatiana19952211@yandex.ru

Личностные детерминанты предпочтения «опасных» и «безопасных» видов профессиональной деятельности

А. А. Карпов¹, Т. Л. Чудакова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-290-297
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования личностных особенностей, определяющих переживание состояния безопасности, на примере представителей «опасных» и «безопасных» профессий. Описана специфика переживания состояния безопасности. Выявлены различия личностного профиля специалистов данных профессиональных групп. Показаны особенности структурной организации личностных особенностей – детерминант состояния безопасности – у представителей «опасных» и «безопасных» профессий.

Ключевые слова: состояние безопасности; безопасность; особо опасные профессии; личностные качества

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр Анатольевич	E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru Доктор психологических наук, доцент, профессор Российской академии образования
Чудакова, Татьяна Леонидовна	E-mail: tatiana19952211@yandex.ru Магистр психологии

Введение

Вопросы определения профессиональной пригодности человека к осуществлению некоторых (в частности, особо опасных) видов деятельности, его успешности в них являются одними из значимых в психологии труда. Деятельность специалистов опасных профессий осуществляется в условиях реальной или потенциальной угрозы для их жизни и здоровья. Ее реализация связана с переживанием широкого спектра эмоциональных состояний тревожного круга. В этой связи очевидной представляется про-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

блема психологической безопасности личности, что, в свою очередь, провоцирует постановку ряда важных вопросов: во-первых, определения личностных особенностей, позволяющих специалистам опасных профессий осуществлять деятельность такого типа; во-вторых, выявления внутренних ресурсов, позволяющих им восполнять ощущение собственной безопасности; в-третьих, определения детерминант переживания субъективной безопасности.

Необходимо отметить, что категория безопасности, выступая объектом исследования не только в психологии, но и в ряде других дисциплин и направлений, все чаще обращает на себя внимание ученых. И если прежде основной акцент ставился на изучении технических аспектов безопасности, то сейчас исследователи все больше говорят о психологической сущности безопасности, определяющей весьма актуальную психологическую проблемную область. К ее изучению обращались такие исследователи, как Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Т. М. Краснянская, Л. Ю. Субботина, И. А. Баева, А. И. Донцов, М. А. Котик, Н. А. Лызь и др. Наши исследования [1–2] показали, что можно рассматривать безопасность как личностное состояние, которое тесно встроено в структуру личности; переживание безопасности происходит не только пассивно: человек стремится к ощущению безопасности, проявляя в этом направлении определенную активность.

Процедура и методы исследования

Целью настоящего исследования выступило изучение личностных детерминант состояния безопасности в различных видах профессиональной деятельности. Наряду с этим, главной представляется задача определения специфики личностных детерминант состояния безопасности у представителей «опасных» и «безопасных» профессий (на примере профессиональных военнослужащих и специалистов социальных профессий – медицинских работников, психологов, педагогов). Была выдвинута гипотеза, согласно которой субъективная безопасность у представителей разных профессиональных групп обеспечивается с помощью различных механизмов (у представителей «безопасных» профессий – с помощью организации безопасной среды, у представителей «опасных» профессий – с помощью определенной организации личностных свойств). Кроме того, существуют различия в выраженности и структурной организации личностных свойств – детерминант состояния безопасности у представителей разных типов профессий.

В исследовании использован следующий методический инструментарий: авторская методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности (Л. Ю. Субботина, Т. Л. Чудакова); методика диагностики индивидуальной меры рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева); методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан); тест жиз-

нестойкости (С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой); методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд); методика исследования самооотношения (С. Р. Пантилев); методика экспресс-диагностики уровня самооценки (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов); опросник 16-PF (Р. Кеттелл) (форма А); методика диагностики уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд). Математико-статистические методы обработки эмпирических данных: метод корреляционного анализа по К. Пирсону; метод структурно-психологического анализа; расчет t-критерия Стьюдента.

Общая выборка составила 120 испытуемых, осуществляющих профессиональную деятельность в течение не менее 1 года. Были выделены 2 контрастные группы: 1) представители «опасных» профессий – 60 профессиональных военнослужащих (военнослужащие контрактной службы, проходящие службу в военной полиции и в военном вузе; военнослужащие – преподаватели военного вуза); 2) представители «безопасных» профессий – 60 испытуемых (медицинские работники (врачи, медицинские сестры, младший медицинский персонал, медицинские психологи), психологи, педагоги, преподаватели).

Опасность / безопасность профессий оценивалась по «физическому» критерию – наличию или отсутствию реальной угрозы жизни и здоровью. В профессиях «социальных» отсутствует прямая угроза жизни, поэтому они были отнесены нами к условно «безопасным» профессиям. Деятельность же военнослужащих, напротив, предполагает наличие риска для жизни и здоровья. Ввиду этого группа военнослужащих была отнесена к «опасным» профессиям.

Результаты и их обсуждение

Исследование было проведено на аналитическом и структурном уровнях. На аналитическом уровне производилась оценка значимости различий в переживании состояния безопасности и личностных особенностях между представителями «опасных» и «безопасных» профессий. Было установлено, что уровень склонности к переживанию состояния безопасности у представителей «опасных» профессий значимо выше, чем у представителей «безопасных» профессий ($t = 7,09507$, $p < 0,001$). Это означает, что предпочтение «безопасной» профессии связано с более редким переживанием состояния безопасности. Напротив, для тех, кто работает в сфере «опасных» профессий, состояние безопасности оказывается типичным. В большинстве ситуаций они спокойны, выдержаны, психологически устойчивы. Это можно объяснить тем, что всякий человек стремится к ощущению психологического равновесия. Люди, не склонные ощущать себя в безопасности, избегают ситуаций, представляющих собой прямую угрозу жизни и здоровью, предполагающих рискованность поведения и возможность испытать страх, следовательно, предпочитают безопас-

ный тип профессий. Работа в сфере «безопасных» профессий позволяет им удовлетворить потребность в безопасности (или, по меньшей мере, данную потребность не фрустрировать). В свою очередь, те, для кого состояние безопасности является типичным, наоборот, способны работать в сфере «опасных» профессий и готовы к реализации рискованного поведения. Помимо этого, были выявлены значимые различия в выраженности большинства личностных качеств и интегративных личностных характеристик между сравниваемыми группами.

Анализируя наибольшие расхождения между средними по факторам в сравниваемых группах, можно выделить несколько личностных свойств, типичных и показательных для группы представителей «опасных» профессий: эмоциональная стабильность; смелость; низкая склонность к чувству вины (самоуверенность, спокойствие, высокая самооценка, уверенная адекватность); низкая эмоциональная напряженность (расслабленность, спокойствие, низкий уровень тревожности).

Вместе с тем для них характерны высокий уровень жизнестойкости и адаптивности (выявлены различия между всеми параметрами данных характеристик), несклонность к уходу от проблем и более высокий уровень интернальности. Представители «опасных» профессий, как правило, активны, воспринимают события жизни как подконтрольные своему влиянию. Они склонны приписывать результаты деятельности своим внутренним факторам (психологическим особенностям, усилиям, наличию необходимых знаний, навыков и т. д.), стрессоустойчивы, способны в экстремальных условиях сохранять эффективность деятельности. Рассматривая особенности самосознания представителей «опасных» профессий, целесообразно отметить, что они (по сравнению с представителями безопасных профессий) обладают более высокой самооценкой, уверены в себе, не склонны к чрезмерной рефлексии. Личностный профиль представителей «безопасных» профессий включает противоположные личностные свойства.

Структурный этап исследования состоял в осуществлении структурно-психологического анализа внутри каждой группы. Результаты, полученные испытуемыми при заполнении личностных опросников, подверглись корреляционному анализу по К. Пирсону внутри каждой группы, после чего были составлены матрицы интеркорреляций для каждой группы. В ходе анализа матриц интеркорреляций было отмечено множество корреляционных связей внутри «блоков» адаптивности, жизнестойкости, самоотношения, поэтому в целях наглядности представления результатов было принято решение в итоговые структурограммы включить только основные показатели: личностные факторы по Р. Кеттеллу, мотивацию достижений, рефлексивность, жизнестойкость, адаптивность, самооценку (по методике Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова), общую

интернальность. Процедура количественного анализа структурограмм личностных качеств включала следующие этапы: подсчет индексов конвергенции (ИКС), дивергенции (ИДС) и общей организованности системы (ИОС); подсчет весовых коэффициентов каждого личностного качества в структуре; анализ функциональной роли ведущих и базовых качеств; исследование качественного своеобразия структур личностных качеств, детерминирующих состояние безопасности (определение степени гомогенности / гетерогенности структур).

На основании весовых коэффициентов были определены базовые качества (качества с наибольшим структурным весом) по группам. Так, в группе представителей «опасных» профессий базовыми являются следующие качества: жизнестойкость; мотивация достижений; адаптация; фактор Q4; общая интернальность. В группе представителей «безопасных» профессий были выделены следующие базовые качества: фактор Н; фактор О; жизнестойкость; фактор С; адаптация. Следовательно, на первый план в образовании структуры личностных особенностей в сравниваемых группах выходят разные качества. Общими базовыми качествами в обеих группах выступают жизнестойкость, адаптация. В группе представителей «опасных» профессий выделяются также мотивация достижений, интернальность, фактор Q4 (внутренняя напряженность), а в группе специалистов «безопасных» профессий – факторы С (эмоциональная стабильность), Н (смелость) и О (склонность к чувству вины).

Далее были подсчитаны индексы когерентности, дивергентности и общей организованности систем личностных особенностей в обеих группах (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение ИКС, ИДС, ИОС личностных особенностей по группам представителей «опасных» и «безопасных» профессий

Структурные индексы	Группа «опасных» профессий	Группа «безопасных» профессий
ИКС	189	129
ИДС	158	109
ИОС	31	20

Из полученных данных можно видеть тенденцию к снижению ИОС в группе представителей «безопасных» профессий, в связи с чем структура личностных качеств у представителей данной группы профессий в меньшей степени интегрирована, динамична, организована и в целом более неустойчива, чем в группе представителей «опасных» профессий. Вместе с тем это, по-видимому, свидетельствует о зависимости эффективности любого «внешнего критерия» от меры организованности соответствующей

щей структуры. Тенденция к повышению организации системы – средство обеспечения эффективности ее функционирования [3–5]. Таким образом, выполнение деятельности в опасных для жизни условиях требует от профессионала более высокой степени организованности и жесткости структуры личностных особенностей. Большое количество положительных связей в данной группе профессий говорит о том, что их личностные особенности усиливают потенциал друг друга, между ними возникают отношения синергии. В то время как работа в сфере «безопасных» профессий допускает большую степень вариативности психологических параметров и определенную личностную гибкость. При этом основными дестабилизирующими систему личностных качеств факторами являются склонность к чувству вины (фактор О), низкая самооценка, эмоциональная напряженность, тревожность (фактор Q4).

В целях сравнения полученных структурограмм на предмет их гомогенности – гетерогенности использовался метод χ^2 в своем экспресс-варианте. В результате было выявлено наличие значимой корреляции (r -Спирмена = 0,519853, $p < 0,05$) между рангами личностных качеств в группах специалистов «опасных» и «безопасных» профессий. Это означает, что структуры личностных особенностей данных групп подобны, гомогенны и на первый план выступают не качественные, а их количественные изменения. По сути это схожие структуры, но представленные с разной степенью организованности.

Полученный нами результат хотя и не соответствует выдвинутой первоначально гипотезе о структурных отличиях, но свидетельствует о важном положении. Несмотря на выявленные на аналитическом уровне отличия личностных детерминант состояния безопасности у представителей разных типов профессий, а также на различия базовых качеств, организующих всю структуру личностных факторов, состояние безопасности является всеобщим, характерным для всех людей, и его переживание определяется не разницей в структуре личностных качеств, а различиями в выраженности отдельных факторов и степени организованности личностной структуры независимо от типа профессиональной деятельности.

Выводы

Выдвинутая гипотеза о различиях личностных особенностей-детерминант состояния безопасности в разных профессиональных группах была подтверждена частично.

1. Представителям группы «безопасных» профессий переживание состояния безопасности свойственно в меньшей мере, чем представителям группы опасных профессий. Представители группы «опасных» профессий обладают иными психологическими особенностями по сравнению с представителями группы безопасных профессий. Психологический профиль специалиста «опасных» профессий включает в себя следующие

особенности: эмоциональную стабильность; смелость; низкую склонность к чувству вины; низкий уровень тревожности; высокий уровень жизнестойкости и адаптивности; более высокий уровень интернальности; высокую самооценку; уверенность в себе. Личностный профиль представителей «безопасных» профессий включает противоположные личностные свойства.

2. Переживание состояния безопасности и выбор подходящей человеку профессиональной деятельности определяется не столько различиями в структурной организации личностных свойств, сколько выраженностью данных свойств и степенью организованности (вариативности / жесткости) личностной структуры. Субъективная безопасность у представителей разных профессиональных групп обеспечивается с помощью различных механизмов (у представителей «безопасных» профессий – с помощью организации безопасной среды и гибкой организации личностной структуры, у представителей «опасных» профессий – с помощью более «жесткой», устойчивой организации личностных свойств).

Ссылки

1. Субботина Л. Ю., Смирнова Т. Л. Психологический анализ реализации опасного и безопасного способов поведения профессионала // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3. С. 150–156. DOI 10.20323/1813-145X-2020-3-114-150-156
2. Субботина Л. Ю., Смирнова Т. Л. Личностные детерминанты возникновения состояния безопасности // Ярославский психологический вестник. 2017. № 3. С. 45–49. EDN UQUIQE.
3. Карпов А. В., Солондаев В. К. Возможности использования индексов конвергенции и дивергенции системы // Ярославский психологический вестник. 2012. Вып. 27. С. 67–79.
4. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 272 с.
5. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности: монография. Ярославль: Филигрань, 2021. 316 с. EDN UXUVTO.

Resistance to uncertainty and the degree of actual feeling of loneliness as factors of adaptation of a first-year student to study at a university

O. N. Sakovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-298-305

Research article

Full text in Russian

A person's experience of uncertainty and loneliness is an existential topic that attracts the attention of researchers long before psychology was formed into an independent science. The issues of studying the states of uncertainty and loneliness are relevant at the present time. Note that despite the stability or turbulence of social processes, there are periods in every person's life in which uncertainty and loneliness will be present a priori. Such periods include the time of adaptation of a first-year student to study at a university. The article presents the results of a study of patterns describing the connectedness of the processes of experiencing loneliness and uncertainty in first-year students studying in the first year of P.G. Demidov YarSU. It is proved that these two processes are inextricably linked both with each other and with the adaptation of a first-year student at a new stage of his life: the transition to higher education, the success of which largely depends on a person's ability to cope with the impact of uncertainty and loneliness on him, which, in turn, are almost always present at this stage.

Keywords: uncertainty; loneliness; adaptation; personality; university studies; freshman; existential psychology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sakovskaya, Olga N. | E-mail: orisona@gmail.com
Cand. Sc. (Psychology)

Acknowledges: The collection of empirical data was carried out jointly with O. A. Bushueva, a 3rd year student of the Faculty of Psychology.

Устойчивость к неопределенности и степень актуального ощущения одиночества как факторы адаптации студента-первокурсника к обучению в вузе

О. Н. Саковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-298-305
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

Переживание личностью неопределенности и одиночества является экзистенциальной темой, привлекавшей к себе внимание исследователей задолго до оформления психологии в самостоятельную науку. Актуальны вопросы исследования состояний неопределенности и одиночества и в настоящее время. Отметим, что, несмотря на стабильность или турбулентность социальных процессов, в жизни каждого человека есть периоды, в которых неопределенность и одиночество будут присутствовать априори. К таким периодам относится время адаптации первокурсника к обучению в вузе. В статье приводятся результаты исследования закономерностей, описывающих связанность процессов переживания одиночества и неопределенности у студентов, обучающихся на первом курсе ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Доказано, что эти два процесса неразрывно связаны как между собой, так и с адаптацией первокурсника на новом этапе его жизни – переходе к обучению в вузе, успешность которой во многом зависит от способности человека справляться с воздействием на него неопределенности и одиночества, практически всегда присутствующих на данном этапе.

Ключевые слова: неопределенность; одиночество; адаптация; личность; обучение в вузе; первокурсник; экзистенциальная психология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саковская, Ольга Николаевна | E-mail: orisona@gmail.com
Кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии труда и организационной психологии

Благодарности: Сбор эмпирических данных выполнен совместно с О. А. Бушуевой – студенткой 3 курса факультета психологии.

Введение. Неопределенность и одиночество – эти два состояния в той или иной степени испытывал каждый человек и каждый воспринимал их по-своему. Одни скажут, что период, который сопровождался данными переживаниями, был самым тяжелым в их жизни, другие же, в свою очередь, будут утверждать, что, благодаря этому этапу, они смогли лучше понять себя, разобраться в том, кто они есть на самом деле.

Исследование таких сложных психологических состояний человека, как одиночество и неопределенность, имеет длительную историю. Еще в древние времена философы и ученые поднимали в своих трудах проблему одиночества, изучали феномен неопределенности. Так и сейчас данный вопрос не утратил своей актуальности. Следует отметить, что исследователи до сих пор не смогли прийти к единому мнению относительно содержания данных конструктов, в связи с чем наблюдается необходимость продолжения их исследования.

В нашей работе мы будем говорить о толерантности к неопределенности и переживании одиночества в рамках протекания вузовской адаптации у студентов первого курса, ведь для них эти переживания являются особенно важными и актуальными. Отметим, что многие авторы изучали взаимосвязи между одиночеством и адаптацией или между неопределенностью и адаптацией. Все три процесса в одном исследовании связывали реже. Научная актуальность и новизна представленного в этой статье исследования состоит в том, что предметом выступали возможные корреляции между устойчивостью к неопределенности, переживанием одиночества и адаптированностью к обучению в вузе у студентов-первокурсников.

Постановка проблемы исследования. На протяжении 11 лет ребёнок посещает школу. Он растёт в ней физически и духовно, в ней он формирует свои взгляды и установки. Так или иначе у него есть устоявшийся мир, в котором он существует долгие 11 лет. Но ничто не длится вечно. Ребёнок становится взрослым и приходит время выпускаться из школы. Старшеклассники реагируют на это событие по-своему: одни с предвкушением ждут этого момента, желая скорее окунуться во взрослую жизнь студента; другие с тревогой думают о моменте окончания привычного существования. Их пугает мысль кардинальности грядущих изменений. Чувство тревоги и страха перед переменами возникает ещё до непосредственного погружения школьника в процесс адаптации. Уже в старших классах юноши и девушки начинают задумываться о своём будущем, об условиях, с которыми они столкнутся в новом учебном заведении. Приходит осознание, что процесс адаптации (привыкания, вживания) в новую среду будет зависеть от коммуникативных навыков. Чем сильнее они развиты, тем легче пройдет процесс адаптации в группе. Но адаптация в вузе бывает не только общественной. В университетах существует своя отдельная структура и система правил, которые совсем не похожи на школьные. Выпускникам школ приходится привыкать к новому построению образовательного процесса, развивать навыки самообразования, саморегуляции, самоорганизации. Данный процесс обозначается как познавательная адаптация. Пред-

полагается, что успешность и общественной, и познавательной адаптации напрямую связана с толерантностью к неопределенности и субъективной степенью ощущения одиночества.

В рамках адаптации неопределенность является достаточно очевидным фактором воздействия. Возникая вследствие нехватки информации о происходящем, она сопровождает первокурсника на первых порах его обучения в вузе.

В нашей работе мы будем говорить о таком понятии, как толерантность (устойчивость) к неопределенности. Первой о толерантности к неопределенности написала польско-австрийский психолог Эльзе Френкель-Брун-свик в 1949 году в своей работе «Толерантность к неопределенности как личностная характеристика» [1]. В ней она дала характеристику личности с высоким уровнем интолерантности к неопределенности, т. е. личности, которая стремится принимать все решения, основываясь на крайностях, деля все на «черное» и «белое», делая это поспешно, не стремясь получить дополнительной информации перед принятием решения.

Дополнил и расширил устойчивости С. Бохнер. В своих трудах он выделил ряд характеристик, относящихся к толерантности к неопределенности. Ими стали авторитаризм, догматизм, ригидность, закрытость к новому, наличие этнических предрассудков, низкая креативность, тревожность, склонность к экстрапунитивным реакциям, агрессивность [2]. Вместе с этим С. Бохнер описывает интолерантность к неопределенности, рассматривая ее как феномен, при котором человек склонен видеть опасность, угрозу в различных ситуациях неопределенности.

В рамках адаптации неопределенность может быть даже полезна. Так, Т. В. Корнилова в своем исследовании установила взаимосвязь между более высокой успеваемостью обучающихся в вузе и низким уровнем стремления к ясности, т. е. высокими показателями интолерантности к неопределенности [3]. Рассуждая о данных результатах, мы можем предположить наличие такой связи из-за стремления преодолеть чувство неопределенности посредством приобретения новых знаний, что положительно сказывается на общей успеваемости учащихся.

Что же касается одиночества, то традиционно его определяют как переживание, возникающее вследствие неудачного взаимодействия с коллективом, с отсутствием близких связей внутри него.

Уильям А. Садлер и Томас Б. Джонсон в своей статье «От одиночества к аномии» настаивали на том, что одиночество никаким образом не может быть приравнено к физической изолированности человека, так как изоляция не всегда имеет негативный характер. Далеко не все люди, находясь одни, испытывают мучительные переживания и желание скорее оказаться в обществе людей. Многие находят в такой уединенности возможность для разного рода положительной деятельности. Например, для саморефлексии, саморазвития [4, с.27].

Проявление позитивного одиночества в рамках адаптации описал И. М. Слободчиков. Данное состояние он назвал «адаптивным одиночеством».

Переходя к новой ступени своей жизни, подросток сталкивается с незнакомой ему обстановкой, незнакомыми людьми. Ему необходимо определиться со своим местом в новой обстановке. В этом непрестом состоянии неизвестности, чтобы справиться со всеми переживаемыми им эмоциями, подростку необходима возможность обдумать, ненадолго «спрятаться» от окружающих. Подобную психоэмоциональную защиту способно обеспечить состояние (переживание), которое И. М. Слободчиков назвал «адаптивным одиночеством» [5–6]. Данное переживание главным образом обеспечивает защиту от стрессового воздействия, оказываемого на подростка, позволяет взять «паузу» и проанализировать происходящее вокруг, приспособиться к изменившимся условиям окружающей среды.

Важно отметить, что И. М. Слободчиков называет «адаптивное одиночество» психологической нормой, свойственной почти каждому студенту. И в рамках этой нормы данное переживание должно стабилизироваться к концу процесса адаптации. Если же этого не происходит, то переживание одиночества переходит в характеристику дезадаптации, что свидетельствует о двойственности данного явления.

Согласно Р. Н. Либертас и С. В. Смирновой в процессе адаптации человеку необходимо приспособиться к новой окружающей обстановке, суметь встроиться в нее, т. е. ему необходимо измениться в ответ на изменения среды. Этот процесс авторы называют аутопластической адаптацией. Данное переживание может ощущаться человеком как опасное и, стремясь, защитить себя от чувств, он может «убегать» от самого себя, стремиться любыми способами преодолеть неприятные переживания и эмоции. Вследствие этого человек, пытаясь обезопасить внешний мир, теряет связь с внутренним, и одиночество, которое ранее могло не ощущаться, начинает восприниматься как острая проблема [7].

Если же говорить об остром переживании одиночества, то здесь может идти речь о восприятии окружающей среды как враждебной, непонятной, может ощущаться своя ненужность в ней. В данном контексте А. А. Любякин связывает одиночество с «недостаточным адаптационным потенциалом личности, низкой стрессоустойчивостью» [8] и т. д. В процессе адаптации, как считает автор, человек приобретает необходимые психологические механизмы и компоненты личности, и именно от их развитости, их характеристик и будет зависеть возникновение (или не возникновение) одиночества.

Как мы видим, процесс адаптации неразрывно связан с переживанием одиночества и неопределенности. Данные чувства могут как облегчать протекание адаптации (в случае позитивного одиночества – желания побыть наедине с самим собой; адаптивного одиночества), так и сопровождать или даже быть причиной дезадаптации.

Категориальный аппарат исследования. *Цель* данного исследования состоит в установлении взаимосвязи между уровнем толерантности к неопределенности, переживанием одиночества и вузовской адаптацией, а также в поиске качественных различий в проживании периода адаптации в зависимости от уровня толерантности к неопределенности.

Объект исследования: толерантность к неопределенности.

Предмет исследования: переживание одиночества и успешность протекания процесса адаптации у студентов с различным уровнем выраженности толерантности к неопределенности.

Нами была выдвинута **гипотеза**: существует взаимосвязь между уровнем толерантности к неопределенности, переживанием одиночества и уровнем вузовской адаптации.

Методическое обеспечение исследования. В ходе исследования было использовано 3 психодиагностические методики опросного типа:

1. Опросник «Шкала толерантности к неопределенности» (Д. МакЛейн (адапт. Луковицкой));
2. Методика «Адаптированность студентов в вузе» (Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова);
3. Опросник «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев).

Нами был проведен интеркорреляционный анализ с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена, на основе которого мы получили матрицу интеркорреляций.

Выборка: 100 студентов, обучающихся на первом курсе ЯрГУ и других вузов России.

Результаты исследования. По итогам обработки данных, полученных с помощью опросников, была составлена сводная таблица результатов. Методами описательной статистики и интеркорреляционного анализа были выявлены значимые связи между переменными исследования (см. табл. 1).

Анализ показал наличие положительной взаимосвязи между показателем толерантность к неопределенности (ТН) и показателями адаптированности на высоком уровне значимости ($p < 0,001$). Большой уровень ТН тесно связан с более высокой адаптированностью. Адаптация – это, пожалуй, один из самых ярких примеров встречи с неопределенностью. Особенности вузовской адаптации состоят в том, что бывшие школьники приходят в студенческую жизнь, практически ничего не зная о том, что их ждет. Эта нехватка информации является причиной переживания неопределенности.

Если говорить о взаимосвязи толерантности к неопределенности и одиночества, то здесь мы видим наличие слабой отрицательной взаимосвязи с общим переживанием одиночества. Большой уровень ТН связан с меньшим переживанием одиночества. Наличие этой связи мы обуславливаем тем, что одиночество и неопределенность – это два состояния, которые сопровождают первокурсника в первое время его обучения в вузе и являются нормативными.

Мы установили наличие отрицательной взаимосвязи между «адаптированностью к учебной группе» и «общим переживанием одиночества» ($r_s = -0,39$; $p < 0,001$).

Коэффициенты корреляции между переменными исследования

Переменные исследования	Отношение к новизне	Отношение к сложным задачам	Отношение к неопределенным ситуациям	Предпочтение неопределенности	Толерантность к неопределенности	Адаптированность к учебной группе	Адаптированность к учебной деятельности	Общее переживание одиночества	Зависимость от общения	Позитивное одиночество
Отношение к новизне	1,00									
Отношение к сложным задачам	0,49***	1,00								
Отношение к неопределенным ситуациям	0,52***	0,70***	1,00							
Предпочтение неопределенности	0,65***	0,77***	0,83***	1,00						
Толерантность к неопределенности	0,71***	0,80***	0,82***	0,62***	1,00					
Адаптированность к учебной группе	0,95***	0,43***	0,47***	0,52***	0,35***	1,00				
Адаптированность к учебной деятельности	0,84***	0,41***	0,43***	0,43***	0,37***	0,49***	1,00			
Общее переживание одиночества	0,75***	-0,18	-0,26**	-0,20*	-0,21*	-0,39***	-0,28**	1,00		
Зависимость от общения	0,68***	0,10	-0,02	-0,02	0,08	0,01	-0,04	0,09	1,00	
Позитивное одиночество	0,82***	-0,14	-0,13	-0,09	-0,18	0,09	0,00	0,07	-0,45***	1,00

Примечание. Критические значения коэффициентов корреляции для объема выборки $n=100$
0,2 – корреляции на уровне значимости $p<0,05$ *
0,26 – корреляции на уровне значимости $p<0,01$ **
0,32 – корреляции на уровне значимости $p<0,001$ ***

Также выявлена отрицательная взаимосвязь между «общим переживанием одиночества» и «адаптированностью к учебной деятельности» ($r_s = -0,26$; $p<0,01$). Меньший уровень переживания одиночества тесно связан с более высокой адаптированностью. Если с первым случаем все достаточно понятно, то во втором мы можем говорить о переживании одиночества, связанном с непониманием. Первокурсник, не зная, как проходят занятия, какие к нему будут предъявляться требования, может ощущать одиночество

от незнания, к кому обратиться за помощью, где найти необходимую информацию. Это переживание может быть, даже если у человека нет социального одиночества.

Выводы

1. В ходе проведения корреляционного анализа была установлена взаимосвязь между толерантностью к неопределенности и переживанием одиночества и адаптацией;

2. Высокий уровень адаптированности и к учебной группе, и к учебной деятельности отмечается у студентов с позитивным отношением к новизне;

3. Способность позитивно переживать одиночество отмечается у студентов с позитивным отношением к новизне;

4. Позитивное отношение к новизне является базовым фактором для нормативно-адекватного проживания процесса вузовской адаптации первокурсником.

Подводя итоги проделанной работы, хочется еще раз отметить всю многогранность и глубину изученных явлений. Нами была рассмотрена и исследована лишь небольшая часть их составляющей.

По мере выполнения поставленных нами цели и задач мы смогли установить, что эти два процесса неразрывно связаны как между собой, так и с адаптацией первокурсника на новом этапе его жизни – переходе к обучению в вузе, успешность которой во многом зависит от способности человека справляться с воздействием на него неопределенности и одиночества, практически всегда присутствующих на данном этапе.

Ссылки

1. Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *American Psychologist*. 1949. Vol. 3. P. 268

2. Bochner S. Defining intolerance of ambiguity // *Psychological Record*. 1965 . Vol. 15. P. 393–400.

3. Корнилова Т. В. Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека // *Вестник Московского государственного университета*. 2013. № 4. С. 36–47.

4. Садлер Уильям А., Джонсон Томас Б. От одиночества к аномии // *Лабиринты одиночества* / под ред. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 21–52.

5. Слободчиков И. М. Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических вузов // *Психологическая наука и образование*. 2005. № 4. С. 71–77.

6. Слободчиков И. М. Современные исследования переживания одиночества // *Психологическая наука и образование*. 2007. № 3. С. 27–34.

7. Либертас Р. Н., Смирнова С. В. Переживания чувства одиночества в структуре адаптационного потенциала личности // *МНИЖ*. 2020. № 5-3. DOI 10.23670/IRJ.2020.95.5.121

8. Любякин А. А., Бердюгина О. Г., Дубинина Н. О. Исследование субъективного ощущения одиночества и адаптивности у студентов // *Педагогическое образование в России*. 2018. № 9. С. 101–107. DOI 10.26170/po18-09-14.

The Role of Acculturation in the Realization of Constructive Conflict

M. M. Kashapov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-306-317

Research article

Full text in Russian

The article highlights the criteria of «conflict competence» within the framework of an integrative model that combines dispositional and situational factors of conflicts. The possibilities of studying different types of conflicts in the context of combining the focus on fundamental research of a general psychological nature (to substantiate the term, criteria and role of conflict competence of an individual) and the practical use of knowledge about conflict competence in order to improve interpersonal interaction (including psychological, pedagogical, socio-psychological aspects and their places in the psychology of pedagogical activity) are substantiated. The novelty of the author's approach lies in the substantiation of the need to develop a model for the formation and development of conflict competence in the process of socialization of emigrant children. The expediency of studying the combination of traditionally identified mechanisms of social perception with the manifestation of the development (actualgenesis) of thinking and personal regulation in the formation and manifestation of conflict competence of a teacher is substantiated..

Keywords: acculturation; constructive conflict; predictor; thinking; conflict; teacher; students

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kashapov, Mergalyas M. | E-mail: smk007@bk.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Funding: Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00518), <https://rscf.ru/project/24-28-00518/>

Роль аккультурации в реализации конструктивной конфликтности

М. М. Кашапов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-306-317
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье выделены критерии «конфликтной компетентности» в рамках интегративной модели, соединяющей диспозициональные и ситуационные факторы возникновения конфликтов. Обоснованы возможности изучения разных образов конфликтов в контексте соединения направленности на фундаментальное исследование общепсихологического характера (для обоснования термина, критериев и роли конфликтной компетентности личности) и практического использования знаний о конфликтной компетентности в целях улучшения межличностного взаимодействия (включая психолого-педагогический, социально-психологический аспекты и их места в психологии педагогической деятельности). Новизна авторского подхода заключается в обосновании необходимости разработки модели формирования и развития конфликтной компетентности в процессе социализации детей мигрантов. Обосновывается целесообразность исследования сочетания традиционно выделяемых механизмов социальной перцепции с проявлением развития (актуалгенеза) мышления и личностной регуляции в становлении и проявлении конфликтной компетентности педагога.

Ключевые слова: аккультурация; конструктивная конфликтность; предиктор; мышление; конфликт; педагог; учащиеся

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашапов, Мергалис Мергалимович | E-mail: smk007@bk.ru
Доктор психологических наук, профессор

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 24-28-00518), <https://rscf.ru/project/24-28-00518/>.

Введение

В настоящее время проявляется тенденция усложнения и в определенной мере обострения межличностных отношений, особенно в условиях взаимодействия сообществ с разной этнической культурой. В связи с этим возрастает необходимость исследования ресурсных предикторов оптимального общения педагогов как организаторов образовательной среды, в которой происходят и протекают процессы аккультурации. Особое значение приобретает поиск таких ресурсных характеристик предиктора, реализация которых обеспечит достижение оптимального уровня функционирования конфликтной компетентности.

Аккультурация – это процесс культурных и психологических изменений, возникающих в ходе продолжительного интеллектуального (познавательного) контакта группы с различными культурными основами и традициями сообщества, в среду которого внедряется данная группа. Наиболее важное поле, где этот процесс происходит в настоящее время, – это культурно-разнородные группы (общества), состоящие из иммигрантов и различных этнокультурных групп, взаимодействующих с коренным населением.

Особую роль при этом играет образовательная среда, для оптимизации которой педагогу важно научиться изучать и понимать контекст, идентифицировать процесс и результаты аккультурации. А самое главное – организовать и направить эти процессы в конструктивное русло. Для целенаправленного управления аккультурацией необходимо формировать у субъектов межличностных отношений конструктивную конфликтную компетентность как способность понимать и учитывать социально-психологическую сущность коммуникации.

Постановка проблемы

Решение проблем, возникающих в контексте аккультурации, предполагает нахождение ответов на три главных вопроса. Первый – что изменяется в процессе аккультурации? Второй – как взаимодействуют группы, имеющие различные культурные коды и традиции? Третий – насколько успешно эти группы адаптируются друг к другу в процессе своего взаимодействия? Решение данных вопросов позволит целенаправленно управлять процессом оптимальной адаптации детей мигрантов в новой образовательной среде с сохранением традиций своего этнокультурного сообщества. Адаптация к процессу аккультурации принимает три формы: психологическую, социокультурную и интеркультурную.

Методология

На основе реализации интегративного подхода, соединяющего диспозициональные и ситуационные факторы возникновения конфликтов,

появляется возможность выделить критерии «конфликтной компетентности». Главный критерий – умение увидеть и сформулировать сверхзадачу с учётом позитивной дальней и ближней перспективы динамики конфликтного взаимодействия. Решение данной задачи характеризуется снятием проблемности (рассогласования во взаимодействии) и оптимальным разрешением конфликтной ситуации. Учет критериев конфликтной компетентности способствует а) пониманию психологических механизмов и закономерностей разрешения конфликта; б) осмыслению особенностей перехода конфликта в новое качественное состояние на разных уровнях: организационном, эмоционально-психологическом, управленческом; в) соединению направленности на фундаментальное исследование общепсихологического характера (для обоснования термина, критериев и роли конфликтной компетентности личности) и практического использования знаний о конфликтной компетентности в целях улучшения межличностного взаимодействия (включая психолого-педагогический, социально-психологический аспекты и их значения в психологии педагогической деятельности). Научная ценность данного подхода заключается в обосновании необходимости разработки модели формирования и развития конфликтной компетентности в процессе социализации детей мигрантов.

Основная часть

Теоретический анализ результатов, полученных в ходе осуществленных эмпирических исследований в контексте проведения учебных занятий по авторской программе «Профилактика межэтнических конфликтов» (количество человек, обучающихся на курсах: 25 человек в школе № 60 г. Ярославля и 25 человек в Институте развития образования Ярославской области), проходивших в декабре 2023 года, позволяет выделить следующие тенденции:

1. Обсуждение с педагогами конфликтных проблем, возникающих в ходе межэтнического общения, способствует адекватной оценке условий, при которых могут быть достигнуты позитивные результаты социально-психологической адаптации детей мигрантов. Эти условия обусловлены особенностями образовательной среды, типом группы аккультурации (добровольной или недобровольной), типом приобретаемого опыта (враждебный, дискриминационный, дружественный, индифферентный) и реализуемых стратегий аккультурации;

2. Поиски средств профилактики межэтнических конфликтов делают возможным дифференцированно рассматривать ресурсные основы стратегии и тактики межличностного взаимодействия;

3. Ресурсность выделенных операциональных характеристик коммуникации заключается в нахождении тех условий взаимодействия, которые

становятся средствами разрешения возникающих противоречий. Более подробно описанные выше тенденции были представлены в разработанных и защищенных участниками занятий проектах. В рамках проектной деятельности построена модель социально-психологических компетенций, призванных обеспечить безопасность и эффективность образовательной среды в условиях целенаправленного применения стратегий и тактик профилактики межэтнических конфликтов.

Если стратегия означает мобилизацию имеющихся ресурсов на главном направлении, то тактики являются средствами достижения этих целей. Применение тактик создает возможность только разового снижения напряжения (принцип действия – «здесь и сейчас»), тогда как стратегии конструктивного совладания с конфликтной проблемой рассчитаны на перспективу. Ценность применения тактик трудно переоценить, ибо «чёрт прячется в мелочах». Как говорил Микеланджело, «из мелочей складывается великое. А вот великое – это уже не мелочь». Педагогическое общение не делится на мелочи и важные вещи.

В ходе реализации тактических приемов происходит выявление, учет и использование тех условий проблемной конфликтной ситуации, которые, являясь порой маловажными, в ходе разрешения возникшего противоречия как ядра проблемности начинают играть значительную роль и служат «ключом» к достижению оптимального взаимодействия. Именно в этом случае происходит операциональная трансформация тактики в стратегию.

Особого внимания заслуживают средства трансформации ситуации конфликта в ситуацию сотрудничества. На первый план данная проблема выступает в условиях существенного, кардинального изменения мыслительной деятельности субъекта, сопровождающей трансформацию его мыслительных действий в социальное окружение. При этом ведущую роль в развитии и результативности ресурсов мыслительных действий (как на передачу, так и на реализацию) играют именно когнитивные структуры личности как отражение складывающихся отношений и связей с существенными характеристиками межличностного взаимодействия, в контексте условий которых происходит трансформация конструктивной конфликтной ситуации в деструктивную.

К данным условиям относятся а) снижение самоконтроля; б) неучет ролевой позиции другого; в) разный уровень понимания и владения ситуацией; г) опережающие проявления эмоции, влияющие на схемы мышления и действия субъекта; д) доминирующий эгоцентризм: «тянет одеяло на себя»; е) преобладание негативного отношения к другому. Триггерную функцию к реализации данных условий выполняют определенные лич-

ностные особенности участников взаимодействия, предрасполагающие к деструктивному конфликту: агрессивность; импульсивность; доминантность (как самоуверенность); ригидность (консерватизм); низкий интеллект, замкнутый интеллект; эмоциональная неуравновешенность; интолерантность; склонность к отрицательной манипуляции.

В связи с этим необходимо отметить, что манипуляции несут в себе возможность положительной трансформации, которую Абрахам Маслоу и Курт Гольдштейн называли «само-актуализацией». В противоположность человеку-манипулятору человек-актуализатор рассматривает себя и других как личностей, наделенных уникальными возможностями и способных проявлять свое «Я». В зависимости от особенностей прохождения точки бифуркации человек может быть и манипулятором, и актуализатором. Всё зависит от его желания заменять манипулятивные техники на актуализационные и наоборот. Понимание своих манипуляций может принести пользу каждому участнику взаимодействия, позволяет выявить свои манипулятивные стратегии и приемы и выработать актуализационные стратегии поведения. Каждый раз, когда субъект конструирует кризис, как говорил Л. С. Выготский, «конфликты развивают жизнь». Готовность к разрешению конфликтов характеризуется степенью сформированности соответствующих стратегий и тактик как операциональных составляющих конфликтной компетентности.

Нередко в разрешении проблемных конфликтных ситуаций применяется дистрибутивная тактика, означающая достижение собственной цели в ущерб остальным участникам взаимодействия. Использование оппонентами, не желающими слушать друг друга, соперничающих тактик приводит к эскалации, характеризующейся минимизацией осознания сходства в ценностях и увеличением чувствительности к значимости и масштабности конфликтной проблемы.

В оптимизации межличностного взаимодействия представителей разных этнических групп существенную роль играет образ другого, ибо человек реагирует не на реальную ситуацию общения, а на свой образ этой ситуации. В. Ю. Хотинец и Е. А. Молчановой реализована современная методологическая стратегия познания этнического образа в плоскости различных научных направлений психологической науки. Авторами разработаны расширенные и углубленные представления об этническом образе, его структуре и психологических факторах его трансформации в межэтническом взаимодействии [1].

Наряду с выделением перцептивной составляющей конструктивной конфликтности можно выделить её когнитивный компонент. Мысли человека не только оперативно материализуются и опредмечиваются, но и в су-

щественной мере определяют его отношение к происходящему и влияют на его поведение в конкретной ситуации взаимодействия. Неправильное, т. е. неадекватное мышление порождает кризис, в т. ч. и конфликт. Поэтому оптимизация образовательного процесса невозможна без повышения уровня сформированности конфликтной компетентности прежде всего педагога, ибо он лицом к лицу сталкивается с большим количеством проблемных ситуаций конфликтного содержания [2–9]. Неожиданность их возникновения, острота эмоционального переживания, интеллектуальная неопределенность в понимании проблемности (рассогласование между планируемым и реальным протеканием педагогического процесса) обуславливают признание конфликтной компетентности как одного из важнейших качеств личности педагога-профессионала.

Педагог, разрешающий межэтнические конфликты, не сразу становится хозяином положения, ибо никто его этому не обучал заблаговременно. Становление конструктивной конфликтной компетентности педагога в процессе его профессионализации имеет двойной вектор: во-первых, в условиях развития происходит спонтанное изменение компонентов этой компетентности; во-вторых, в условиях формирования осуществляется целенаправленное совершенствование базовых компонентов данной компетентности. Обучение ресурсности и событийности мышления на основе реализации ситуационного подхода способствовало усилению когнитивного компонента [5].

Конструктивная конфликтность является важной частью психологической культуры, в том числе и конфликтологической. М. М. Кашаповым, Ю. С. Филатовой и А. С. Кашаповым проведено исследование формирования конфликтологической культуры участников образовательного процесса. Авторами выделены и описаны компоненты творческого процесса в конфликте. Решение данной проблемы позволило повысить роль психологического благополучия в развитии совладающего поведения педагога [5].

Таким образом, самоуправление педагога своим общением в конструктивном ключе выражается в умении целенаправленно изменять свои отношения с учащимися, учитывать субъективные и объективные условия, выбирать необходимую стратегию и тактику поведения в ситуации межэтнического общения. Следует отметить, что эффективное обучение учащихся конструктивной конфликтности может осуществить наставник, обладающий конструктивной конфликтной компетентностью как способностью понимать и учитывать социально-психологическую сущность коммуникации в целях неагрессивного (оптимального) межличностного взаимодействия.

Проведенный цикл занятий с педагогами по профилактике межэтнических конфликтов дает основание отметить, что наиболее востребованной компетентностью является способность выявлять как в партнере по общению, так и в оппоненте тех качеств, реализация которых способствует разрешению конфликта конструктивными средствами. Данное качество мы назвали абнотивностью как способность к адекватному принятию ученика с целью проявления и развития у него креативной коммуникативности [10]. Как говорил Сократ, «в каждом человеке есть солнце, только дайте ему светить».

Коммуникативная активность педагога предполагает взаимодействие людей, находящихся в общении, и презентацию внутреннего мира одного субъекта другому субъекту. Чем активнее учитель, тем меньше его коммуникативная дистанция с учеником. Оба активных участника общения начинают позитивно принимать вызов, представленный в любой проблемно-конфликтной ситуации. Благодаря занятию такой позиции проявляется следующая психологическая закономерность: по мере нарастания позитивной коммуникативной активности снижается деструктивная напряженность общения.

Риски как ответ на вызов внешним обстоятельствам порождают воздействие на внутриличностные ресурсы участников образовательных (развивающих) отношений, что, в свою очередь, создает критическую ситуацию, в которой необходимо психологическое сопровождение для интеграции потенциала устойчивости обучающегося, способствующего снижению психологической напряженности. Реализация абнотивности помогает быть внимательным к слабым сигналам приближающихся перемен, к тем вызовам, на которые наставник может оперативно ответить.

Поэтому решение вопроса о значении абнотивности в качестве личностного и деятельностного предиктора конструктивной конфликтной компетентности позволяет выявить ресурсные и проблемные области, характерные для представителя конкретной профессиональной группы с ее специфическими особенностями, обусловленными факторами (стажем, возрастом, образованием, полом, должностью). Поэтому выявление личностных предикторов и построение их модели может являться весьма продуктивным для последующей организации сопровождения процесса межличностного взаимодействия. Предиктор в качестве определенного показателя, средства прогнозирования может указывать на возможность появления какого-либо события. Следует отметить, что предикторы не объясняют причинно-следственную связь, поскольку они в определенной мере ориентированы на выявление целеоперационных отношений.

Абнотивность как предиктор конструктивной конфликтной компетентности выполняет следующие функции: диагностическую; превентивную, прогностическую; фасилитирующую; инновационную (создание нового продукта: рождение новой идеи; разработка технологии реализации идеи; корректировка реализованных идей; совершенствование или устранение сырых идей); ингибиторную (подавление негативного влияния конфликтной ситуации с дисфункциональным содержанием). Основной функцией абнотивности как ресурса является инструментальная.

Ресурсы выполняют инструментальную функцию в реализации задач развития личности. Рассматривая ресурсы как функцию, можно сказать, что расширение и приумножение личностных ресурсов соответствует расширению границ опыта человека и появлению новых возможностей (актуализация потенциальных возможностей). В контексте развития обучаемого личностные ресурсы являются источником его развития.

Индикатор абнотивности выражается в вовлеченности. Высокая мотивация педагога, его подлинная заинтересованность в происходящем порождает встречное равнодушное отношение. Коммуникативно одаренные люди во многом идентичны друг другу, поэтому хорошо понимают друг друга. Данная тенденция очень важна, ибо основной причиной возникновения дисфункциональных конфликтов служит непонимание или непродуктивное недопонимание, возникающее между партнерами по общению.

Нужны новые способы работы с учащимися, обладающими протестным потенциалом. Именно абнотивность характеризуется развивающим (педагогическим) воздействием, поскольку её реализация способствует нахождению этих новых способов. Расщепление абнотивности на произвольную и непроизвольную происходит в точках коммуникативной бифуркации и является одной из закономерностей, свидетельствующей о том, что данная компетентность – это не линейный феномен [5].

Бифуркация особенно ярко проявляется в условиях спиралевидного развития абнотивности. Ресурсные возможности такого развития заключаются в видении новых возможностей, как фасилитационных (мобилизующих), так и ингибиторных (тормозящих), в развитии взаимоотношений. Если реализация мобилизационных ресурсов способствует повышению качества общения, то влияние ингибиторных условий либо объективных (неблагоприятное время и место общения, присутствие негативно настроенных посторонних лиц), либо субъективных (подавленное, тревожное состояние, неуверенность, раздражительность, агрессивность, конфликтогенность личности и её поведения и пр.) характеризуется все усиливающимся ухудшением межличностных отношений участников вза-

имодействия. Перспективным представляется понимание бифуркационных эффектов не только с результативной стороны, т. е. выявления к чему они приводят, но и с процессуальной. Поэтому профилактика конфликтов, в том числе и межэтнических, будет тогда эффективной, когда появится возможность с помощью абнотивности осуществлять оперативный и адекватный учет текущих условий коммуникативной ситуации, а в случае необходимости применения превентивных мер и управление ими [9].

Оперативность и адекватность проявления абнотивности педагога влияет на содержание взаимодействия, определяет возможности снижения уровня конфликтности образовательной среды и влияет на достижение благоприятных учебных и личностных результатов учащихся. Суть педагогической поддержки сводится к тому, что внешне она проявляется как система совместных с обучаемым действий по разрешению его проблем и конфликтов, торможению и снятию отрицательных воздействий окружения; внутренне – как реализация ценностей, принятых в качестве основы межличностных отношений: эмпатии, понимания, сотрудничества, сотворчества. В этом случае участники образовательного процесса становятся не только единомышленниками (думающими об одном и том же, но по-разному), но и едиnochувственниками (проявляющими не чувство ногтя, а чувство локтя – чувства взаимовыручки и взаимоподдержки).

Педагог как профессионал никогда не будет уходить от конфликта, а постарается оперативно найти решения, устраивающие обе конфликтующие стороны, в том числе в условиях ограниченного информационного и временного ресурса; проявить гибкость в качестве важного ресурса для изменения взгляда на ситуацию сторон, вовлеченных в конфликт, а также своей поведенческой позиции. И самое главное – направить потенциал конфликта в мирное русло.

Ресурсная характеристика абнотивности проявляется в акмеологичности мышления в контексте управления психическими состояниями и характеризуется направленностью на поиск внутренних резервов в жизнедеятельности, а также в самой профессии без каких-либо особых материальных вложений. Реализация такой интенции обеспечивает переход ресурсов субъекта в творческий потенциал. Конфликтологический вектор такого мышления выражается в готовности к профессиональному и личностному риску, в высокой степени стрессоустойчивости, преодолении и трансформации деструктивного конфликта в конструктивный.

Другая ресурсная характеристика абнотивности выражается в ресурсности мышления, в основу психологических механизмов и закономерностей функционирования которого заложены специфические приемы восприятия, осмысления (нахождения новых смыслов) и переработки ин-

формации, выступающие, с одной стороны, ресурсами личности и защищающие ее от серьезных тяжелых психологических последствий – чрезмерного страха, повышенного фона тревожности, а с другой – ресурсами профессионала, способствующими оперативной и адекватной выработке оптимальных способов разрешения проблем, в том числе и конфликтного содержания. К основным характеристикам ресурсности мышления можно отнести осмысленность (наделенность определенным позитивным смыслом; восполняемость; гибкость; селективность; целостность осмысления; конструктивность; субъектность; активность как способность принять вызов; полимодальность как способность совмещать в процессе познания и взаимодействия несколько способов (модусов) освоения коммуникации – вербальный, визуальный, кинетический (жестовый); компаративность как способность сравнивать и делать выводы). Важно не то, что делает педагог в напряженной ситуации общения с воспитанником, а как это делает.

Выводы

Роль аккультурации в реализации конструктивной конфликтности характеризуется необходимостью поиска ресурсов, необходимых для овладения с теми трудностями, которые возникают в процессе адаптации детей мигрантов в современной образовательной среде. У педагогов, обладающих высоким уровнем конфликтной компетентности, одним из важных качеств является абнотивность.

Абнотивность очень востребована, ибо слишком много на свете людей, которым никто не помог пробудиться (А. Экзюпери). Данная способность как ресурсная основа конструктивной конфликтности проявляется в процессе создания следующих условий, необходимых для проявления творческого потенциала: 1) это предельное напряжение, способствующее выходу за пределы имеющихся возможностей; 2) предоставление максимальной свободы; 3) доброжелательная помощь; 4) дружелюбная атмосфера; 5) переход от стимулирования к мотивированию; 6) адекватное использование методов и приёмов развития одаренности; 7) конструирование «ситуации успеха»; 8) открытость новому; 9) отсутствие цензуры. В целом, абнотивность позволяет создать условия, которые становятся средством самоактуализации и самореализации творческого потенциала субъекта учебно-воспитательной деятельности.

Ссылки

1. Хотинец В. Ю., Молчанова Е. А. Этнический образ мира: «свои» и «другие»: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. 205 с.

2. Кашапов А. С. Ресурсный компонент динамики социально-психологической адаптированности и конфликтоустойчивости студентов младших курсов // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3. С. 127–136. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-127-136.
3. Кашапов М. М. Акмеология: учебное пособие / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2011. 112 с.
4. Кашапов М. М. Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 31–41.
5. Кашапов М. М., Филатова Ю. С., Кашапов А. С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Ярославль, 2018. 360 с.
6. Кашапов М. М., Кашапов А. С. Формирование профессионального творческого мышления: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 124 с.
7. Кашапов М. М., Лукина А. С., Махновец С. Н. Структурно-уровневая организация конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 2. С. 261–278. DOI 10.21638/spbu16.2023.209.
8. Филатова Ю. С., Кашапов А. С. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 385–404. EDN HRRPEI.
9. Кашапов А. С. Когнитивно-ресурсные компоненты событийности в условиях профессионализации субъекта // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 55–61. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-4-55-61.
10. Кашапов М. М. Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29, № 2. С. 137–147. DOI 10.35634/2412-9550-2019-29-2-137-147.

Cognitive markers of the uncanny valley effect

V. D. Ilyushichev¹, A. V. Chistopolskaya¹, A. A. Kuritsyn¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-318-327

Research article
Full text in Russian

In his essay "The Uncanny Valley", Masahiro Mori notes the following: People will experience negative feelings towards a humanoid object if some of its features reveal its mechanical nature. When the nature of the object and its features are consistent, there is no such abrupt negative response. This transition to negative affect has been called the "uncanny valley" effect. One of the most popular explanations for this effect is the evolutionary hypothesis. Its main concept is the «pathogen avoidance system», an evolutionary mechanism responsible for the induction of aversion in response to the sight of a sick member of the species. Like the authors, we hypothesise that the same system is involved in the formation of the uncanny valley effect. In our study, subjects were asked to perform a task in which they had to match images of faces in three categories (healthy, infected, "uncanny") with one of two categories (alive/not alive). The result was that healthy faces were categorised with less accuracy and speed than uncanny faces. Our results provide partial support for the evolutionary hypothesis. In a subsequent experiment, we decided to clarify the influence of the atypicality of the faces presented on our earlier results by comparing the recognition success of three groups of faces: unusual/uncanny/typical. It was shown that unusual faces were recognised significantly more accurately than uncanny or typical faces.

Keywords: uncanny valley; categorization; evolutionary hypothesis; pathogen avoidance system; facial perception

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ilyushichev, Vladimir D. | E-mail: vladimirilyushichev@mail.ru

Chistopolskaya, Alexandra V. | E-mail: chistosasha@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-6156-4876
Cand. Sc. (Psychology)

Kuritsyn, Alexander A. | E-mail: alexanderalkuritsyn@gmail.com

Funding: The President of the Russian Federation (project MK-495.2022.2)

Когнитивные маркеры эффекта «Зловещей Долины»

В. Д. Илюшичев¹, А. В. Чистопольская¹, А. А. Курицын¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-318-327
УДК 159.93

Научная статья
Полный текст на русском языке

В эссе «Зловещая Долина» Масахиро Мори отмечает следующее: люди будут испытывать негативные переживания по отношению к человекоподобному объекту в том случае, если некоторые его черты выдадут его механическую природу. В случае совпадения сущности объекта и его характеристик такого резкого негативного ответа не возникает. Этот переход к негативному аффекту получил название эффекта «Зловещей Долины». Одним из наиболее популярных объяснений этого эффекта стала эволюционная гипотеза. Основным её концептом является «система избегания патогенов» – эволюционный механизм, отвечающий за индукцию отвращения в ответ на вид больного представителя. Мы, как и авторы, предполагаем, что в формировании эффекта «Зловещей Долины» вовлечена та же система. В ходе нашего исследования испытуемым предлагалось выполнить задание на соотнесение изображений лиц трех категорий (Здоровые, Инфицированные, «Зловещие») к одной из двух категорий (живое/неживое). В результате было получено, что здоровые лица категоризируются с меньшей точностью и скоростью, чем «зловещие»; «зловещие» лица при этом не отличаются от инфицированных по показателям категоризации. Наши результаты частично подтверждают эволюционную гипотезу. В последующем эксперименте мы решили уточнить влияние нетипичности предъявляемых лиц на полученные нами ранее результаты. Для этого мы сравнили успешность узнавания трёх групп лиц: необычных/«зловещих»/типичных. Было показано, что необычные лица узнаются значимо более точно, чем «зловещие» или типичные лица.

Ключевые слова: Зловещая Долина; категоризация; эволюционная гипотеза; система избегания патогенов; восприятие лиц

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илюшичев, Владимир Дмитриевич	E-mail: vladimirilyushichev@mail.ru Помощник исследователя, лаборатория когнитивных исследований
Чистопольская, Александра Валерьевна	E-mail: chistosasha@mail.ru ; ORCID iD: 0000-0002-6156-4876 Кандидат психологических наук, лаборатория когнитивных исследований
Курицын, Александр Александрович	E-mail: alexanderalkuritsyn@gmail.com Помощник исследователя, лаборатория когнитивных исследований

Финансирование: Президент РФ (проект МК-495.2022.2).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Постановка проблемы исследования

В 1970 году профессор робототехники Токийского технологического института Масахиро Мори опубликовал эссе [1], в котором высказывалось предположение: отношение человека к человекоподобному роботу будет переходить от позитивной эмоциональной реакции и чувства эмпатии к ощущению страха и отвращения по мере приближения агента к реалистичному облику, но неполному его достижению. Эта закономерность была представлена на графике, на котором ось абсцисс выражает уровень человекоподобности синтетического агента, а ось ординат – силу и модальность аффекта, вызываемого им.

Именно резкий переход к негативному аффекту был назван «Зловещей Долиной». В дальнейших работах, развивавших гипотезу Мори, достаточно абстрактное понятие негативного аффекта было конкретизировано до чувств, похожих на страх, тревогу, отвращение, потерю эмпатии и желание избежать агента [2–3]. Эссе вышло в малоизвестном японском журнале и долгое время не получало должного внимания, но с развитием робототехники и анимации концепт Мори стал более релевантным и начал использоваться довольно часто.

Эволюционная гипотеза возникновения эффекта «Зловещей Долины»

В процессе поисков объективных маркеров эффекта «Зловещей Долины» начинают появляться биологически ориентированные теории, наиболее распространённой из которых является эволюционная гипотеза [2]. В её свете роль механизма, обеспечивающего формирование эффекта, занимает система избегания патогенов. В обычной ситуации в ходе восприятия лица представителя собственного вида у человека актуализируется соответствующая категория. Эта категория содержит в себе ограниченный набор признаков. При восприятии лица больного представителя вида в поступающей информации о стимуле появляются признаки, выбивающиеся из категории вида (в случае с болезнью – это её различные проявления: сыпь, язвы и т. д.). В этом случае неоднозначность поступающей информации вызывает конфликт категоризации. В результате возникает негативная эмоциональная реакция. По тому же принципу описывается механизм «Зловещей Долины», только на место признаков болезни встают механические черты. При этом предполагается, что, если в возникновении эффекта «Зловещей Долины» действительно играет роль система избегания патогенов, то он должен встречаться не только у людей. Существует ряд работ, в которых предпринималась попытка изучения эффекта у приматов [2–4]. Что характерно для изучаемой проблемы, то эти работы также показывают противоположные результаты.

В работе Стекенфингера и Газанфара [2] проводилась регистрация движения глаз макак (*m. fascicularis*). В качестве стимульного материала использовались три типа изображений:

1. Реальные – фото макак того же вида;
2. Реалистичные – сгенерированные с помощью компьютерной графики лица макак того же вида с высокой степенью детализации;

3. Нереалистичные – компьютерно-сгенерированные лица макак того же вида с низкой степенью детализации.

Для операционализации переживания эффекта «Зловещей Долины» у приматов авторы опирались на работу Хамфри [5], согласно которой приматы склонны уделять меньшее зрительное внимание неприятным стимулам. Соответственно, если макака и вправду ощущает эффект «Зловещей Долины» во время просмотра изображения, она будет делать на нём меньшее количество фиксаций и общее время фиксаций будет ниже, чем в случае с другими стимулами. Авторы предполагали, что макаки будут испытывать эффект «Зловещей Долины» при восприятии реалистичного лица, в то же время нереалистичное лицо и реальное лицо не будут вызывать никакого специфичного отклика. Гипотеза авторов была подтверждена, макаки действительно уделяли меньшее внимание реалистичному лицу. Эти данные были интерпретированы как подтверждение эволюционной гипотезы. Однако в дальнейшем эта работа подвергалась существенной критике. Основной причиной для неё стало малое количество использованных стимулов, из-за чего различия между ними становились слишком существенными. Эта проблема создала пространство для потенциальных альтернативных объяснений. Например, разный уровень интереса может быть результатом новизны стимула, а не его «зловещести» [6].

В работе С. Б. Карп и коллег [4] представлена концептуальная репликация исследования Стекенфингера и Газанфара с расширенным варьированием реалистичности стимула (5 условий). Однако они не получили эффекта «Зловещей Долины» в своей выборке. При этом макаки уделяли большее внимание глазам во время восприятия реального изображения по сравнению с искусственными. Эти данные могут говорить о том, что восприятие реального и искусственного лица приматами различается, а эффект «Зловещей Долины» у животных не наблюдается.

Организация процедуры исследования

Участники исследования. В эксперименте приняли участие 48 студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова (45 женщин, 3 мужчины, средний возраст – 21.75 лет, SD = 5.5). Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Стимульный материал и процедура

Гипотеза: время и точность категоризации здоровых лиц будут значительно отличаться от лиц с инфекционными заболеваниями и «зловещих» лиц, их категоризация будет проходить дольше и с меньшей точностью. Время и точность категоризации лиц с инфекционными заболеваниями и «зловещих» лиц не будут иметь значимых различий.

Независимая переменная: группа лиц (здоровые лица, лица с инфекционными заболеваниями, «зловещие» лица).

Зависимая переменная: скорость и точность категоризации.

Процедура исследования: в качестве стимульного материала использовались изображения здоровых лиц из открытых баз данных; лиц с инфек-

ционными заболеваниями из медицинских справочников и искусственных («зловещих») лиц из открытых источников.

Стимульный материал делился на три группы изображений по 20 лиц в каждой: здоровые лица; лица с проявлениями инфекционных заболеваний; искусственные лица, вызывающие эффект «Зловещей Долины». Набор стимулов, вызывающих эффект «Зловещей Долины» был отобран по результатам предварительной экспертной оценки. Эксперты (40 человек, ср. возраст – 20.15 лет) оценивали каждый стимул при помощи 2 опросников, которые можно обнаружить в более ранних работах, посвященных «Зловещей Долине». Первый из них – опросник симпатии / нравищности все так Монатана (Monathants likeing question) – включает 4 полярные шкалы: Дружелюбный – Недружелюбный, Приятный – Неприятный, Добрый – Злой, Симпатичный – Несимпатичный [7]. Второй – опросник человекоподобности Пауэрса и Кильзера [8], включающий в себя следующие шкалы: Человекоподобный – Механический, Естественный – Искусственный, Осознающий себя – Не осознающий себя, Одушевлённый – Неодушевлённый. Стимулы, набравшие минимальные баллы по обоим опросникам, соответственно оцененные как наиболее искусственные и неприятные, вошли в основную серию эксперимента.

В основной серии испытуемым предлагалось выполнить задание на соотнесение изображений к одной из двух категорий (живое / неживое) при помощи клавиш влево и вправо. Эксперимент проводился в программе PsychoPy 2.0, стимулы предъявлялись на экране с частотой обновления 60 Гц. Время предъявления стимула составляло 1000 мс., стимулы разделялись фиксационным крестом, также предъявлявшимся на 1000 мс. Для адаптации к ритму предъявлений для всех испытуемых проводилась тренировочная серия, включавшая в себя 12 изображений, не входивших в основную серию.

Результаты

Для анализа скорости категоризации использовался U - критерий Манна-Уитни. Были получены значимые различия между группами здоровых и «зловещих» лиц ($U = 308, p < 0.01$) и между группами «зловещих» лиц и лиц с инфекционными заболеваниями ($U = 290, p < 0.05$). Различий в скорости категоризации для групп здоровых и инфицированных лиц обнаружено не было ($U = 221, p = 0.5831$) (рис. 1). Из анализа были исключены случаи, когда испытуемый не успевал отнести изображение к категории за отведенное время.

Для анализа точности категоризации использовался Хи-квадрат с поправкой Йейтса. При сравнении групп здоровых и инфицированных лиц не было обнаружено значимых различий ($\chi^2 = 1.2, p = 0.27$), также не отличаются группы «зловещих» и инфицированных лиц ($\chi^2 = 1.564, p = 0.2$). При этом значимые различия были зафиксированы при сравнении «зловещей» и здоровой групп ($\chi^2 = 5.86, p < 0.05$) (рис. 2). Из анализа также были исключе-

ны случаи, когда испытуемый не успевал отнести изображение к категории за отведенное время.

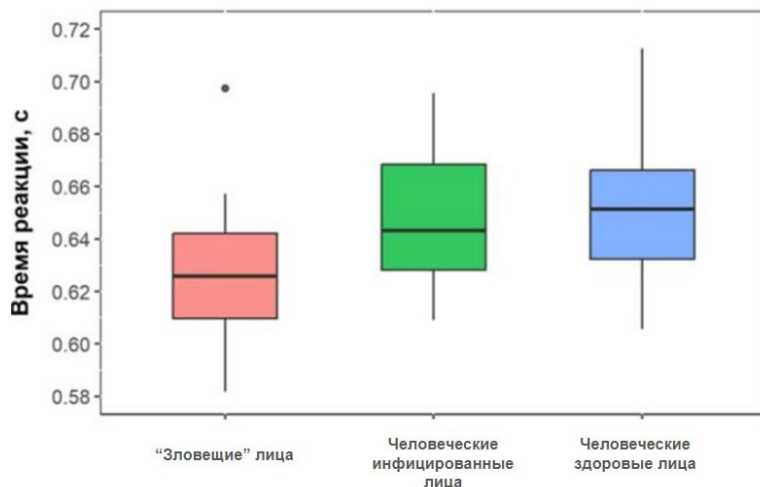

Рис. 1 Время реакции для «зловещих», инфицированных и здоровых лиц

Рис. 2 Показатели точности категоризации для «зловещих», инфицированных и здоровых лиц

Обсуждение

В результате анализа полученных данных можем сказать, что гипотеза частично подтверждена: по показателям точности категоризации «зловещие» лица действительно значительно отличаются от здоровых лиц, при этом различия с инфицированными лицами не были обнаружены. Однако отсутствие значимых различий между инфицированными и здоровыми лицами и более быстрая категоризация «зловещих» лиц ведет к появлению ряда вопро-

сов относительно эволюционной гипотезы «Зловещей Долины» и работы системы избегания патогенов [2] в целом. Во-первых, работа системы предполагает разрешение конфликта между категорией и выпадающими из нее признаками, вследствие чего мы предполагали, что при её активации категоризация будет проходить дольше, так как в существующих исследованиях уже было показано, что неконгруэнтные категории в стимуле увеличивают время реакции [9]. Однако мы получили фактически обратные результаты. В процессе анализа когнитивных систем мы использовали подход Дэвида Марра [10]. Согласно ему один из фундаментальных вопросов, который следует задавать любой когнитивной системе, состоит в том, какую информацию извлекает система.

Отвечая на него, можем сказать, что система избегания патогенов отвечает за детекцию черт, нехарактерных для представителя вида, эти черты присутствуют и в группе «зловещих» и в группе инфицированных лиц. В этом случае мы предполагаем, что более высокая скорость и точность категоризации «зловещих» лиц может быть объяснена большим числом и/или интенсивностью этих черт по сравнению с группой инфицированных. В то же время объяснение, вовлекающее систему избегания патогенов, в этом случае не может объяснить худшие результаты в группе здоровых лиц.

Одним из возможных объяснений может служить более фундаментальный механизм, ускоряющий обработку опасных стимулов. В этом случае наиболее важно как можно быстрее и точнее категоризировать стимулы из группы «зловещих» и инфицированных, чем из группы здоровых лиц [11]. Однако проверка этой идеи требует дальнейших исследований.

Другим объяснением может служить идея, использованная для операционализации эффекта «Зловещей Долины» в оригинальной статье: лица, активирующие систему избегания патогенов, удерживают на себе внимание на значительно меньшее время, чем здоровые лица [2].

Объяснение полученным данным может быть дано в рамках теории управления ошибками (Error management theory) [12]. Цена ошибок первого типа (ложноположительные) и ошибок второго типа (ложноотрицательные) не является одинаковой практически ни в одной из задач, которые встают перед человеком, поэтому мы склонны совершать наименее опасные ошибки в различных ситуациях. Мы предполагаем, что в случае со «зловещими» лицами более быстрая и точная категоризация по сравнению со здоровыми объясняется тем, что цена ошибки для отнесения к категории «неживое» в этом случае существенно меньше.

Также, возможно, мы не увидели ожидаемых результатов из-за слишком большого времени предъявления, за счёт чего, помимо работающей автоматически системы избегания патогенов, в процесс категоризации включались более высокоуровневые механизмы [11].

Эксперимент 2

Полученные в предыдущем эксперименте данные могут объясняться эволюционной гипотезой «Зловещей Долины», однако существуют и иные

варианты интерпретации. Наиболее очевидным из них является идея о влиянии не самого факта заболевания или «зловещести», а необычности лиц с их проявлениями, наличия у них ярких черт, с которыми человек не сталкивается в опыте. Для проверки этой гипотезы и уточнения отсутствия влияния фактора необычности на полученные результаты был проведен дополнительный эксперимент.

Участники исследования. В эксперименте приняли участие 40 студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова, они были поделены на две равные группы. Группа 1 (18 женщин, 2 мужчины, средний возраст – 19,85 лет, $SD = 1,27$), группа 2 (17 женщин, 3 мужчины, средний возраст – 20,3 года, $SD = 1,81$). Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Стимульный материал и процедура

Гипотеза 1: группы «зловещих» типичных и необычных лиц не будут значимо отличаться между собой по точности узнавания.

Гипотеза 2: эффект перевёрнутости лиц [13] будет более сильным для группы «зловещих» лиц, так как они воспринимаются как лица, однако их обработка требует больших затрат когнитивного ресурса вследствие включения системы избегания патогенов.

Независимая переменная: тип лица (необычное, «зловещее», типичное)

Зависимая переменная: точность узнавания

Процедура исследования: в качестве стимульного материала использовались изображения из открытых баз данных, в группе «зловещих» лиц для узнавания использовались изображения, отобранные в предыдущем исследовании, а также 20 «зловещих» лиц из открытых баз данных. Для каждой группы лиц использовалось по 40 изображений.

В основной серии испытуемым предлагалось выполнить задание на узнавание изображений. Эксперимент проводился в программе PsychoPy 2.0, стимулы предъявлялись на экране с частотой обновления 60 Гц. Эксперимент для каждой из групп состоял из трёх этапов стимулов: запоминания, перерыва, узнавания. На этапе запоминания время предъявления стимула составляло 3000 мс. и разделялось фиксационным крестом, также предъявлявшимся на 1000 мс. Затем следовал перерыв, длившийся 3 минуты. После перерыва проходила серия узнавания, стимулы предъявлялись на неограниченное количество времени, испытуемый сообщал, видел ли он стимул в предыдущей серии нажатием на клавишу.

Испытуемые были разделены на две группы по 20 человек. Участниками из первой группы задание на узнавание лиц выполнялось со стимулами в нормальной ориентации, для участников из второй группы стимулы были перевёрнуты на 180°.

Результаты

Для анализа точности узнавания использовался Хи-квадрат с поправкой Йейтса. Были обнаружены значимые различия в успешности узнавания необычных лиц: При сравнении с типичными лицами ($\chi^2 = 21.193$, $p < 0.001$), при сравнении с «зловещими» лицами ($\chi^2 = 36.398$, $p < 0.001$). Схожие данные

получены для узнавания и в инвертированной ориентации: при сравнении с типичными лицами ($\chi^2 = 14.061$, $p < 0.001$), при сравнении с «зловещими» лицами ($\chi^2 = 31.251$, $p < 0.001$). При этом типичные и «зловещие» лица по успешности узнавания не отличаются (рис. 3).

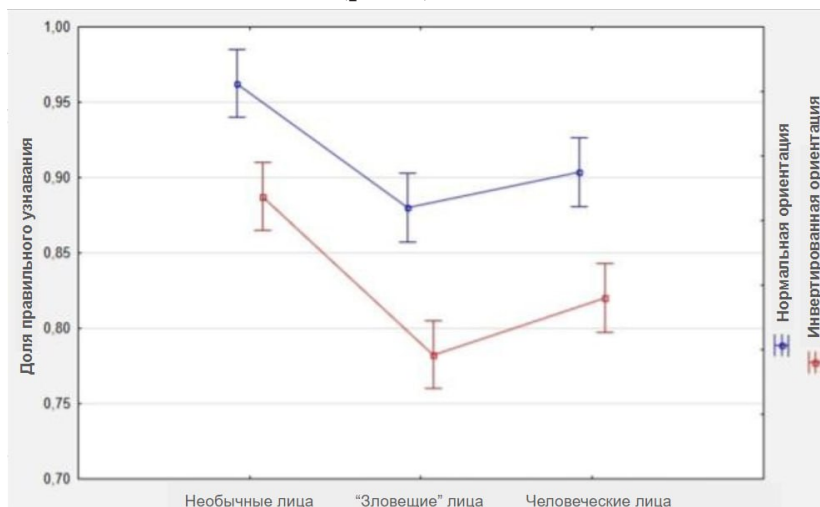

Рис. 3. Показатели точности узнавания лиц в зависимости от ориентации

Обсуждение

В результате проведённого эксперимента гипотеза 1 была частично подтверждена: группа необычных лиц значительно отличается от «зловещих» и типичных по точности узнавания. Мы считаем, что полученные данные говорят о большем количестве информации, которую предоставляют необычные лица; за счёт чего их узнавание оказывается более успешным. Соответственно, полученные нами в предыдущем эксперименте данные не могут объясняться только необычностью «зловещих» и инфицированных лиц. Гипотеза 2 не была подтверждена: при изменении ориентации стимулов «зловещие» лица продолжают узнаваться с точностью, неотличимой от нормальных. При этом необычные лица всё ещё узнаются значительно более успешно. Мы считаем, что это может быть объяснено наличием у них ярких особенностей, на которые испытуемый может опираться при узнавании. При этом выделяющиеся особенности наблюдаются также у «зловещих» лиц, но они при этом не сказываются на узнавании, что может говорить об отсутствии вклада «необычности» лица в возникновение эффекта «Зловещей Долины».

При сравнении результатов с прошлым экспериментом мы можем заметить, что «зловещие» лица категоризируются точнее здоровых, однако их узнавание происходит на том же уровне. Учитывая высокую долю правильных ответов в этих группах, мы можем предположить, что в наших данных наблюдается эффект потолка – задание оказалось слишком простым, чтобы обнаружить различия между группами. В дальнейших исследованиях для контроля этой побочной переменной мы можем создавать дефицит времени на узнавание.

Заключение

В ходе работы были получены данные, частично подтверждающие эволюционную гипотезу возникновения эффекта «Зловещей Долины». Однако стоит отметить, что они плохо согласуются с одной из базовых идей – конфликтом категоризации, предположительно возникающем при срабатывании системы избегания патогенов.

К важному ограничению исследования стоит отнести специфику «зловещих» лиц и их изначальный эмоциональный компонент. В нашей работе мы не уравнивали аффективную окраску в группах «зловещих», инфицированных, здоровых и необычных лиц, однако в дальнейшем это должно стать необходимой частью процедуры дизайна эксперимента.

Ссылки

1. Mori M., MacDorman K. F., Kageki N. The uncanny valley [from the field] // IEEE Robotics & automation magazine. 2012. Vol. 19, No. 2. P. 98–100.
2. Steckenfinger S. A., Ghazanfar A. A. Monkey visual behavior falls into the uncanny valley // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106, No. 43. P. 18362–18366. DOI 10.1073/pnas.091006310.
3. Ho C. C., MacDorman K. F. Measuring the uncanny valley effect // International Journal of Social Robotics. 2017. Vol. 9. P. 129–139. DOI 10.1007/s12369-016-0380-9.
4. Monkey visual attention does not fall into the uncanny valley / S. B. Carp [et al] // Scientific reports. 2022. Vol. 12, No. 1. Art. no. 11760. DOI 10.1038/s41598-022-14615-x
5. Humphrey N. K. Species and individuals in the perceptual world of monkeys // Perception. 1974. Vol. 3, No. 1. P. 105–114. DOI 10.1068/p030105.
6. Macaque gaze responses to the primatar: a virtual macaque head for social cognition research / V. A Wilson [et al] // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1645. DOI 10.3389/fpsyg.2020.01645
7. Monahan J. L. I don't know it but I like you: The influence of nonconscious affect on person perception // Human Communication Research. 1998. V. 24, No. 4. P. 480–500.
8. Powers A., Kiesler S. The advisor robot: tracing people's mental model from a robot's physical attributes. In Proceedings of the 1st ACM SIGCHI/SIGART conference on Human-robot interaction. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. 2006. P. 218–225. DOI 10.1145/1121241.1121280.
9. Folstein J. R., Van Petten C., Rose S. A. Novelty and conflict in the categorization of complex stimuli // Psychophysiology. 2008. Vol. 45, No. 3. P. 467–479.
10. Marr D. Vision: A computational investigation into the human representation and processing of visual information. San Francisco. The MIT press. 2010. 445 p.
11. Del Giacco A. C., Ungerleider L. G., Yue X. Bottom-up processing of curvilinear visual features is sufficient for animate/inanimate object categorization // Journal of Vision. 2018. Vol. 18, No. 12. P. 1–12. DOI 10.1167/18.12.3
12. Haselton M. G., Buss D. M. Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78, No. 1. P. 81–91. DOI 10.1037/0022-3514.78.1.81
13. Yin R. K. Looking at upside-down faces // Journal of experimental psychology. 1969. Vol. 81, No. 1. C. 141.

Features of the relationship between the representative system of perception and reflexivity among modern youth

V. B. Tokareva¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-328-335

Research article
Full text in Russian

The material examines the role of the representative system of perception of young people and methods of reflexivity. Based on theoretical and empirical analysis, the author studied that depending on the modality of perception of the subject, a certain differentiated type of reflection will be possible, namely systemic reflection, retroreflection and quasi-reflection. In the study, the author established: the relationship between the indicators of introspection and the auditory system of perception, the inverse relationship between the indicators of introspection and the digital system of perception, the inverse relationship between the indicators of quasi-reflection and the digital system of perception and the direct relationship between the indicators of introspection and the auditory system of perception in young people.

Keywords: representative system of perception of modern youth; reflection; anxiety

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tokareva, Valentina B. | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Cand. Sc. (Pedagogics)

Особенности взаимосвязи репрезентативной системы восприятия и рефлексивности у современной молодежи

В. Б. Токарева¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-328-335
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается роль репрезентативной системы восприятия молодых людей и способов рефлексивности. На основе теоретического и эмпирического анализа автором было изучено, что в зависимости от модальности восприятия субъекта будет возможен определенный дифференцированный тип рефлексии, а именно системная рефлексия, ретрофлексия и квазирефлексия. Были установлены взаимосвязь между показателями интроспекция и аудиальная система восприятия, обратная взаимосвязь между показателями интроспекция и цифровая система восприятия, обратная взаимосвязь между показателями квазирефлексия и цифровая система восприятия и прямая взаимосвязь между показателями интроспекции и аудиальная система восприятия у молодых людей.

Ключевые слова: репрезентативная система восприятия современной молодежи; рефлексия; тревожность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токарева, Валентина Борисовна

E-mail: valya.tokareva@bk.ru

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
специальной (коррекционной) педагогики
и психологи

Введение

Человек – живое сознательное биосоциальное существо, творение неживой и бессознательной природы, существующей независимо от какого бы то ни было духовного начала. Личность как изменчивая субстанция, которая непрерывно развивается, приобретает качественно новые формы движения материи.

Человек и его природа последовательно раскрываются в процессе решения основного методологического вопроса об отношении сознания личности к объективной действительности на протяжении всей предшествующей истории общества. На отдельных поворотных исторических этапах развития социально-экономических формаций, идеологических острых столкновений, борьбы философских, психологических направлений и научно-технического прогресса проблема изучения человеческой личности претерпевает коренные изменения.

Современное мощное развитие науки, техники и экономики, средства массовых информаций, прогрессирующее движение новых общественных межличностных отношений накладывают на личность сложные обязанности, требующие непрерывного повышения знаний, практических навыков и умений, действенности и моральной ответственности перед самим собой и обществом.

Особое значение приобретает сейчас также вопрос о развитии отдельных качеств субъекта и включенности их в определенные закономерности структуры личности. Исследование качеств психики позволяет изучить своеобразие индивидуальных особенностей субъекта деятельности, что, в свою очередь, повышает возможность прогнозировать поведение индивида и эффективно развивать компоненты личности.

Рассматривая структуры психики, А. Г. Ковалев описывает личность как сложно устроенную, имеющую отдельные компоненты, а именно темперамент, направленность, способности. В процессе выполнения деятельности данные свойства имеют связь друг с другом в соответствии с заданными требованиями функционирования субъекта [1].

Психические образования субъекта и их функции должны быть неразрывно связаны с содержанием его психической деятельности, поэтому содержание будет выступать определяющим фактором для конструирования функциональной части психики. Данные части будут доминировать в зависимости от отношения к ним индивида, вместе с этим на данное отношение будет воздействовать и социальная среда, и условия общественно исторического процесса.

Постановка проблемы

Исходя из этого важное значение приобретает проблема личности, сознания и деятельности, так как именно в процессе жизнедеятельности формируются перечисленные компоненты в соответствующих природных и социальных условиях. Будучи носителем ряда биологических задатков, субъект приобретает основные направления развития личности в тех условиях, в которых он находится.

Систематически увеличивается выборочное присвоение и фиксация индивидуальных черт характера, интересов, способностей, ценностей и мотивации. Они становятся определяющими для индивида и окрашивают

осознание реальности необходимой внутренней потребностью; изменение данной потребности ведет к тому, что корректировка личностных структур будет восприниматься личностью как болезненная трансформация. Вместе с тем психические процессы, свойства отличаются стойкостью и относительным постоянством. Окрашивая способы мышления различными эмоциональными состояниями, субъект деятельности как может навредить себе, так и облегчить адаптацию к изменяющимся условиям.

Исходя из этого, нам стало интересно, как восприятие и самопознание могут быть взаимосвязаны в процессе жизнедеятельности субъекта.

Методология

Целью нашего исследования было выявить взаимосвязь репрезентативной системы восприятия и рефлексивности у современной молодежи.

Задачи исследования: проанализировать основные понятия исследования, выявить особенности взаимосвязи между репрезентативной системой восприятия и типом рефлексии у субъектов, установить характер между исследуемыми показателями.

В исследовании приняли участие тридцать студентов заочного отделения, обучающихся в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского, в возрасте от двадцати одного года до тридцати лет.

Основная часть

Отношение субъекта к миру, его осознание, эмоциональное состояние определяют наше поведение и деятельность, за которыми последуют характерные слова и поступки. Наши чувства раскрывают глубину нашей психики и являются переживаниями личностного характера. Типовые проявления личности могут выражаться в различных процессах общества: в социально-экономических формациях, политических и экономических закономерностях, ценностных ориентациях. Но существуют определенные душевные процессы, состояния, чувства, желания, цели, которые развиваются с детских лет, с момента рождения человека и формируются постепенно при семейном воспитании и благоприятных общественных условиях.

Карел Блага и Михаэл Шебек пишут, что «в первые шесть недель жизни самое важное – физиологические процессы: сон, приём пищи и выделения, простейшие формы обучения, в которых младенец способен пока играть небольшую роль. В краткие периоды ребенок лишь готовится к познанию мира и себя. Он не осознаёт или очень смутно осознаёт, что удовлетворение его потребности поступает откуда-то извне. У новорождённого, конечно, нет понимания, что такое извне или потребность, у него есть врождённый аппарат восприятия, и возможности малыша растут по мере созревания его центральной нервной системы и развития ранних форм обучения, главным образом таких, как подражание и копирование. Это не могло бы возникнуть без аппарата восприятия и его постепенного развития»

[2]. Поэтому можно сделать вывод, что восприятие не обязательно должно быть снабжено всеми органами, потому что формируется и у детей слепых или глухих от рождения, но вместе с этим возникновение системы «Я» зависит от познания и отложения в памяти впечатлений и переживаний, осознания себя и своего тела.

Самосознание является сугубо человеческой особенностью психики, в основе которого лежит способность человека отличать себя от своей собственной жизнедеятельности. Личное сознание формируется путем усвоения, овладения индивидом в процессе жизнедеятельности всевозможными формами общественного сознания [3].

«Человек, обладающий сознанием, обладает самосознанием», – пишет Л. М. Фридман в научном труде «Психологическая наука – учителю», а развитие самосознания происходит в процессе деятельности и общения. Важную роль в данном процессе играет самопознание личности, так как осознание своей индивидуальности путем самонаблюдения приводит субъекта к установлению оценочного отношения к собственным достоинствам и недостаткам, которое ведет к развитию самоконтроля и саморегуляции своего поведения [3].

Каждые процессы, происходящие в психике, безусловно, взаимосвязаны между собой и, взаимодействуя друг с другом, влияют на развитие, самосовершенствуя личность. Так, у человека при остром стрессе внимание сужается, появляется рассеянность, замедляется темп мыслительных процессов. Все это объясняется тем, что при определенных переживаниях и эмоциональных состояниях психические процессы изменяют свое функционирование. Анализ своего поведения, своих состояний, мыслей и чувств может как вредить субъекту в процессе деятельности, так и помогать возможностью видеть свои ошибки. Индивидуальный характер самопознания может отображаться в разной динамике, глубине, точности и некоторых других особенностях [3, с.29-30].

Можно выделить несколько особенностей протекания психических процессов, характерных для процесса восприятия: для некоторых типов характерно обобщенное отражение воспринимаемого предмета и объекта, а также выявление их основного содержания – в этом случае протекание анализа внутреннего мира будет строиться через анализ деталей, для других – превалирует эмоциональное отношение к объекту: самопознание будет затруднено переживаниями, возникшими в процессе деятельности.

Методическое обеспечение исследования: цветовой цвет М. Люшера и диагностическая методика «Биас-тест», предложенная Б. Льюисом и Ф. Пуцеликом, а также опросник «Дифференциальный тип рефлексии», разработанный Д. А. Леонтьевым, Е. М. Лаптевой, Е. Н. Осиным и А. Ж. Салиховой. Коэффициент корреляции r -Пирсона применялся нами для установления взаимосвязей между исследуемыми показателями.

Результаты исследования

Исходя из полученных результатов, мы установили взаимосвязь между отдельными компонентами структуры личности у молодых людей.

Существует прямая взаимосвязь между показателями самонаблюдения и аудиальной системой восприятия у молодых людей: чем ярче выражена аудиальная система восприятия, тем выше представленный вид рефлексии. Данная взаимосвязь говорит о том, что современная молодёжь, воспринимающая информацию через процесс слушания, может нуждаться в более углубленном анализе своей активности, а именно своих мыслей, чувств, образов.

Существует также обратная взаимосвязь между показателями интроспекции и цифровой системой восприятия у молодых людей: чем ярче выражена данная система восприятия, тем ниже интроспективная рефлексия, и наоборот ($r=-0,413$; $p=0,003$). Многогранная повседневная деятельность индивида с цифровой системой восприятия реализуется с помощью анализа информации посредством доминирования логического мышления над чувствами. Данный индивид при рассмотрении ситуации будет опираться на логические умозаключения. В связи с этим происходит снижение способности сосредотачиваться на собственном состоянии и собственных переживаниях у субъектов. Самоанализ для дигиталов будет выглядеть как рациональный разбор обстоятельств жизненных трудностей; отсутствие раскаяния, обвинения самого себя у такого индивида находится на сниженном уровне, что позволит отпустить ситуацию, а регулярное погружение в себя поможет достичь выбранных целей.

Сам по себе самоанализ является необходимой вещью для личности, так как осмысливание различных качеств дает возможность субъекту посмотреть, насколько важный опыт он приобрел и насколько он может быть ценным для него. Вместе с тем заикленность при анализе на своих недостатках приводит к постоянному переживанию негативных эмоций, самообвинению и самооправданию, что впоследствии является причиной избегания инициативы в различных сферах жизнедеятельности.

Наличие обратной взаимосвязи между показателями квазирефлексии и цифровой системой восприятия у молодых людей (чем ярче выражена цифровая система восприятия, тем ниже квазирефлексия, и наоборот), может говорить, что погружение в прошлое для дигиталов является необходимым этапом для поиска решения ($r=0,477$; $p=0,0001$). Анализ своего детства, юности посредством выстраивания определенных схем, обобщений и так далее может позволить дигиталу обобщить свой опыт и выстроить планы на будущее, что является важным аспектом взросления и становления личности.

В процессе развития личности рефлексивные процессы могут характеризоваться как общими для всех закономерностями, так и индивидуальными особенностями. Всем людям свойственны интроспекция и квазирефлек-

сия. Различия будут выражены только в силе перечисленных способностей. Разные люди по-разному могут трактовать окружающий мир, общепринятые моральные нормы, и это свидетельствует о том, что общественное мнение может определять личное сознание и психические процессы, а также наоборот.

Анализируя свое поведение, субъект анализирует свою деятельность. Она становится сознательной и регулируемой. Вместе с тем, когда процесс рефлексии становится в избытке, происходит в некотором роде искажение ситуации, результатов самой деятельности, индивид заикливается на одной идее, и при этом мысли могут не давать ему покоя. Поэтому полученная прямая взаимосвязь между показателями интроспекции и аудиальной системой восприятия у молодых людей указывает на то, что чем ярче выражена аудиальная система восприятия, тем выше способность субъекта анализировать свое поведение, прокручивая мысленно свои переживания ($r=0,378$; $p=0,007$). Для аудиала важным является слуховой канал восприятия, он легко повторяет услышанное, вступает в дискуссии, без труда осваивает разговорный язык, диалоги ведет как внешние, так и внутренние. Возможно, поэтому так выражена интроспективная рефлексия. Частые внутренние диалоги заставляют описывать свой внутренний опыт, поэтому нередко индивид будет думать о том, как выразить его в форме звука.

При исследовании процессов рефлексивности у визуалов не было выявлено определенных способов размышления, но зато была установлена прямая взаимосвязь между тревожностью и визуальной репрезентативной системой восприятия ($r=0,329$; $p=0,02$). Данная взаимосвязь может объясняться тем, что визуалы преимущественно думают картинками и мыслят образами. Они могут обрабатывать большой объем информации, так как организуют свой мир тем, на что смотрят. Возникающие картинки перед глазами визуалов оказывают непосредственное влияние на их эмоциональное состояние. Как только визуал начинает осознавать свою тревожность в стрессовых ситуациях и ее отрицательное влияние, у него произвольно может возникать желание контролировать данное эмоциональное состояние.

В настоящее время имеется огромное количество исследований, посвященных изучению различных индивидуальных реакций людей на какие-либо стрессовые ситуации. Естественно, каждый человек имеет свой уровень тревожности, который может указывать на возможность научиться изменять и контролировать его. Мы предполагаем, что у субъекта с визуальной системой восприятия состояние тревожности выражено на высоком уровне, так как скорость обработки информации зрительных образов выше, чем скорость обработки звуковых сигналов.

Для центральной нервной системы индивида более важна визуальная информация, поскольку во время визуального восприятия окружающе-

го мира анализ видимого пространства позволяет субъекту планировать и прогнозировать действия окружающих и свои действия. Это подтверждается исследованиями Лучано Фадиги, который говорит об этом феномене как об эволюционном приобретении человечества [4]. Это также может объясняться социокультурной трансформацией общества, так как на данный момент визуальность становится способом конструирования повседневной реальности современной молодежи [5].

Любое современное психологическое исследование постоянно сталкивается с необходимостью измерения тех или иных показателей психики индивида. В качестве измерений пространства могут выступать различные показатели психических явлений, механизмы развития закономерности психики. В нашем исследовании таким показателем является модальность процесса восприятия, запускающая стратегию мышления. Взаимосвязь репрезентативной системы восприятия и рефлексивности позволяет установить такой способ обработки информации, при котором рефлексивная способность будет развита в большей или меньшей степени, а также при каких типах модальности необходимы регулирующие формы коррекции, позволяющие вывести субъекта из состояния «назойливого рефлексивного размышления» [6].

Ссылки

1. Ковалев А. Г. Психология личности. М.: Просвещение, 1999. С. 20–23.
2. Блага К., Шебек М. Я – твой ученик, ты – мой учитель : Книга для учителя / пер. с чеш. [и послесл.] Д. М. Прошунинной. М.: Просвещение, 1991. С. 32.
3. Фридман Л. М., Волков К. Н. Психологическая наука – учителю. М.: Просвещение, 1985. 224 с.
4. Fadiga L., Fogassi L., Gallese V., Rizzolatti G. Visuomotor neurons: ambiguity of the discharge or ‘motor’ perception?// International Journal of Psychophysiology. 2000. Vol. 35, No. 2-3. P. 165–177. DOI 10.1016/S0167-8760(99)00051-3.
5. Дроздова А. В. Визуальность как феномен современного медиаобщества // Дискуссия. 2014. №10. С. 29-36. EDN TAVCJX.
6. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110-135. EDN UYWVEN.

An integrated approach to the quality assessment of special conditions for children with special educational needs

L. S. Rusanova¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-336-348

Research article
Full text in Russian

Assessment of the quality of special conditions for children with disabilities in kindergartens and schools is of research interest to psychologists. The article examines the results of the analysis of the creation of special conditions, reveals the importance of psychological, medical and pedagogical commissions and psychological and pedagogical councils of educational organizations, identifies determinants that increase the effectiveness of psychological and pedagogical assistance to a child and his family.

Keywords: expertise; monitoring; quality of education; special conditions; children with disabilities; psychological and pedagogical assistance

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rusanova, Liliya S. | E-mail: lirusanova@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Комплексный подход к экспертизе качества специальных условий для детей с особыми образовательными потребностями

Л. С. Русанова¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-336-348
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Оценка качества специальных условий для детей с ограниченными возможностями здоровья в детских садах и школах вызывает исследовательский интерес психологов. В статье рассматриваются результаты анализа создания специальных условий, раскрыта значимость психолого-медико-педагогических комиссий и психолого-педагогических консилиумов образовательных организаций, установлены детерминанты, повышающие эффективность психолого-педагогической помощи ребенку и его семье.

Ключевые слова: экспертиза; мониторинг; качество образования; специальные условия; дети с ограниченными возможностями здоровья; психолого-педагогическая помощь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Русанова, Лилия Сергеевна

E-mail: lirusanova@yandex.ru

Кандидат психологических наук, доцент кафедры медико-биологических основ дефектологии и теории логопедии

Введение

Получение детьми с ограниченными возможностями здоровья (далее – дети с ОВЗ) и детьми-инвалидами качественного образования является одним из неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности.

Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что изменение об-

разовательной траектории ребенка: перевод на обучение по адаптированным образовательным программам, зачисление в группы компенсирующей направленности дошкольных образовательных организаций – проводится в соответствии с рекомендациями психолого-медико-педагогической комиссии с согласия родителей (законных представителей). Выявление детей с ограниченными возможностями здоровья, определение их права на оказание психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания осуществляется психолого-медико-педагогическими комиссиями (далее – ПМПК).

Введение комплексного подхода в систему образования не только является важной составляющей качественного обучения и воспитания детей с особенностями в развитии, но и определяет необходимость изучения факторов, влияющих на психолого-педагогическое сопровождение. В связи с этим концептуально значимыми и практически востребованными становятся как собственно оценка специальных условий, так и проектирование программы проведения мониторинга в системе образования Ярославской области [1–2].

Появление множества инновационных технологий повлекло за собой появление синонимичных понятий и терминов: «экспертиза», «оценка», «мониторинг». По мнению Г. А. Мкртычяна, экспертиза, с одной стороны, состоит в исследовании современных новаторских направлений в обучении и воспитании, а с другой – является необходимой для выявления ресурсности собственно в педагогическом процессе [3]. Е. Г. Матвиевская [4], Е. Н. Кучина [5] определяют оценку как результат оценочного процесса, оценочное суждение. А. Н. Майоров отмечает, что мониторинг – это система целенаправленных наблюдений за исследуемыми объектами в пространстве и времени [6], К. С. Кардашова под мониторингом понимает процесс непрерывного научно обоснованного, диагностико-прогностического слежения за состоянием, развитием педагогического процесса в целях оптимального выбора образовательных целей, задач и средств их решения [7]. О. В. Рыбина [8], В. А. Болотов [9], Т. С. Назарова [10] под мониторингом понимают самостоятельную функцию управления, в рамках которой проводится выявление и оценивание проведенных педагогических действий, при этом обеспечивается обратная связь, осведомляющая о соответствии фактических результатов деятельности педагогической системы ее конечным целям.

Проектирование системы мониторинга специальных условий в инклюзивном образовательном процессе является особенно актуальной для современной практики образовательных организаций, поскольку она недостаточно содержательно разработана. Проблема мониторинга качества

создания специальных условий отражена в исследованиях Е. Л. Драчевой [11], К. К. Бегалиновой [12], Т. А. Соловьевой [13].

Д. Клиланд, Дж. Робертсон, В. Е. Мусина, Е. Н. Кнышова, С. И. Назарова выделяют принципы мониторинга качества образования:

- объективность, достоверность, полнота и системность информации о качестве образования;
- повышение потенциала внутренней оценки, самооценки, самоанализа каждого педагогического работника;
- открытость, прозрачность процедур оценки качества образования для различных групп потребителей.

Методология исследования

С методологической точки зрения значимым является проектирование решений в части выполнения рекомендаций психолого-педагогической комиссии по созданию специальных условий обучения и воспитания в детском саду и школе как инструмента повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения [14]. Мониторинг учета рекомендаций психолого-педагогической комиссии по созданию необходимых условий для обучения и воспитания детей в образовательных организациях Ярославской области (далее – мониторинг) проводится ежегодно на протяжении нескольких лет в соответствии с формами, разработанными в государственном общеобразовательном учреждении Ярославской области «Центр помощи детям».

Однако роль ПМПК состоит не только в комплексном психолого-педагогическом обследовании детей и подростков и подготовке рекомендаций по созданию специальных условий обучения и воспитания, но и в необходимости проведения постоянной экспертизы и мониторинга качества создания особых образовательных услуг в учреждениях, постоянном анализе и корректировке системы работы, обеспечивающей комплексный характер психолого-педагогического сопровождения особых детей. Для решения вышеуказанных проблем необходим комплексный подход на основе специальных инструментов мониторинга и экспертизы качества образования через анализ системы детерминант для детей с особыми образовательными потребностями.

Исследование, в котором приняли участие специалисты муниципальных органов управления образования, педагоги, родители и руководители 844 инклюзивных и специальных школ и детских садов проводилось в 2022–2023 году. В основу исследования был положен системно-структурный подход, который позволил выявить взаимообусловленность объектов, явлений и процессов педагогической практики по обеспечению качества и доступности образования.

Использование систематического мониторинга и экспертной оценки создания условий для доступного и качественного образования детей с ООП позволило запустить процесс структурной целенаправленной оптимизации в системе инклюзивных и специальных школ, что вызвало серию системных эффектов, позволяющих управлять системой образования особых детей и преобразовывать ее под задачу доступности и качества образования.

Алгоритм проведения мониторинга включает поэтапную последовательность организационно-методических процедур:

I этап: статистический анализ параметров учета рекомендаций ПМПК в образовательных организациях Ярославской области на основе предварительно разработанных и апробированных мониторинговых форм;

II этап: оценка выявленных нормативных и фактических значений в части исполнения рекомендаций ПМПК;

III этап: выездной мониторинг учета рекомендаций ПМПК в образовательных организациях муниципальных районов Ярославской области.

Во время выездов в муниципальные районы региона анализировалась деятельность образовательных организаций по созданию специальных условий для обучения и воспитания детей с ОВЗ в образовательных организациях.

1. Выполнение специальных условий:

- использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания;

- использование специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов;

- использование специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования;

- предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь;

- предоставление услуг тьютора;

- проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий;

- обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность;

- другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ОВЗ;

2. Организация психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ;

3. Наличие профильных специалистов.

Ведущими методами установления фактических значений показателей являлись экспертиза полученных данных (предоставленных орга-

низациями и выявленных в процессе верификации), измерение, анализ и интерпретация полученных результатов. Процедуры анкетирования, измерения, экспертизы определяют комплекс используемых методик внешней и внутренней оценки создания в образовательных организациях специальных условий для получения образования детьми с ОВЗ.

Для удобства обработки данных, полученных в ходе мониторинга, их анализа, классификации, действий по совершенствованию выявленной ситуации, подготовке адресных рекомендаций, применялась кластеризация.

Результаты исследования

Исследование, проведенное в Ярославской области, показывает, что в регионе созданы центральная и четыре территориальные ПМПК. По данным ПМПК в 2023 году проведено 13018 обследований детей и подростков, что на 10 % больше по сравнению с количеством обследованных на ПМПК детей в 2022 году (2022 год – 12705 обследований, 2021 год – 11214 обследований, 2020 год – 9228 обследований). Обследовано 8736 детей дошкольного возраста (67 %), 4282 ребенка школьного возраста (33 %) (2022 год – 8647 детей дошкольного возраста / 68 %, 4058 детей младшего школьного возраста / 32%). В том числе в 2023 году обследовано 904 ребенка-инвалида (2022 год – 990 детей-инвалидов, 2021 – 654 ребенка-инвалида, 2020 год – 561 ребенок-инвалид); 428 детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот (2022 год – 445 детей, 2021 – 335 детей, 2020 год – 344 ребенка).

Следует подчеркнуть, что 74 % детей получили рекомендации, связанные с изменением образовательного маршрута и обучением по адаптированным образовательным программам, а остальной части детей, обратившихся на ПМПК, рекомендована психолого-медико-педагогическая помощь без изменения образовательного маршрута. Данный факт свидетельствует о большой востребованности данной деятельности.

На протяжении трех лет увеличение количества обследований на ПМПК (на 30 %) обусловлено:

- увеличением количества обращений на ПМПК детей, нуждающихся в определении специальных условий обучения и воспитания при переходе с одного уровня образования на другой уровень образования, направлением бюро медико-социальной экспертизы, органов опеки и попечительства;
- ростом количества детей, нуждающихся в создании специальных условий получения образования в муниципальных районах Ярославской области.

Количество детей с ограниченными возможностями здоровья составляет 9600 детей (74 % от общего количества детей, прошедших обследование) (2022 год – 10374 ребенка / 82 %, 2021 – 9497 детей / 85 %, 2020 год – 7758 детей / 84 %). Разнообразна и стабильна на протяжении нескольких лет нозологическая представленность детей и подростков. Наиболее многочисленной является группа детей с тяжелыми нарушениями речи (4679 детей / 49 %), с задержкой психического развития (3398 детей / 35 %), с интеллектуальными нарушениями (умственной отсталостью) (510 детей / 5 %), с нарушениями опорно-двигательного аппарата (496 детей / 5 %). Малочисленно представлены категории детей с нарушениями слуха (глухие – 13 детей; слабослышащие – 72 ребенка), с нарушениями зрения (слепые – 8 детей, слабовидящие – 378 детей) и расстройствами аутистического спектра (46 детей). Более подробно данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количественные данные о детях с нарушениями психофизического развития, прошедших обследование в ПМПК в 2021–2023 годах

Нарушения психофизического развития	Количество детей			
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Глухие	6	12	8	13
Слабослышащие	72	82	73	72
Слепые	7	3	11	8
Слабовидящие	336	397	449	378
Тяжелые нарушения речи	4153	4781	4660	4679
Нарушения опорно-двигательного аппарата	319	425	565	496
Задержка психического развития	2405	3263	3843	3398
Умственная отсталость	421	499	703	510
Расстройства аутистического спектра	39	35	62	46
Всего	7758	9497	10374	9600

По данным сравнительного мониторинга на 01.01.2024 г. дошкольные образовательные организации посещают 62 921 ребенок, это на 8 % больше по сравнению со статистическими данными 2023 года.

В ходе мониторинга было выявлено:

- на основании рекомендаций ПМПК 10 399 детям дошкольного возраста необходимо создать специальные условия обучения и воспитания,

что составляет 16,5 % от общего количества детей, посещающих ДОО. Одним из ведущих условий будет обучение детей по адаптированным образовательным программам дошкольного образования (далее – АОП ДО). По сравнению с 2023 годом количество детей с ОВЗ, которым рекомендовано обучение по АОП ДО, увеличилось на 794 ребенка, что составляет 7,6 %;

- дети с ОВЗ в дошкольных образовательных организациях посещают группы комбинированной (52,9 %), компенсирующей (41,03 %) и общеразвивающей направленности (5,9 %);

- представленность детей с ОВЗ в отдельных муниципальных районах Ярославской области составляет менее 3 % от общего количества детей, что указывает, на проведение недостаточной работы специалистами образовательных организаций по раннему выявлению детей, нуждающихся в помощи и поддержке со стороны педагогов.

Поэтому первое изменение, которое необходимо было сделать в системе работы, это совершенствовать деятельность психолого-педагогических консилиумов, созданных в дошкольных образовательных организациях, в части выявления и предоставления необходимой помощи ребенку от рождения до трех лет.

В реальности в детских садах создаются условия для детей с нарушениями психофизического развития. Положительным фактом в 2023 году являлось обучение по адаптированным программам 100 % детей (2022 г. – 77 % детей обучались по АОП ДО).

Количественные данные о детях дошкольного возраста с ОВЗ по данным мониторинга достаточно разнородны. Наиболее многочисленной является группа детей с тяжелыми нарушениями речи, имеющих стойкие фонетико-фонематические и лексико-грамматические нарушения (7174 ребенка – 69 %), группа детей с задержкой психического развития церебрально-органического, психогенного и конституционального характера (1418 детей – 14 %). Дети с сенсорными и двигательными нарушениями представлены нешироко (нарушения зрения – 721 ребенок – 7 %, нарушения слуха – 29 детей – менее 1 %, нарушения опорно-двигательного аппарата – 830 детей – 8 %). Нарушения интеллекта выявлены у 206 детей дошкольного возраста (1,5 %), расстройства аутистического спектра у 21 ребенка (менее 1 %).

Однако мониторинг показал отсутствие данных о детях с сенсорными и двигательными нарушениями в некоторых муниципальных районах области и детях с речевыми нарушениями, с задержкой психического развития, что вызывает большие сомнения и не согласуется с общими статистическими данными регионального и федерального уровней.

Таким образом, анализ статистических данных показывает, что специалисты дошкольных образовательных организаций направляют на психолого-медико-педагогическое обследование в ПМПК только детей таких нозологических категорий, для которых возможно создание специальных условий – дети с тяжелыми нарушениями речи, дети с задержкой психического развития.

В то же время мониторинг дает полное представление о кадровой обеспеченности дошкольных образовательных организаций, оказывающих помощь детям с нарушениями в развитии. В системе на уровне дошкольного образования психолого-педагогическая помощь и поддержка осуществляются 1224 профильными специалистами. Сравнительные данные по кадровому составу представлены в таблице 2.

Таблица 2

Кадровый состав в дошкольных образовательных организациях

Наименование показателей	Количество специалистов	
	2022 г.	2023 г.
Численность специалистов психолого-педагогического сопровождения	1130	1224
Численность педагогов-психологов	275	282
Численность учителей-дефектологов	209	229
Численность учителей-логопедов	631	695
Численность тьюторов	1	7
Численность ассистентов	8	5
Численность социальных педагогов	6	6

Наиболее многочисленными являются кластеры в части логопедического и психологического сопровождения детей дошкольного возраста (91 % и 86 % соответственно). Педагогическая поддержка детей с нарушениями в развитии учителями-дефектологами представлена не в полном объеме (53 %). Тьюторское сопровождение обеспечено на 52 %, помощь ассистента-помощника для детей организована – в 47 % случаев. Очевидна связь между недостаточной обеспеченностью кадрами (сурдо- и тифлопедагогами) и оказанием своевременной качественной помощи детям с сенсорными нарушениями.

По данным мониторинга (на основании федеральной статистики ОО1 и федеральной статистики СПО) 135063 ребенка обучаются в общеобразовательных организациях и 10 968 человек – в профессиональных образовательных учреждениях, в том числе 9 179 детей с ОВЗ (8 % от общего числа детей, обучающихся в общеобразовательных организациях):

- 4123 человек обучаются в общеобразовательных классах (инклюзия);
- 4281 человек – в специальных классах;
- 546 человек обучаются индивидуально на дому.

Очевидно, что количество детей с ОВЗ на уровне начального, основного и среднего образования крайне неравномерное. Неблагоприятная возрастающая тенденция на уровне основного общего образования, вероятно, обусловлена невозможностью минимизировать в полной мере нарушения в психофизическом развитии ребенка, а также увеличением обращения детей, обучающихся в 6, 7, 8-х классах в ПМПК.

Среди детей школьного возраста наиболее многочисленной является группа детей с задержкой психического развития (6512 детей – 71 %), умственной отсталостью (1882 ребенка – 21 %), нарушениями письма и чтения (341 ребенок – 4 %). Немногочисленно представлены дети с сенсорными (292 ребенка – 3 %), двигательными (87 детей – менее 1 %), эмоциональными нарушениями (65 детей – менее 1 %).

Анализируя нозологическую представленность, следует отметить, что в области среди детей школьного возраста наибольшее количество детей с задержкой психического развития (71 % от общего количество детей с ОВЗ). В системе психолого-педагогического сопровождения детей младшего школьного и подросткового возраста в 223 году наиболее полно представлены педагоги-психологи (344 человека), социальные педагоги (266) и учителя-логопеды (255). Общая численность педагогических работников, работающих с детьми ОВЗ, по данным мониторинга составила 5613 человек, в том числе 1239 учителей начальных классов, 4374 учителя-предметника. Данные по кадровому составу представлены в таблице 3.

Таблица 3

Кадровый состав специалистов психолого-педагогического сопровождения в школах

Наименование показателей	Количество специалистов	
	2022 г.	2023 г.
Численность специалистов психолого-педагогического сопровождения	1046	1076
Численность педагогов-психологов	342	344
Численность учителей-дефектологов	125	126
Численность учителей-логопедов	249	255
Численность тьюторов	48	52
Численность ассистентов	29	33
Численность социальных педагогов	253	266

Экспертные оценки родителей и педагогов показали, что ввиду невыполнения специалистами сопровождения в полном объеме рекомендаций ПМПК у детей с ОВЗ, а также с нарушениями устной и письменной речи отсутствует положительная динамика в детском развитии. Обращает на себя внимание тот факт, что возрастает количество детей младшего школьного возраста, имеющих нарушения письма и чтения – дисграфию и дислексию (4 % от общего количество детей с ОВЗ) и нуждающихся в логопедическом сопровождении.

Таким образом, результаты документарного и выездного мониторинга, экспертных оценок педагогов и родителей, экспертизы специальных условий для детей с ООП продемонстрировали:

- в детских садах и школах региона создаются условия для обучения и воспитания детей с ОВЗ, в некоторых случаях отсутствует положительная динамика в развитии и усвоении детьми образовательной программы в связи с невыполнением в полном объеме образовательной организацией рекомендаций ПМПК;

- увеличиваются несвоевременные обращения детей, обучающихся в 6, 7, 8-х классах, на ПМПК;

- в дошкольных организациях несвоевременно оказывается дефектологическая помощь.

Типичные недостатки в психолого-педагогическом сопровождении детей связаны с недостаточной организацией деятельности психолого-педагогического консилиума образовательной организации; недостаточной работой по раннему выявлению детей, нуждающихся в поддержке; поздним выявлением детей, имеющих трудности в освоении программы; кадровым дефицитом в образовательных организациях.

Выводы

На примере исследования, проведенного в Ярославской области по оптимизации системы образования детей с ООП, можно констатировать:

1. Проведение экспертизы качества специальных условий для детей с особыми образовательными потребностями целесообразно осуществлять на основе комплексного подхода;

2. Заключение ПМПК должно носить обязательный характер для всех участников образовательного и воспитательного процесса;

3. Важным элементом комплексного подхода в сопровождении ребенка и его семьи является взаимодействие ПМПК и консилиумов образовательных организаций.

Необходимыми детерминантами повышения качества сопровождения детей с ООП при создании специальных условий являются:

- методическая и организационная помощь образовательным организациям, имеющим ресурсные дефициты при обеспечении психолого-педагогической помощи детям с ОВЗ;

- организация профессионального взаимодействия междисциплинарных команд специалистов различных образовательных структур для своевременного и согласованного принятия административных и педагогических мер;

- выявление положительного опыта по организационным и содержательным вопросам деятельности психолого-педагогического консилиума образовательной организации и ПМПК.

Экспертиза качества специальных условий, проведенная на основе системно-структурного подхода, показывает, что если общую стратегию образования обучающихся с ОВЗ определяют специалисты ПМПК, то специальные условия обучения и воспитания создаются в образовательных организациях. Усиление роли ПМПК, консилиумов и кадровая обеспеченность детских садов и школ позволит запустить процесс совершенствования системы комплексной психолого-педагогической помощи ребенку и его семье, повышения качества жизни детей с ОВЗ и инвалидностью.

Ссылки

1. Алехина С. В. Психолого-педагогические исследования инклюзивного образования в практике подготовки магистрантов // Психологическая наука и образование. 2015. № 3. С. 70–78.

2. Экспертиза качества специальных условий для получения образования обучающимися с ОВЗ как условие повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения / И. В. Пестова, Н. А. Гурьянова, М. С. Сергеева, С. В. Кузеванова // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17, № 2. С. 139–149.

3. Мкртычян Г. А. Психолого-педагогическая экспертиза инноваций в образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Инновации в образовании. 2005. № 1. С. 152–155.

4. Матвиевская Е. Г. Формирование культуры оценочной деятельности. М.: ФЛИНТА. 2014. 307 с.

5. Кучина Е. Н. Оценка как педагогическое понятие // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2016. № 1. С. 144–152. DOI 10.7442/2071-9620-2016-1-144-152.

6. Майоров А. Н. Мониторинг в образовании. М.: Интеллект-Центр, 2005. 424 с.

7. Кардашова К. В. Мониторинг в специальном образовании // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. 2016. № 1. С. 220–223. EDN WAMWQH.

8. Рыбина О. В. Мониторинг и диагностика качества знаний // Образование в современной школе. 2008. № 9. С. 5–8.
9. Болотов В. А. Оценка качества образования. Ретроспективы и перспективы // Управление школой. 2012. № 5. С. 9–11.
10. Назарова Т. С. Мониторинг материально-технического потенциала современного образования как фактор стратегии развития общего образования и реализации ФГОС // Стандарты и мониторинг в образовании. 2019. Т. 7, № 5. С. 3–11. DOI 10.12737/article_5dc53342761512.39203869.
11. Драчева Е. Л., Юликов Л. И. Менеджмент: учебник. 13-е изд. М.: Академия, 2013. 288 с.
12. Бегалинова К. К., Бегалинов А. С. Особенности образовательной системы в условиях глобализации // Философия образования. НФилософия образования. 2015. № 1. С. 5-13. EDN TJIFAN.
13. Соловьева Т. А. Системный подход к организации процесса включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду: монография. М.: МПГУ, 2018. 159 с.
14. Конева Е. В., Русанова Л. С. Качественные показатели психолого-медико-педагогического обследования детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования // Образовательная панорама. Ярославская область: пространство образовательных возможностей: научно-методический журнал. 2018. № 2. С. 20–24.